

Светлана Леонова
ОБЖИГАЮЩИЙ ЛЕД

Лед стал для них самой большой страстью в жизни. Казалось бы, что им делить? Лед должен объединять... Но даже он не в силах унять дух соперничества двух таких разных видов спорта.

Он — молодой, но уже очень именитый перспективный хоккеист одной из самых успешных команд КХЛ. Его жизнь — это вечная борьба, вечное стремление к новым целям.

Она — юная фигуристка. Ее имя давно уже на устах у широкого круга любителей фигурного катания и эксперты прочат ей успешное спортивное будущее.

Она для него — зазнайка и вертихвостка. Он для нее — грубиян и прожигатель жизни. В их отношениях не просто лед — самая настоящая Арктика.

Только ведь и лед может стать жарче огня... Особенно, если на нем кипят страсти и чувства, от которых искры летят.

Глава 1. Лабэндка!

— Ну что вы там копаетесь? — раздался из коридора недовольный голос тренера. — Не барышни. Живо на лед. Совсем за месяц распустились.

Дверь отворилась, и под неодобрительный взгляд седого мужчины команда стала покидать раздевалку. Звук коньков в пластиковых чехлах эхом разносился по длинному коридору, по которому можно было добраться до арены. Настроение царило отличное. То и дело слышались взрывы густого мужского хохота да задорные подтрунивания. После прошедшего месячного отпуска команда вновь собралась в полном, частично обновленном составе, чтобы начать тренировки. Впереди им предстояла немалая работа, чтобы вырвать в этом сезоне так нелепо упущенный кубок. За лето тренеры досконально разработали новый план подготовки, вплоть до индивидуальных тренировок. Вся игра соперников была разложена если не по полочкам, то до мельчайшего выпада точно. Главное, что горечь от поражения уже успела пройти и теперь у всех ребят остался голод до победы. Они вырвут этот кубок, каких бы усилий это не стоило!

Над ареной громкой звучала музыка, и ребята уже предвкушали, как с энтузиазмом примутся за разминку. Молодежь рвалась поскорее на лед, игроки постарше вальяжно и неторопливо шествовали следом — чего им было торопиться-то, а новички, еще не успевшие ознакомиться с новой командой, смущенно замыкали шествие. Настроение царило прекрасное, рабочее.

Ребята, первые достигнувшие бортов поля, громко присвистнули: на льду каталась тоненькая, словно тростиночка, девушка. Вся в черном, она напоминала маленькую черную кошку, и лишь ярко-белые коньки привлекали внимание к ее отточенным движениям.

Все в изумлении смотрели на незваную гостью. Раскатка. Разгон...

— Это как называется? Аксель? Тулуп? Лутц? — комментировали спортсмены каждое ее движение.

— Серый, не знал, что ты такие слова знаешь, — гоготнули рядом.

— У-у-ух, — поморщился рядом кто-то, когда девушка, не справившись с очередным прыжком, упала на лед и поморщилась от боли. Но тут же встала и поспешила продолжить свою тренировку, не обращая никакого внимания на своих зрителей.

— Характер, однако, боевой! — присвистнул вратарь — тот еще холостяк и ценитель женской красоты.

— Вот и учитесь у девушки, как надо переживать неудачи, — услышала команда голос подошедшего главного тренера. — Ничего нюни распускать, работать дальше надо. Сейчас она закончит, и начинаем.

Тренер обернулся к аппаратной и дал звукорежиссеру сигнал о готовности команды работать.

Едва музыка закончилась, девушка чуть сбавила скорость, но все же продолжила скользить по кругу, приводя дыхание в порядок, прежде чем уйти со льда. Но у самого выхода со льда ее остановил зычный голос тренера команды.

— Мария! Будьте добры, не уходите так быстро.

— Да? — удивленно вскинулась та, но все же вернулась на лед. Выглядела она при этом очень даже уверенной несмотря на то, что находилась все это время под пристальным вниманием двадцати пяти огромных бугаев в бесформенных экипировках ростом едва ли под два метра каждый. Двадцать чересчур уверенных в себе бугаев, жаждущих после неудачного сезона и прошедшего отпуска посоревноваться в остроумии и силе.

— Мария, вы никуда не торопитесь?

— Нет, моя тренировка окончилась, — непринужденно пожала она плечами, так и не понимая, чего же от нее хотели.

— Я хотел бы, чтобы вы провели небольшую тренировку с командой, — пояснил тренер.

Впервые за все это время девушка удосужилась бросить взгляд на тех, кс кем ей предложили поработать. Совершенно безразличный взгляд, словно перед ней не отличные игроки — мужчины в первую очередь — были, а так, какие-то неодушевленные предметы, совершенно не стоившие даже взгляда мельком в их сторону. А мужчинам стало даже обидно — зря, выходит, подбоченились, острили-юморили, улыбались изо всех сил.

— Михалыч, вы нас в фигуристы решили переквалифицировать? — раздался смех из команды.

— Да за ваши ошибки надо бы, — поддержал всеобщее веселье тренер. А то совсем расслабились, одно фигурное катание командное показывать стали. Итак, задача на сегодня: делаем разминку, а потом каждый индивидуально выполнит с Машей заданное ею упражнение. За каждую ошибку потом будет один буллит в качестве вратаря.

Маша, конечно же, не ожидала ничего подобного. Она перекроила свой график для того, чтобы с разрешения руководства клуба иметь возможность больше откатывать элементов непосредственно на льду. Осенью начнется череда турниров, и пока у нее было достаточно времени, чтобы усовершенствовать новую программу. Как хорошо, что ее тренер смогла добиться разрешения использовать эту площадку, пусть и предназначенную для хоккея. Маша готова была кататься даже на застывших прудах и озерах, вот только с погодой не повезло — на улице оканчивалось лето.

В этом году ей было к чему стремиться: по последним своим выступлениям она смогла улучшить результаты, приблизившись, наконец, к заветным медалям. Прошедший сезон оказался не таким уж богатым на спортивные трофеи, но и три завоеванные бронзы были не менее ценными для нее — вырваны у американок в нелегкой борьбе. Но самое главное, она наконец-то нашла своего тренера! Того самого, что сумел помочь преодолеть все свои сомнения и страхи, вылепить из маленькой девчонки прекрасного лебедя на льду. Их сотрудничество началось четыре года назад, когда в раздевалке к тринадцатилетней Маше, расстроенной очередным непопаданием в пятерку лучших, подседа незнакомая женщина.

— София Марковна, — просто представилась она девочке и протянула руку для приветствия.

Маша тогда ответила ей смело и жизнеутверждающе, несмотря на свое пораженческое настроение, и женщина поняла, что с этой девочкой они сумеют покорить лед. Ведь даже поражения не смогли сломить ее воли двигаться вперед, самосовершенствоваться. София Марковна тогда еще не знала, какая нелегкая судьба была у ее будущей подопечной, но узнав со временем, поняла, что сама судьба послала ей это чудо с нестигаемой силой воли и стальным характером.

Вместе с новым тренером началась новая веха в жизни юной спортсменки. Ежедневные изнуряющие тренировки, жесткий распорядок дня нещадно лишали последних сил, но все это принесло впечатляющий результат уже на первых соревнованиях — пятое место! Да, еще не третье и далеко не первое, но это был колоссальный скачек в ее успехе. Спортивные знатоки в один голос твердили, что у нее с тренером сложился прекрасный тандем: сила, выносливость и упорство фигуристки, мастерство, опыт и умение преподать свой багаж знаний тренера — этого оказалось достаточно, чтобы карьера Маши, что называется, выстрелила. Но было еще кое-что, что сумела раскрыть в своей подопечной София Марковна — она сумела вселить в девочку веру в себя, свои силы, жажду до победы и умение наслаждаться своей работой.

— Если ты не любишь фигурное катание, что ты здесь тогда делаешь? — твердила она всем своим воспитанницам. — Отточенность движений никто кроме тебя не сделает. Деревянные руки-ноги? Не беда, все поддается в процессе тренировок. Не прыгается в высоту? Попробуем еще раз, разберем все кадры тренировок. Обороты я за тебя не сделаю, но найти оптимальную возможность добить их я помогу. Запомни, главное в нашем деле — труд и упорство.

И Маша трудилась. За двоих. Чтобы потом не было стыдно ни перед собой, ни перед Софией Марковной. Она собирала в свою копилку медали одну за другой, а впереди маячила еще одна заветная мечта — золото Олимпиады. Никто из них пока даже вслух не решался озвучить эту общую мечту, но даже сам факт попадания на игры такого уровня уже стал бы огромным событием. А для этого требовалось работать над собой снова и снова.

Сегодняшняя тренировка не стала для нее исключением. Маша порядком задержалась на льду, она и сама это прекрасно понимала. Да и находиться под пристальными взглядами почти трех десятков пар мужских глаз ей было как-то неловко. Мужчины всегда такие мужчины, начинают друг перед другом заноситься, соревноваться в умении привлечь к себе женское внимание. А Маша этого страсть как не любила. Распетушатся, как павлины драные, и чувствуют себя неотразимыми. Но просто взять и уйти было бы, по меньшей мере, некрасиво, учитывая, как ей пошли навстречу с площадкой для тренировок, поэтому следовало задержаться и оказать ту услугу, о которой попросил ее тренер команды. Тем более, с нее же не убудет.

— Да, конечно, — улыбнулась она, прикидывая мысленно, что же такое нужно придумать для этой разминки, так как фигурное катание и хоккей все же далеки друг от друга как небо и земля.

— Что ж, к сожалению, так вышло, что к нашей тренировке я оказалась не готова, — заняв место в центре поля, Маша постаралась обратить на себя внимание и перекричать мужской гул, — поэтому предлагаю отработать раскатку, контроль скорости и повороты.

— А прыжки отрабатывать тоже будем? — послышался где-то позади собравшихся

хоккеистов хохот.

— А как же! — тут же схохмила Маша, — Если есть желающие, обязательно. С четверного тулупа сразу и начнем. А пока вспомним основное движение, которое пытаются сделать все новички, только что вставшие на лед — просто прошагаем по льду, как мы обычно шагаем по земле. Руки разводим в стороны, спину прямо и шагаем, не глядя под ноги. Вот так, просто шаг, не скольжение. Пробуем? Давайте для удобства встанем в линейки по пять человек, все должны уместиться. Начали.

Маша встала во главе этой импровизированной колонны, задавая темп, а затем развернулась лицом к мужчинам и, шагая спиной назад, наблюдала за каждым.

— Не скользим! Шагаем! — громко подбадривала она. — Как новички на льду, не умеющие ничего!

Она откатилась в сторону, чтобы эта толпа огромных мужиков не снесла ее, и наблюдала со стороны.

— Отлично! Теперь упражнение "Фонарик". Держим корпус тела ровно, для координации разводим руки в стороны, ноги на ширине плеч, чуть пригибаем в коленях, вот так, — каждое свое движение девушка наглядно показывала, делая акцент на нем, — и чуть разводим ноги, выпрямляя колени, а затем прямые ноги сводим вместе. Рисуем на льду лезвием китайские фонарики. И rrrrrааааз! И rrrrrааааз! Поехали!

Повернувшись сперва спиной ко всем, вновь показывая, как правильно выполняется упражнение, Маша с середины поля вновь обернулась всем корпусом и продолжила наблюдать, откатываясь спиной назад.

— Чудно! Теперь усложним наш фонарик приседанием. Делаем два узора "фонарика", затем приседаем, корпус при этом держим ровно, не проваливаемся в глубокое приседание и на дальнейшем скольжении прокатываемся вперед. Кому упражнение покажется легким, тот может смело переходить к приседаниям при выходе из "фонарика".

Маша вновь все наглядно продемонстрировала. Кое-кто сразу же начал повторять следом за ней, не дожидаясь команды, остальные с пренебрежительной улыбкой наблюдали, чтобы потом проделать то же самое. Невысокой худенькой девчужке удавалось все с изящной легкостью, мужчины же казались такими нерасторопными и неуклюжими, будто на лед вместо них выпустили группу слонов или медведей. На это было забавно смотреть со стороны, и Маша не смогла скрыть улыбки. Здоровенные детины послушно, хоть и с большой неохотой, выполняли нелепые задания.

— Что ж, давайте перейдем к чему-нибудь посложнее. "Цапля"

— Теперь мы элегантные цапли, — откровенно заржали мужчины.

— Тишина на площадке, — вмешался тренер, осаживая ненужный смех.

— Отталкиваемся, и в скольжении сгибаем одну ногу. Для равновесия все так же удерживаем руки. Делаем это, поочередно меняя ноги. Сначала правая, потом левая. Опускаем ногу, отталкиваемся, выпрямляем, поднимаем другую. И раз, и два, и раз, и два. Отлично! Ногу опорную держим прямо, не сгибаем. Ровнее. Отлично! Теперь усложняем, добавляем мах ногой...

Маша понимала, что требовать чего-то запредельного от команды хоккеистов было равносильно экзаменованию новичков, поэтому следовало немного сбавить темп и дать передышку. Она развернулась, чтобы посмотреть на успехи ее временных подопечных, и ее на полной скорости тут же сбил один из этих амбалов, при этом еще и завалившись сверху, придавив ко льду. От столь бесцеремонного несоблюдения дистанции и прямо-таки

силового приема девушка весьма ощутимо приложилась затылком ко льду, хотя и успела в последний момент сгруппироваться и переместить всю тяжесть падения на пятую точку. Только вот если б не этот увалень, что навалился сверху, падение было бы куда как приятнее и менее ощутимее. А ему хоть бы что! Улыбался ей во все свои тридцать два зуба... Тридцать два ли своих? Или уже успел, как и многие его коллеги, подрастерять малость и заменить на современное чудо медицинских технологий?

— Прошу прощения, — просиял он, хотя во взгляде никаких извинений и в помине не было. Но для галантности он все же подал девушке руку, от которой Маша отмахнулась, как от змеи. — Что же вы так неосторожно? Так и травму заработать недолго... Хоккей — это вам не балет на льду.

И криво ухмыльнувшись, тихо съязвил:

— Лабэндка чертова!

Маша невольно потеряла ушибленный затылок. Больно, причем ощутимо так больно. И перед глазами немного плыло. Не хватало только еще сотрясение получить из-за этого... Даже слов не подобрать культурных, чтобы назвать этого хама.

— Смеляков! — тут же раздался голос тренера команды, и от громогласного его голоса в голове зазвенело. — Твою ж дивизию, ты смотришь, куда прешь? Даже на тренировках штрафные зарабатываешь.

В довершении ко всему он призвал своих бойцов к тишине громким свистком, и Маша уже не могла сдержаться, чтобы не поморщиться от жуткого громкого звука.

— Все в порядке? — заботливо спросил он, едва оказавшись рядом.

— Да, вполне. Рабочий момент.

— Думаю, нам стоит закончить вас мучить...

— Ну что вы, Анатолий Михайлович, — улыбнулась фигуристка, представляя, что сейчас ей представится очень хороший шанс отыграть очки в свою пользу. Сейчас она покажет этому самоуверенному типу балет на льду. — Мы еще не закончили, только разминку прошли. Мне бы хотелось показать несколько разворотов, думаю, они пригодятся и вам в работе на льду. Попробуем?

Она показывала легкие приемы, но для спортсменов, приходивших даже на тренировку в обмундировании, это было не так-то просто повторить. А Маша подбрасывала им все новые и новые элементы. Смеляков, так, кажется назвал того зарвавшегося хоккеиста тренер, особенно часто выступал у Маши в роли манекена для изучения допущенных ошибок. Ему это очень не нравилось, да и постоянные подтрунивания команды настроения не улучшали, но парень тепел, так как рядом стоял тренер и зорко следил за каждым. Должно быть, дисциплина здесь, и вправду, была не просто звуком, а основой всего.

— На этом я бы хотела закончить, — ослепительно улыбаясь, сделала показательный поклон Маши и обернулась к тренеру.

Ее тренировка закончилась.

Глава 2. Смелый

После тяжелой изматывающей тренировки теплый душ был самым настоящим блаженством для ноющих мышц. Да и шкварчащие эмоции понемногу остывали. Минут пять-десять под теплой водой, а затем резко сменить на ледяной душ, пара секунд — и он снова готов воспринимать мир за пределами льда. Станный ритуал, немного даже неправильный, но так у него было заведено с детства. С тех самых пор, как отец оставил их с матерью и маленькой сестрой ради какой-то молоденькой вертихвостки, что постоянно

крутилась возле него на работе, а затем и за пределами. Ярослав до сих пор так и не смог найти в себе сил, чтобы простить его, хоть отец сделал все возможное, чтобы помочь сыну и дать состояться его карьере. Еще бы, ведь Александр Смеляков был едва ли не лучшим тренером среди всех столичных школ хоккея, и бросить на произвол судьбы парня, подававшего надежды на прекрасное спортивное будущее, было бы по большей части недальновидно и безрассудно. Яр всегда с отвращением вспоминал все те годы обучения в школе хоккея — именно потому, что от него всегда чего-то ждали. «У тебя же отец! Ты должен!» Должен! Только ОН должен! Почему, черт возьми, он должен? Он, а не отец, который их бросил на произвол судьбы? Почему он должен был подстраиваться под его новую семью, принимать новую жену и их детей, называть братьями? Разве можно было считать отцовским долгом высокие амбиции тренера по отношению к своему воспитаннику? Яр мог бы по пальцам сосчитать те скудные похвалы, что слышал он от отца. Алинке, сестре, повезло и того меньше — ее отец видел и того реже, все их встречи ограничивались лишь воскресными посиделками в каком-нибудь кафе при театре или парке, да финансированием престижной школы, после которой у нее открывались блестящие перспективы. Вроде бы отец не оставил их на произвол судьбы, даже помогал, но Яр не прощал обид. Он не мог забыть слез своей матери, ее сломанной жизни и одиночества, в то время как родитель довольствовался юной любовницей. Ведь это мать столько лет вместе с ним выстраивала его карьеру, взяла на себя все хлопоты, позволяя несостоявшемуся хоккеисту стать успешным тренером, попасть к которому теперь было большим счастьем. Яр сумел пробиться в молодежку одного из престижных клубов КХЛ не благодаря протекции отца, а вопреки. Выкладывался на всех занятиях на двести, триста процентов, всегда до остервенения отрабатывал броски и передачи. Он не хотел, чтобы его имя ассоциировалось с отцом. Хотел даже сменить фамилию на материну девичью, но та ему не дала согласия на то. Каждый его день был посвящен тому, чтобы в любом деле доказывать всем и вся, что он сам лучший, а не просто продвигенец отца.

Яр ожесточенно ударил кулаком по плитке в душевой. Наверно он так никогда и не избавится от этого проклятушного чувства собственной никчемности, а ярлык «сын при влиятельном папочке» никогда от него не отвяжется. Он уже многого успел добиться сам, но отчего-то все казалось, что все вокруг нет-нет, да и перешептываются за спиной, докладывая отцу об удачах, но особенно о неудачах. Да и отец в последнее время подозрительно часто был замечен на домашних играх среди руководства клуба. Яр особенно не любил такие смотрины. После одного из таких матчей отец дождался его, но вместо каких-нибудь ободряющих слов раздали лишь сухие замечания о допущенных ошибках. Пожалуй, это был последний раз, когда они встретились лицом к лицу и говорили. Отец нравоучительно, Яр резко и эмоционально. В дальнейшем родитель просто благоразумно держался подальше.

Что сегодня на него нашло, Яр и сам не мог бы внятно сам себе объяснить. Плохое настроение? Не просто плохое, а ужасное, стоило только узнать, что руководство клуба рассматривает возможность взять отца одним из тренеров их команды. Теперь было понятно, отчего тот так часто торчал на их играх, а порой и тренировках. Не ясно было только одно: какого черта ему не сиделось с детьми? Тренировал бы их потихоньку, как прежде, чего соваться во взрослый спорт? Или еще не наигрался в великого отца, пробившего сыну дорогу к великому будущему? Яр еще раз с силой ударил кулаком об стену.

— Чего бесишься, Смелый? — услышал он из соседней душевой. — Из-за девицы этой что ли? Да уж, выставила она тебя сегодня балериной, что ни говори.

Ярослав стиснул зубы, чтобы не сорваться. Он едва дождался окончания тренировки, чтобы поскорее убраться со льда. Девица эта изрядно над ним поглумилась, выставила посмешищем перед всей командой. Конечно, после начала основной тренировки никто уже и не вспоминал об уроках фигурного катания, но осадок от этого все же остался немалый. Хотя он тоже хорошо: сбил с ног, будто перед ним один из игроков. Ну, забылся малость, с кем не бывает? Мог бы он предотвратить этот наезд с последующим падением? Да, только не стал делать этого. Почему? Возможно потому, что хотелось позлить ее. Но стоило признаться, фигуристочка эта очень хорошо ощущалась под его телом, несмотря на то, что он был в экипировке. Да и тонкий аромат ее духов преследовал его до сих пор: чуть сладкий, с чарующими нотками то ли яблока, то ли мандарина и чего-то еще пьянил своей ненавязчивостью и легкостью. Она вся была окутана этим ароматом, и даже после ее ухода этот запах преследовал его на арене. Чертов аромат, чертова лабэндка. Яр снова замахнулся для удара, но передумал. Руки-таки зачесались, но не от желания расколошматить плитку в душевой — ему снова хотелось ощутить под собой ее легкость и увидеть недовольную мордашку. Она забавная, когда злилась. Ощущался ее характер. Но, черт возьми, какая же заносчивая, зараза! Это ее чувство превосходства... нет, без него, конечно же, в таком виде спорта никуда, но как же хотелось поставить выскочку на место.

— Было б из-за чего беситься, — ответил все же Яр, когда выключил воду. — И без этого проблем хватает.

Отец, как и всегда, ждал его возле выхода из ледового дворца. Ярослав только взглянул на него исподлобья и демонстративно отвернулся, не желая снова выслушивать очередную порцию нотаций и разборов промахов. Только не сегодня. Хватит с него на сегодня. Так и пробежал мимо, чувствуя тяжелый взгляд вслед. И ощутил, как горько стало от этого на душе. А ведь когда-то они были одной семьей. Крепкой, дружной, он боготворил отца, мечтал быть похожим на него, не подвести... Куда все это делось? Отец разрушил это, с легкостью переступив через семью и уйдя в новые отношения. Значит, не так уж и дороги они ему были.

Впереди замаячила знакомая худенькая фигурка. Яр даже невольно замедлил шаг, задержав на ней взгляд. Маша, так, кажется, ее называл Михалыч. Определенно, но ее видел где-то среди общей массы фигуристов. На каких-то рекламных плакатах, в журналах, только фамилию ее никак не мог вспомнить. Кто-то не жалел денег в ее раскрутку.

И этого кого-то Яр имел возможность увидеть прямо сейчас. Из припаркованного прямо напротив входа огромного черного внедорожника вышел мужчина средних лет, одетый в дорогой костюм известной марки, и девчонка устремилась прямо к нему, перехватывая с плеча свою увесистую спортивную сумку. Ему оставалось лишь наблюдать, как этот мужчина с улыбкой прижал ее к себе, целует в висок и, перекинувшись о чем-то несколькими словами, забрал сумку и усадил в свой автомобиль. Вице-президент по маркетингу клуба. Птица высокого полета, такая уж точно сумеет обеспечить попадание юного дарования к лучшим тренерам, а также выбить любые условия для работы. И сегодняшняя ее тренировка на хоккейном льду в порядке исключения не что иное, как его личное покровительство. Чувство презрения к ней медленно разгоралось внутри. Еще одна вертихвостка, падкая до чужих денег. Потеряв всякий интерес к ней, Яр направился к своей машине, закинул в сердцах в багажник сумку и поехал домой, в пустую чужую квартиру, которую снимал вот уже несколько месяцев. Сегодня хотелось выпить, но режим, черт возьми, не позволял — завтра серьезная домашняя игра.

Глава 3. Быть достойной

Глава 3. Быть достойной

— Что у тебя сегодня случилось?

Не хотелось затрагивать эту тему, но разговор ведь все равно рано или поздно вернется к ней, хотя ничего существенного Маша в ней не видела. Она отвлеклась от созерцания мелькавших улиц и повернулась к мужчине за рулем. Каждый раз смотрела на него и на сердце становилось так тепло и спокойно. Он уже давно разменял пятый десяток, но все равно оставался опасно красив. Даже ей, неискушенной молодой девушке, чувствовалось это. Его сосредоточенные и суровые черты рядом с ней менялись, в глазах появлялся мягкий теплый блеск, и улыбка... Ах, какая улыбка была у него! С нее, наверняка, сходили с ума толпы женщин, но Маша знала, что предназначена она была только для немногих, самых близких и любимых. И для нее в том числе. Этот мужчина всегда вызывал у нее восхищение.

— Ничего не случилось, с чего ты взял, — как можно беспечнее ответила она, пряча взгляд. Но собеседник повернулся к ней, отвлекшись от дороги, и несколько секунд внимательно всматривался.

Не поверил. Она поняла это по тому, как поднялся вверх уголок губ.

— И все же?

— Ну пап! — не выдержала Маша. — Сказала же, что все нормально.

— Я про твое падение. Может стоит обратиться к врачу? Как бы не было сотрясения. У тебя соревнования скоро, не хотелось бы проблем.

— Не стоит, я нормально себя чувствую...

— Мама все равно заставит тебя обратиться к специалисту, давай не будем заставлять ее лишний раз переживать.

Отношение родителей в ее семье было самым настоящим примером для подражания. Маше иногда казалось, что они поставили такую планку, которую не каждой семье было по силам перешагнуть. Доверие, взаимоуважение, любовь и забота — на этом стояла их семья и это дорогого стоило. Здесь никогда не было деления «свои-чужие». Здесь все были своими, родными.

Ей было около шести лет, когда родители забрали ее из детского дома. Шесть лет. Малый возраст для человека. И огромный для ребенка, от которого за такой крохотный период уже успела отказаться родная мать и приемные родители. То, как она оказалась в этой семье, рукой судьбы и не назовешь. Это было слишком запутано, слишком невозможно, и все же так было. Детский дом, новенькая девочка, которая впервые оказалась вдали от мамы — ей сказали, она умерла — и их крепкая дружба. Аня. Они были словно две родственные души, не разлей вода. А потом в приехали родители Ани, живые и чрезвычайно взволнованные. Маша помнила, как они все время плакали, обнимая родную дочь. Помнила и того большого сурового мужчину, который все время ограждал их, пока вел суровый разговор на повышенных тонах с директором. Что она могла тогда понимать, совсем мала же была. Но этот эпизод запомнила почему-то на всю жизнь. А та женщина, что едва находила в себе силы не плакать и постоянно держала Аню то за руку, то в объятиях. Маше казалось, что красивее ее она никогда не видела. Даже с заплаканными глазами, опухшим носом, она все равно казалась ей божественно прекрасной. Аню забрали в тот же день. А она осталась одна. Такого одиночества Маша никогда еще не испытывала в своей жизни. Это было больно. Ей хотелось приткнуться куда-нибудь и выплакаться, осознать и вновь привыкнуть, что она снова осталась одна.

Совершенной неожиданностью стал для нее приезд Ани. Да еще и с родителями. А потом были новые и новые посещения. Маша буквально жила ожиданием их приезда. Ах, как же она в тайне завидовала подруге — у той нашлись родители. А она так и останется в детском доме среди чужих взрослых, меняющихся едва ли не каждый год, со старыми потрепанными игрушками и вечно шумящими ребятами.

— Машенька, приведи себя в порядок, — строгая воспитательница одернула ее платьице, желая натянуть подогнуть маленькой вещь по росту, но тщетно. — К тебе приехали.

Маша и так знала, кто должен был приехать к ней. Но зачем тогда ее так нарядили? Зачем банты и туфли?

— Приехали твои будущие мама и папа...

И тут ее охватило такое отчаяние. Ей бы радоваться, что нашлись наконец-то для нее родители, но это означало... что она никогда больше не увидит Аню, не увидит ее родителей.

— Не хочу, — заупрямилась тогда, упираясь. — Не хочу. Не хочу родителей. Не хочу уезжать. Хочу к Ане.

Сквозь собственные рыдания, сквозь строгие слова воспитателей и директрисы она расслышала единственный голос, который смог заставить ее притихнуть.

— Оставьте ее в покое! Не трогайте. Машенька, это я. Посмотри на меня, моя хорошая. Я пришла за тобой. Аня, папа... Мы все пришли за тобой, ты меня слышишь? Мы, мы пришли за тобой. Посмотри на меня...

А потом были теплые объятия. Мамины объятия. Такие ласковые, нежные. И от мамы так вкусно пахло. Наверно именно такой запах у нежности и материнской любви. Ее увезли домой в тот же день. Маша помнила, как боялась ложиться спать, потому что все казалось чудесным сном, который растает к утру, оставив лишь одни горькие сожаления. Но утренний подъем от крепких объятий Ани доказал, что ее мечта о семье и доме стала реальностью.

Наверно маме было нелегко с ней. Перебороть свой страх вновь быть брошенной было нелегко, но вся семья прошла этот нелегкий путь вместе с ней. Самым сложным было решиться сказать одно слово. Одно, но зато какое! Самое важное для каждого ребенка. И самое-пресамое важное для брошенного ребенка. Мама! И когда она все же смогла, плакали обе. Мама стала для нее самым родным и близким человеком, если не считать Аню.

К своему новому папе она привыкала гораздо дольше. Сказалось и то время, что пришлось прожить в Германии, куда он их отправил ради благополучия семьи, и его напряженная работа, и его строгий вид. Но уже ребенком Маша чувствовала, что не может быть плохим человек, что так трогательно заботился о любимой женщине и детях, даже чужих. Весь их клан, как Маша частенько сейчас шутила, называя семью, принял ее тепло и искренне. И она гордилась каждым из них, равно как и знала, что ею гордятся не меньше.

Мама стала для нее истинным идеалом женщины: красивая, заботливая, талантливая — ей хотелось подражать. Маше казалось, что Ане, с ее унаследованной природной грацией даже не нужно было стараться, чтобы походить на маму, а вот ей приходилось долго и упорно работать над собой. И когда ей говорили, что она, в отличие от сестры, похожа на мать, высшей похвалы и придумать нельзя было.

Отдать ее в школу фигурного катания была всецело папина идея. Он заметил, с каким восхищением смотрела она по телевизору трансляцию чемпионата, как пыталась по-детски повторить прыжки и обороты дома на полу, после чего на семейном совете и было решено:

будем пробоваться. По меркам профессионального спорта возраст ее для начала подготовки к спортивному будущему был уже малоподходящим, но все же тренер, посмотрев на ее хореографию и растяжку (спасибо маме за занятия вместе с ней танцами), решил дать ей шанс. Все свои успехи Маша посвящала родителям за их веру в нее. Ей хотелось, чтобы они гордились ею, хотелось доказать, что она достойна быть членом их семьи и ни в коей мере не вызовет у них чувство стыда. И сколь бы родители ни говорили ей, что она, глупенькая, зря переживает по этому поводу — любить ее и без побед будут, она все равно не щадила себя, чтобы быть достойной их.

Разве могла она хоть даже в мыслях дать маме расстроиться или переживать? Конечно же нет. Именно поэтому отец отвез ее сперва к врачу, и после обследования, удостоверившись, что все в порядке, уже можно было возвращаться домой. О падении двое заговорщиков еще в машине решили не рассказывать, чтобы побережь чуткие материнские нервы. Маша украдкой смотрела, как радостно засияли глаза родителей, едва только они увидели друг друга. Короткий поцелуй не смог скрыть пылкость — годы все же не остудили их любовь. Мама — такая ладная, до боли красивая, и папа — с возрастом все более импозантный и серьезный, но как они идеально они подходили друг другу. Маша знала как нелегко далось им их счастье, но ведь оттого оно и ценнее, так ведь? Счастливо улыбнувшись своим мыслям, она убежала в спальню и устало плюхнулась на постель, не найдя в себе даже сил переодеться. Эх, разве можно найти еще одного такого же мужчину, чтобы так мог любить? Все же такой высокий идеал семьи и отношений — это все же зло. Так ведь можно и разочароваться в людях, которые не смогут дотянуться до него. А глядя на пример родителей, меньшего Маше и не хотелось.

Мысли отчего-то совершенно неожиданно вернулись к сегодняшнему происшествию на льду. Ничего особенного, без последствий же... но отчего-то дерзкий блеск синих, как лед, глаз не отпускал ее.

«Лабэндка чертова».

Кстати, что это за слово такое — лабэндка? Наверняка, ругательство какое. А что обозначало? Маша от злости даже резко села, как подумала, что все это он проделал на глазах у своих товарищей. Захотел посмеяться? Но не учел, что козыри были в ее руках — после проведенной ею разминки он разве что от злости зубами лед не грыз. Уж Маша-то постаралась придумать для него самые нелепые и сложные элементы.

Глава 4. Ворованный поцелуй

Глава 4. Ворованный поцелуй

Тяжелая рутинная работа захватила все свободное время. Если что-то и оставалось для себя, Яр старался проводить как можно веселее и беспечнее. Этим конечно же были недовольны тренеры, но на результативность не сказывалось, а потому он не видел ничего зазорного в таком времяпрепровождении. Отец вошел в тренерский состав, и теперь его постоянное присутствие нервировало нещадно. Возможно это в большей степени и стало тем самым катализатором к кутежам и своеволию. Сделать назло, хоть и сам понимал, что вредит, прежде всего, именно себе. Отец попытался пару раз переговорить с ним, но Яр снова пресек эти подходы. Разговаривать им было не о чем. У них сейчас только рабочие отношения, не более. Когда мать узнала о поступке отца, она лишь только сокрушенно покачала головой — поняла, должно быть, причину столь безалаберного отношения сына к работе. Не было мотивации, даже несмотря на то, что команда уверенно шла к победе. Но и ее нравучений Яр не хотел. С годами она научилась жить с болью и обидой, наверно, даже

пыталась придумать оправдания отцу, только был ли смысл от этого? Отец так ни разу и не попросил у нее прощения. Вычеркнул ее из своей жизни, каким-то образом помнил лишь обязательства перед детьми. А Яру этих его мнимых знаков внимания было чересчур. Он едва сдерживался, чтобы не дерзить в открытую. И это стало вскоре сказываться на его игре. Скамейка запасных замаячила как никогда близко в перспективе.

После одной из таких провальных для него игр, не выдержал главный тренер.

— Ты сам-то себе нравишься? Что с тобой вообще происходит? Результативности нет. Четвертая пятерка тебя устраивает что ли или ты так стремишься на скамейку запасных? Ярослав, если б я тебя не знал, подумал бы, что клуб сильно ошибся в тебе. Но ведь я лично отсматривал твои игры, своими глазами видел, на что ты способен. И ты нам это показывал в прошлом сезоне.

— Все нормально, Анатолий Михайлович, я все исправлю.

А что еще он мог ответить? Ну не жаловаться же о своей неприязни к собственному родителю.

— Ярослав, давай начистоту, что у тебя происходит. Это как-то связано с приходом твоего отца?

— Нет, абсолютно, — жестко ответил Смеляков, глядя в пол. Эта беседа стала порядком надоедать ему. Выискались помощники-психологи.

— Уверен?

— Уверен. Я могу идти?

— Ну иди, раз так. Захочешь поговорить, подходи. — И уже вслед удалявшемуся игроку бросил. — Не забудь, послезавтра на фотосессию. И хорошее настроение прихвати с собой.

Фотосессия. Ярослав совсем забыл о ней. Это должен был быть какой-то проект для благотворительности — клуб совместно с многочисленными партнерами всегда открыто действовала в этой сфере, привлекая и своих игроков.

Место сбора команды всегда одно — возле огромного комплекса, являвшегося домашней ареной. А оттуда уже организованно отправлялись на фирменном автобусе на мероприятие. Однако в этот раз фотосессия проходила прямо на родном льду. В этот день творить красоту во имя брошенных больных детей собрались фотографы и стилисты, вся хоккейная команда, а в помощь им прибыли и именитые спортсмены и звезды.

— Смеляков, тебе доверим самую хрупкую нашу участницу, — услышал он распоряжение главного тренера, но сам в этот момент видел лишь ее одну. Ту дерзкую девчонку, что выставила его посмешищем перед глазами всей команд. Он уже и думать о ней забыл, но сейчас что-то всколыхнулось вновь, заставляя бурлить кровь. Что они там говорили? Именно она будет с ним в паре? У него от предвкушения даже руки заломило.

— Задача перед вами: вы рекламируете часы. Главное — в любом ракурсе не забывать о продукте. Договорились?

Короткий утвердительный кивок, а эта малышка даже и не обернулась в его сторону. Хорошо хоть подкатила ближе. Маленькая, надменная, даже высокомерная, она улыбалась всем, но только не ему. И это его раздражало до крайности. Она даже не удостоивала его мало-мальского взгляда. Ему бы отработать эту чертову фотосессию и убраться вон восвояси, а он бесился, что эта маленькая девчонка его игнорировала по полной программе. Ярослав дурачился, специально портил кадры, не желая отпускать из рук фигуристку. Чувствовал, как ей неприятно его общество, как злится, когда он позволял себе слишком близко притянуть ее к себе. И у него просыпался какой-то дикий азарт вывести ее из себя.

Да ему и делать-то особенно ничего не нужно было — она с первых же минут показала все свое недовольство партнерством с ним, но профессионализм все же взял верх и Маша приступила к работе. Им нужно было изображать танцующую пару насколько это позволить лед и навык партнера. Звуки затвора камеры все щелкали и щелкали, и все внимание было устремлено на парочку под объективами и искусственным освещением. Яр чувствовал, как ей дискомфортно, но она и вида не подавала.

— Вы такие здоровские, ребята! — вдохновенно воскликнул фотограф, работавший с ними. — А давайте-ка попробуем что-нибудь симпровизировать. Давайте добавим танцев и огня к вашей паре. Тем более, что вы, молодой человек, очень подвижный, а партнерша ваша темпераментна под стать. Давайте попробуем страсть противостояния... Этакое танго на льду. Миша, добавь в свет немного красного.

Пока менялось освещение, партнеры внимательно слушали фотографа, пытаясь понять, что же от них хотят.

— Ярослав, от вас требуется только крепко прижимать к себе Машу. Ну а вам, моя дорогая, достанется вся основная эмоциональная работа. Роковую Кармен не прошу, но попробуем что-то изобразить в парном катании?

Маша понимающе кивнула и отъехала к другому краю борта, должно быть, чтобы набраться решимости. Яр не сводил с нее глаз. Почему-то ему нравилось, как она нервничала в его присутствии. Он словно хищник гонял свою добычу из угла в угол, желая насладиться ее поражением. Сейчас эта девочка наберется смелости и вернется, а он посмотрит на ее реакцию. Холодная, неприступная. Интересно, с папиком своим такая же или все же темпераментнее? Он тоже сюда прикатил на съемку, вон как сурово глядит из-под нахмуренных бровей, сосредоточенный весь, словно сторожит. Маша же сосредоточена на своей работе, более не на чем. Ответственно подошла к заданию. Хмурится, но послушно исполняет указания. Пара снимков в тесных танцевальных объятиях, но при этом руки напряжены до предела, едва-едва не отталкивая друг друга. Как и хотели: страсть противостояния. Ничего порочного, но у Ярослава кровь жаром разливалась по телу от ее близости. Она изящно закинула свою ножку на его, а ему даже подыгрывать не нужно было — рука сама потянулась по изгибам, от щиколотки вверх к бедру. Щелк. Нужно сменить ракурс. Но, черт, как же сложно заставить себя это сделать. Щелк. Отпустил ее, резко развернув к себе лицом и встретившись с ее хлестким взглядом. Щелк. Все вокруг растворилось, потонуло в каком-то вязком тумане, остался только один ее взгляд, полный яростного вызова. Щелк. Обхватил ее под спиной и стал склоняться, заставляя прогибаться назад. Гибкая, податливая, понимающая что от нее хотят в этот самый момент... Мысли совсем ошалели от такой близости. Глаза блуждают по ее лицу, по шее, скользят вниз и снова возвращаются к губам. Щелк. Щелк. А он не в силах отвести взгляда от манящих спелых губ, чуть приоткрывшихся словно в приглашении. И он уже не мог себя контролировать. Хотелось бросить ей вызов. Хотелось бросить вызов этому чертову вице-президенту клуба, надерзить, показать, как легко сорвать с этих милых губ гребаный поцелуй, украсть то, что принадлежит другому. Яр дотянулся до ее лица, коснулся пальцами щеки, немного помедлил, склонился к девчонке и, намеренно чуть укусив ее губу, сорвал запретный поцелуй. Несколько секунд, словно ворованных у кого-то. Щелк. Щелк. Щелк. Он сумел взять себя в руки и поднять голову. Растерянный взгляд Маши в доли секунд зажегся гневом, и горячая ладонь тут же отвесила ему звонкую пощечину. Девчонка тут же вырвалась из его рук и, отъехав на приличное расстояние, обернулась. Потирая ушибленную щеку, Яр

самодовольно улыбнулся, отвечая на ее негодование усмешкой.

— Ой, придурок, — услышал он неподалеку от себя чей-то разочарованный выдох, но было откровенно плевать. Глазами прошелся по трибунам, чтобы посмотреть на реакцию этого хмыря. Тот бросил холодный оценивающий взгляд на игрока и развернулся, чтобы покинуть арену. По пути он подозвал к себе главного тренера и перекинулся с ним несколькими словами, после чего просто удалился.

— Смеляков, закругляйся, — скомандовал Анатолий Михайлович с дальних трибун, — достаточно с тебя. Твой фэйс уже не фотогеничен.

Громкий смех партнеров по команде словно ушат холодной воды охладил его спесивость. Дьявол, эта девчонка вновь смогла выставить его на посмешище перед всей командой, и виноват в этом был, прежде всего, он сам. Поддался собственной слабости. Посмотрел вслед уходящей Маши и почувствовал некую досаду. Что на него нашло, какой бес вселился? Ее присутствие действовало на него разрушающе, лишало мозгов и чувства самосохранения. Если б не ее пощечина, сам бы не знал, чем закончилось все. Ему б теперь думать о последствиях своей выходки, а он лишь только о ней, занозе этакой...

Последствия не заставили себя ждать. В ближайшей игре Смеляков был заявлен на скамейке запасных. И второй, и третий матч тоже. На его карьере и больших мечтах можно было поставить крест. Никогда ранее его не оставляли вне игры. Да и других игроков без причины тоже. Хотя, причина-то тут была, и Яр даже знал какая. Сомнений быть не могло, только по личному указанию одного из руководителей клуба он мог вынужденно отдыхать, наблюдая за игрой без права повлиять на ее исход. Вице-президент по маркетингу — Соболев Станислав Игоревич. Ревнив оказался, не простил подката к его молодой протее. Даже отец отчего-то молчал, не пытался поучить его уму-разуму. Значит, действительно, все дело было в уязвленной гордости топ-менеджера.

Настроение было ни к черту, и Яр вымещал его как мог на тренировках, где никто не смел ограничивать его в ледовых сражениях. Унижаться перед кем, просить вернуть в игру он не собирался. Анатолий Михайлович сам решит, когда наказание должно закончиться, а сам Смеляков сделает все от него зависящее, чтобы показать, что он в силах играть и запал его никуда не делся.

Глава 5. Вспоминать нельзя забыть

Глава 5. Вспоминать нельзя забыть

После той злосчастной фотосессии Маша клятвенно обещала себе все забыть и больше никогда к этому не возвращаться. Отец тактично не стал расспрашивать ни о чем, просто спросил, все ли нормально и требуется ли поговорить. Но она посчитала, что эпизод не стоил и ломанного гроша... Мама, конечно же, услышала все за вечерней чайной посиделкой на широком диване в уютной гостиной перед работающим лишь фоном телевизором, но, в отличие от отца, попыталась выведать немного больше информации. Маша ограничилась лишь сухой констатацией факта, дав понять, что эпизод закрыт и ей не интересен.

Ан-нет. Как же она ошиблась в самой себе. В свободное время она думать ни о чем другом не могла, снова и снова прокручивая в голове тот момент. Она тогда так растерялась. Не от неожиданности, нет — каким-то чутьем понимала, что не избежать поцелуя. Слишком уж настойчив был парень, слишком явно обозначал свое желание. Смелые прикосновения для камеры, будоражащий огонь в темных глазах. Ей стоило прилагать много усилий, чтобы напоминать себе ежесекундно: идет съемка, вокруг них слишком много людей. Да еще и появление отца было совершенно некстати. Дожить бы до окончания этой съемки, поскорее

прочь от этого наглеца. Но она и сама не понимала, отчего так подгибались ноги, едва только ощущала его руки на себе. Какое-то наваждение. И ведь он ей не понравился даже. Совсем. Что там может нравиться? Огромный рост под метр девяносто против ее метра шестидесяти четырех, а уж на коньках и того выше? Или широченная фигура в этой спортивной экипировке? Правда сегодня он был в обычной одежде, не своих «доспехах», но Маша как-то не разглядела его, сосредоточившись более на попытках держать себя под контролем. Да чего там говорить, она даже лица его не могла толком разглядеть — не могла себя заставить посмотреть на это самодовольство. Не выдержала в одну из поездок на выступлениях и залезла-таки в интернет познакомиться хоть бегло.

Ярослав Смеляков, гласила запись статьи, российский хоккеист, нападающий, 22 года, дата рождения, рост 187 сантиметров, выступает за клуб такой-то, воспитанник московского хоккея, принимал участие в чемпионате мира среди игроков до 18 лет. Отец тренер того же клуба, ранее был тренером в московской школе хоккея. Информация крайне скупая, но все же даже сухие цифры статистики говорили ей о его хорошей результативности. Уж Маша-то в этом разбиралась. А потом она не смогла отказать себе в просмотре его фотографий и инстаграм профиля, который был малоинформативен ввиду малого количества публикаций и не давал никакого представления о жизни хоккеиста вне льда. Тяжело вздохнув, Маша закрыла приложения. Нечего глазеть на него.

И все же зацепил он ее. Не сказать, что хорош собой, но это тот самый типаж мужчин, которые с возрастом становятся адски притягательными и мужественными. И тогда этот набравшийся опыта хищник уж точно не отпустит свою добычу.

Подлила масла в огонь сомнений Аня. Сестра позвонила спустя несколько дней после злополучной съемки, довольная, аки лиса, и сразу же вывалила новости, словно ушат холодной воды:

— Ты видела, что о тебе пишут? Я тебе ссылку кинула. Это что, правда?

— Нюсь, погоди, я не совсем понимаю, о чем ты. Дай посмотрю хоть одним глазом, у нас же не приветствуется собирание всяких сплетен в интернете.

Открыла ссылку и сразу в глаза бросился заголовок: «Хоккеист Смеляков и фигуристка Соболева зажгли своими чувствами лед».

Машу словно ударили. Сильно так, под дых.

А снизу под небольшой статьей были фото. Явно не те, которые делал приглашенный профессионал, а из архивов кого-то из присутствовавших на съемке.

— Что за бред, — поражено произнесла она, не веря собственным глазам, снова и снова прокручивая ленту новостей. Несколько дней прошло, а фото только появились в сети.

— Ну, бред, не бред, а отец долго маме пытался доказать, что между вами ничего нет. Ты же ее знаешь, она теперь еще больше будет за тебя волноваться. А еще надумает себе, что ты от нее скрываешь что-то.

— Да было б что скрывать, — возмущилась Маша скорее такой наглой лжи, что распространяли о ней, чем негодованием о секретах от мамы. — Кто вообще такую чухню распространяет? Хоть опровержение давай.

— А вот это и станет своего рода подтверждением имеющихся каких-либо отношений между вами, — разумно возразила сестра. — Лучше вообще внимания не обращать. Типа ты не в курсе, что за небылицы за твоей спиной придумывают. В общем, забей. Само как-нибудь рассосется. Кстати, а ты в курсе, что отец запретил этому парню на лед выходить?

Маша чуть не подавилась воздухом.

— Что?

— Уже несколько игр на скамейке запасных сидит. Сама слышала, как он маме говорил. Сказал, что полезно будет немного ум охладить и подумать о проблемах насущных.

Маше хотелось вслух закричать от возмущения. Теперь дорога на ледовую арену ей была точно заказана. Причем не только как спортсмену, но и как простому гостю. Этот Смеляков точно смекнет о причинах своего отстранения и тогда ей вообще лучше будет с ним не встречаться, так как попытаться угадать, что же еще за сумасбродство придет ему в голову, она не могла. А тот горячий поцелуй все еще жег ее губы. Даже небольшой след от укуса остался.

— Мааш, что затихла? — прервал ее размышления голос сестры.

— Думаю, что делать дальше. Мне было очень удобно тренироваться на льду клуба. Теперь, похоже, придется возвращаться на общий.

— Ладно, я в выходные домой приезжаю, ты как?

— Тоже. Чувствую, прощай наша диета, — засмеялись обе, как только представили себе всю свою большую семью. Ни одно важное событие в их жизни не проходило просто, каждое становилось поводом к маленькой или большой радости. На большой даче дедушки собирались от мала до велика. Дед даже собирался когда-то ради таких собраний делать дополнительные пристройки к дому, но родители поступили мудрее и просто купили рядом участок и построили свой дом. Маша не уставала благодарить небеса за то, что в ее судьбе появились эти люди, для которых слово семья было больше, чем просто объединяющее слово. Их можно было сравнить с одним сплоченным целым, остро чувствующим друг друга, переживающим и готовым прийти на помощь каждому. А уж про гостеприимство и говорить даже не стоило — уйти из их дома голодным было просто невозможно.

— У меня, правда, будет еще в городе небольшое дело. Нужно будет на открытие ледового дворца в одном городе попасть. Это недалеко от нас. Моя тренер открывает еще одну школу. Поедешь со мной?

— Обязательно! — с жаром воскликнула Аня. — У меня как раз будет свободный день и, да простят нас родители, я проведу его с тобой.

Протискиваясь сквозь налетевших со всех сторон репортеров, девушки продвигались к заранее подготовленной для «высоких» гостей площадке, где их уже ждали. Конечно же все главное внимание было направлено на виновницу мероприятия — Софию Марковну, но и ее «звездочки» — воспитанницы тоже не оставались в стороне от вездесущих камер. Многочисленные интервью, фотосессии с тренером и именитыми гостями, а также общение, общение... И конечно же, не обошлось без показательных выступлений, после которых было общение на льду с детьми и желающими покататься вместе со спортивными звездами. Даже удалось вытащить на лед Аню. День царил веселый и беззаботный, настроение просто зашкаливало от радостных эмоций и общения.

Пока совсем рядом над ней не раздался ужасно знакомый голос:

— Привет, — и ее ладонь не оказалась в горячем крепком мужском захвате.

И тут же рядом оживились голодные до сплетен репортеры, послышались нескончаемые вспышки фотокамер. Щелк. Щелк. Щелк. Маша готова была провалиться под лед прямо сейчас, особенно когда на нее с таким удивлением и затаенным в глазах вопросом смотрели Аня и София Марковна. Это фиаско. Столько лет упорной работы, идеальной репутации псу под хвост. И все из-за какого-то слишком избалованного вниманием и деньгами, слишком самоуверенного наглого типа.

Глава 6. Под номером семнадцать

Глава 6. Под номером семнадцать

В первые мгновения у Маши помутнело в глазах от такой бесцеремонности. Да что он вообще о себе возомнил, чтобы так хватать ее? Они разве так хорошо знакомы, чтобы в таком тоне продолжать общение? Меньше всего ей хотелось вновь встретиться с этим неотесанным грубияном. Не хватало еще из-за него лишиться своей репутации, которую она заслужила за столько лет упорной работы. София Марковна будет недовольна даже хоть одним намеком на сплетню, не говоря уже о скандале. Не говоря уже о скандале, устроенном во время открытия ее школы. Маша мысленно сосчитала до десяти. Так, нужно было успокоиться и унять эмоции. Хотя как тут их уймешь, когда этот нахальный фрукт ее бесил до невозможности. Одних только горящих наглостью и вызовом глаз было достаточно, чтобы внутри заклокотала ярость.

— Руку убери, — грозно прошипела Маша, в упор глядя на нарушителя своего спокойствия, подняв только лишь глаза.

Ярослав лишь улыбнулся, приподняв в деланном удивлении бровь, но хватку свою не ослабил.

— Не злись, ледышка, сегодня слишком много людей вокруг.

Захотелось треснуть его чем-нибудь потяжелее, но сейчас такого счастья ей точно не светило. Оставалось лишь смотреть, как плясали черти в его глазах.

— Пусти...

— А то что? Снова пожалуешься папочке?

Так вот оно что! Значит все дело в уязвленном самолюбии. Как же ловко он пытался смахнуть на нее собственные неудачи и косяки, да еще и отыграться, наказать.

— И как же я раньше не подумала о своем всесильном папочке? — притворно поскоблелась Маша, высвобождая свою руку. — Хотя... Не думаю, что какой-то неудачник будет ему настолько интересен, чтобы тратить на него свое и без того по минутам расписанное время. Не льсти себе...

Маша сделала вид, будто пыталась вспомнить его имя, но так и не сумела, а потому просто развернулась и поспешила прочь. Да уж, к сегодняшней встрече она оказалась не готова. И куда только подевалась ее решимость и дерзость? А что вообще он тут делал? Она обвела взглядом каток и только сейчас заметила некоторых других членов клуба: игроков и руководство. Странно, но отец ничего не говорил ей об участии команды в мероприятии. Возможно просто не посчитал его важным, а про Смелякова этого и вовсе забыл, так как никаких вопросов ей больше не задавал. Да и возможно ли было, чтобы он мог вмешиваться в тренерскую работу и не пускать игроков на лед? Бред какой-то. Нет, это только уязвленная гордость и обида давали пищу для его самомнения. Ценного игрока никогда вот так вот не задвинут в запасные.

— Ты видела, как он на тебя смотрит? — слишком уж воодушевленно накинулась сестра, едва только они оказались в небольшом кафе за чашечкой горячего кофе и легкими салатами. — Да он тебя готов съесть просто!

— Еще бы, — раздраженно фыркнула Маша от ненавистной ей темы. — Папа не пускает его на лед, вот он и бесится. Он не просто съесть, он прибить меня готов из-за этого.

— Ох нет, — засмеялась Аня, — так в гневе не смотрят. Тут иное. Он тебя просто ни на секунду не упускал из виду. Взгляд такой хмурый, напряженный, но чтоб мне тут провалиться, горящий и оценивающий.

— Не выдумывай того, чего нет на самом деле. И закроем уже эту тему. Слишком много чести.

Разговоры об этом парне как-то неприятно будоражили, оголяли нервы и едко хлестали. Странные ощущения. Еще никому не удавалось вызывать такие яркие эмоции в душе, а ему удалось с первой же встречи. Быть может, и были те, кто доводил ее до крайней степени злости — и то, по большей части, это только соревновательные эпизоды, — но Маша научилась отсеивать ненужное, чтобы не накапливать негатив. А тут ведь как назло не получалось выкинуть из головы этого наглеца. Как ни старалась, все равно что-то напоминало о нем. Или он сам напоминал о себе. Ну ничего, команда скоро снова уедет на игры, а у нее продолжатся тренировки. Им больше нигде будет пересекаться, и все забудется.

Ярослав неторопливо шел с парковки к зданию ледового дворца, когда услышал позади тихий окрик. Отец. Его он узнал сразу. Проигнорировать, сделать вид, что не услышал? Это было бы проще всего, но, наверно, все же как-то по-детски. Прощу уж молча выслушать и удалиться. Вроде и не отверг совсем, но и границу между ними не дал перейти.

— Ярик, — назвал ведь детским именем, как когда-то. Вот чего добивался? Думал, что так расположит к себе? Да черта с два! А отец, меж тем, подошел совсем близко и, не обращая внимания на холодный взгляд таких же глаз, тихо произнес. — Сегодня ты в игре. Не оплошай.

И совсем уж удивил, когда тут же пошел дальше, не оборачиваясь и не делая даже малой попытки поговорить с ним. Яр опешил. Он ошарашено смотрел вслед своему родителю и никак не мог понять его. Что за игры? Или понял, наконец-то, что все его подкаты просто уходили в воздух? Тряхнув головой, он крепче подхватил свою сумку и направился в здание.

Команда собралась на льду, слушая указания главного тренера. Яр не пропускал ни одной тренировки, усердно работал на уровне своих коллег, и все же некая расслабленность в его движениях присутствовала. Он внимательно слушал, но при этом был словно в отрешении.

— Смеляков, ты меня слушаешь? — громкий голос тренера вывел его из задумчивости. — Следующую игру будешь в четвертом звене.

Выходило, отец, действительно, знал и предупредил его. Но зачем? Решил сделать доброе дело, первым рассказав важную весть? Но что это дало бы ему самому? Самоутверждение? Надежду на улучшение отношений? Яр никак не мог понять мотивов отца, а тот, казалось, в последние дни и вовсе оставил попытки наладить общение. Теперь все их общение сводилось чисто к рабочим моментам, а после тренировок или игр они расходились каждый по своим домам. Вот и все их общение. Не этого ли так хотел сам Яр? Получите, распишитесь. Но после победы оставалось горькое послевкусие разочарования. Легче не стало, наоборот, возникло еще больше сомнений, вопросов. Да и с фигуристкой этой... Когда соглашался на посещение открытия школы фигурного катания как один из представителей клуба, даже и не сомневался в своем выборе. Знал, что она непременно будет там. Общие спонсоры, общие благотворительные дела — все это было лишь ширмой для его желаний. Думал, что отыграет пару очков в свою пользу, да только удовлетворения никакого от ее тушевания не получил. Лишь еще больше видеть ее хотелось. Ее хотелось...

Разозлившись на себя за подобные мысли, Яр, как и подобало носителю столь грозного имени, яростно бросился в тактический бой с товарищами, отрабатывая ходы и передачи с новым звеном. Собственная злость придавала ему мощный драйв, желание до побед, и

растеряется этот заряд еще ой как не скоро. Проводил тренировку, словно это была игра, высвобождая накопившийся адреналин. Замечал лишь мельком, как отец напряженно стоял возле бортов и сосредоточенно наблюдал за каждым игроком, лишь иногда бросая дельные советы. Рабочие моменты, ничего более. Яр отработал все на «отлично», даже в этот раз остался собою доволен, хотя он всегда довольно придирчив к себе. В хорошем настроении и под шумные разговоры он отправился вслед за командой в раздевалку, не замечая направленные в его сторону острые оценивающие взгляды.

— Ярослав Смеляков выступает под номером семнадцать, — совершенно спокойным, даже несколько отстраненным голосом говорил топ-менеджер клуба Станислав Соболев своему собеседнику, прятавшемуся в тени и делавшему пометки в своем смартфон. Он цепким взглядом следил за игроком, пока тот не скрылся в коридоре, после чего повернулся к своему оппоненту. — Ну, что скажете?

Небольшое замешательство того дало возможность бросить беглый взгляд вниз, где возле бортов все еще оставался один из тренеров команды. Александр Смеляков, словно почуяв, повернул голову к нему и ответил таким вызовом в глазах, что Соболев даже усмехнулся. Отец. Чувствовал, что серьезные вопросы о дальнейшей судьбе сына сейчас решались.

Глава 7. Большой шанс для больших надежд

Глава 7. Большой шанс для больших надежд

Несколько тренировок и последующий матч только подтвердили правильность сказанного отцом: Ярослав снова был в игре. Были ли он обязан этому отцу, или руководство клуба за него заступилось, или отец Маши сменил гнев на милость, можно было только догадываться, но в этот раз он не собирался тратить впустую время, изображая на льду игру. Ему нужны были очки, нужен был результат. Впереди маячила перспектива попасть на Олимпиаду и каждый из игроков знал, за что старался. А попасть на Игры, без преувеличения, было мечтой каждого, даже не самого результативного игрока. Но сперва необходимо было попасть в национальную сборную. Конечно же, была у Яра и иная карьерная мечта — НХЛ. Но здесь он понимал, что в таком случае велика была вероятность распрощаться со сборной, а потому наивных иллюзий об удачной карьере сразу в двух ампула даже не питал. Ему бы хоть в одном преуспеть.

После очередной игры наезде его отдых прервал звонок агента. Тот был краток и говорил лишь по существу. А новости и впрямь были ошеломляющими: его приглашает один из забугорных клубов, не очень крупный, но все же это был иной уровень. Это была еще не проверенная, не точная информация, но и ее было достаточно для того, чтобы задуматься о собственной игре и о перспективах.

А утром следующего дня его огорошили иной новостью: его вызывали в сборную на предстоящий Евротур. После того, как он вынужденно просидел в запасниках, это стало поистине удивительно. Не иначе как у него появился покровитель где-то на небесах — да, спортсмены народ очень суеверный, что бы ни говорили. Сами выходы в рамках отборочных матчей еще не гарантировали полного попадания в сборную, но даже попасть в число претендентов было уже почетно и очень ответственно.

— Поздравляю, — легкое, даже несмелое похлопывание по плечу выдало присутствие отца рядом. — Это очень хорошая новость.

— Спасибо, — только и ответил Яр. Больше сказать ему было нечего.

— Не плошай больше, это твой шанс, — нравоучительно заметил Александр Смеляков,

но тон его был далек от учительского, скорее даже теплый, взволнованный. Именно такой, какой мог быть у заботливого родителя.

— Не переживай, больше не буду.

Вот и поговорили. Отец не стал больше задерживаться, никаких иных слов от него Яр не услышал. Вот так, словно два совершенно чужих друг другу человека. И черт бы его побрал, но в груди тупо ныло от этого. Отец, отец, что же ты наделал? Не будь твоего предательства, все могло бы быть иначе. И эту свою радость он мог бы разделить с ним.

Нужно было развеяться, выгнать эту глупую сентиментальность из головы, расслабиться. И не найдя ничего лучшего, он отправился в ночной клуб, прихватив с собой еще парочку молодых и свободных от отношений товарищей.

— Ты сегодня прямо сияешь, — заметила мама, когда Маша вернулась домой. — Есть повод?

— Меня утвердили в сборную на олимпиаду! — выпалила Маша на одном дыхании. Да, ее выбрали из многих других талантливых и очень амбициозных спортсменов. Борьба была нешуточная. Можно сказать, что идя в большой спорт, каждый мысленно готовит себя к одной единственной игре — Олимпиаде. И дай-то Бог, чтобы их в жизни оказалось хотя бы две. Время, увы, работает не на фигуристов. Молодость побеждает. Каждый сезон юные дарования все более совершенствуют технику своих старших коллег, и на их стороне свежесть и легкость. Старые травмы порой сильно мешают, сказываются на результатах. Маша понимала, что в ее 18 лет это была единственная возможность попасть на Игры, и упустить ее она просто не имела права. Для того, чтобы попасть туда, ей еще нужно было результативно выступить на чемпионатах, не допустив ошибок, а также уже сейчас начинать готовить новую программу для достойного выступления.

— Это замечательно! — все приготовления к ужину были тут же отложены, и Маша оказалась в теплых маминых объятиях.

Даже в минуты отчаяния и боли мама всегда была рядом, всегда поддерживала ее своими словами и лаской. Никто и в жизни не мог бы догадаться, что Маша была им не родной. Даже ей самой порой казалось, что ранние детские воспоминания — не что иное, как страшный детский кошмар, который отчего-то прочно засел в памяти и никак не желает забыться. За шалости Маша и Аня всегда получали от родителей одинаково, и в этом мама была неизменна: заслужил — получи наказание. Не было скидок на возраст, и Андрейка всегда получал такой же по степени тяжести урок от родителей. В этом были ее родители. Лишь с возрастом она узнала, что папа и сам был не родным сыном для бабушки Маши — она стала второй женой овдовевшего деда Игоря, оставшегося с маленьким сыном на руках. Должно быть, это были такие заложенные семейные ценности в воспитании собственных детей, а возможно и просто порядочность этих людей. Собственные отношения мамы с ее матерью не сложились, но однажды Маша услышала взволнованные слова: «Мама? Мама, это ты? Мама!». Маша увидела, как всегда уверенная в себе Эвелина Соболева с трясущимися от волнения руками держала в руках телефон, прижимая его к груди, будто что-то самое дорогое, и в задумчивости всматриваясь в темноту улицы. По ее поникшим плечам и едва слышимому всхлипыванию было понятно — она плакала. Каких усилий стоило тогда папе утешить ее, знал только он сам.

Маша как никто другой понимала, как нужна была мама. Даже ее маме — приемной маме Эле. Наверно в этом они были похожи: оставшаяся без родных родителей маленькая

девочка и взрослая женщина, чью жизнь разбила собственная мать. И когда никто другой в семье не понимал, для чего нужна была встреча с той, кто едва не погубил ни в чем не повинного ребенка, кто эгоистично хотел лишьть родного человека всего самого дорогого, только одна Маша нашла верные слова, ставшие поддержкой для Эли. «Если проигнорируешь ее — сделаешь правильно. Но не будешь ли потом всю оставшуюся жизнь проклинать себя за нерешительность встретиться и выслушать? Больнее сделать ей уже не удастся — ты и так к этому готова».

— Ты у меня молодец! — ласковый мамин голос потонул в волосах, и теплое дыхание окутало заботой. — Только выглядишь совсем уставшей.

— Что поделаешь, мам. Мы стараемся. Ты и сама знаешь, как долго я к этому шла.

Мама знала. Сколько слез было пролито, сколько усилий приложено, сколько «не могу» было замолчано сквозь стиснутые зубы. Эти все победы были в первую очередь для них — ее семьи. Для людей, подаривших ей тепло дома и любовь.

— Значит, в ближайшее время мы тебя совсем не увидим.

— Увы, — хоть вины ее в этом и не было, Маша чувствовала себя очень подавленно.

— Тогда давай не будем терять время на ерунду. Давай скорее переодевайся и хоть один день проведи с нами, не отвлекаясь на свои тренировки и чемпионаты. Скоро приедет папа с работы, так что мне нужна твоя помощь. Кстати, заодно расскажешь, что там за история была с этим хоккеистом? Тут какая-то волна слухов гуляет по сети про вас двоих.

Глава 8. Интервью

Глава 8. Интервью

— Занятно. Думаю, это будет интересно.

Предложение крупного спортивного канала поучаствовать в постоянной рубрике, в которой звезды брали интервью у других звезд, очень заинтересовало и Машу, и Софию Михайловну. В этот раз героями должны были стать два спортсмена. Брать интервью у одного из известнейших спортсменов России, да что там — мира! — было невероятно ответственным и волнительным мероприятием. И хоть Аня твердила, что ей не стоило волноваться, она и сама была звездой не меньшего размаха в своем виде спорта, Маша чувствовала, как у нее тряслись поджилки. Ей заранее дали список вопросов, которые необходимо было задать своему собеседнику, попутно разъяснив, что в процессе беседы можно будет развивать какие-то уже затронутые интересные темы. Но вот если выступать в роли интервьюированного было знакомо, то примерять на себя роль журналиста было в новинку, и ей пришлось вспоминать, как же проходило все во время ее опросов. Помогло, но не сильно.

За день до съемок ей позвонили организаторы и предупредили, что ее запланированный собеседник не сможет приехать на съемку и героя передачи пришлось вынужденно заменить. И вот теперь напротив нее в удобном кресле за столиком, заранее заказанном в малолюдном просторном кафе, с невозмутимой наглой рожей сидел уверенный в себе... Ярослав Смеляков. Признаться, с утра вовсе не было никакого желания ехать на эту съемку, но отказаться не было никакой возможности, так как главным правилом для нее всегда было исполнять свои обязанности не смотря ни на что. К тому же не рассудит ли он такое поведение как трусость? Не дождется! Она соберет волю в кулак и достойно выдержит эту съемку. В конце концов, кто он такой, чтобы из-за него терять свою репутацию?

— Начнем? — поискав взглядом режиссера, Маша уловила его кивающий в знак согласия жест головы, и переключилась на собеседника, оглашая заранее подготовленные

вопросы. Хотя чего уж таить, ей и самой было интересно узнать о нем из его собственных уст. Вроде бы стандартные вопросы, коих любой известной личности неоднократно задают из одной беседы в другую, но Маша поймала себя на мысли, что ей безумно интересно слушать его, узнавать о нем что-то новое.

Еще вечером папа дал ей ценный совет перед съемкой:

— Не расспрашивай у него про семью, а в особенности об отце. Это больная тема. Табу. Для него отец, словно красная тряпка для быка.

— Но ведь его отец у вас тренером работает, — растерялась Маша. — Как же они...

— Это их отношения. Они научились работать друг с другом, не смешивая личное и долг. Но тебе лучше не касаться этой темы совсем. Как и всего того, что связано с его семьей.

— Я поняла.

Она все поняла и ловко пыталась обойти неуместные вопросы, еще заранее аккуратно и тактично согласовав замены с режиссером, чтобы не выдать чужим людям то сокровенное, что стало ненароком известно теперь и ей. Ярослав удивил ее своей способностью быстро меняться: то серьезный, то вдруг вдавался в рассуждения, а то и вовсе начинал отпускать шутки, заставляя веселиться всю съемочную команду, из-за чего приходилось даже переснимать дубли. Сейчас меж ними было только лишь рабочее настроение, и оба, как могли, сохраняли его. Они чередовали друг другу вопросы, и выходила такая раскрепощенная беседа на камеру. За чашечкой чая даже их неприязнь немного забылась.

— Ты считаешь себя примером для подражания? — непринужденно задала вопрос Маша, помня, что такой же или подобный ей задавали после одного из соревнований.

Интересный вопрос, заставляющий задуматься, не требовавший сиюминутного ответа. Он предполагал честный ответ.

— На данном этапе — нет, — признался все же Ярослав. — Мне кажется, я еще не добился таких высот, после которых юные спортсмены говорили бы: «Хочу быть как Смеляков». Да, пожалуй, в спорте мне еще работать и работать. Есть цели и к ним нужно стремиться.

— А в жизни? — Машу уже было не остановить. В такие минуты, когда собеседник приоткрывал завесу и допускал до части личного, всегда просыпается азарт, хочется спрашивать и спрашивать. Главное, не перейти границу дозволенного, не затронуть совсем уж частного. — Ты мог бы гордиться собой, понимая, что кто-то подражает тебе?

Здесь Ярослав отвел взгляд. То задумчивое замешательство, что отразилось на его лице, с которым он подбирал верные слова, показало его совсем с иной стороны. Не был он таким легкомысленным парнем, каким хотел казаться. Казалось, что сейчас он копался в себе, пытаясь выискать верный для себя ответ.

— Интересный вопрос, конечно же, — лицо его приняло совсем уж озадаченное выражение, брови удивленно приподнялись, а в глазах застыла растерянность. Ярослав потер указательным пальцем переносицу, и, как Маша уже успела заметить, этот жест выдавал в нем нервозность. — Наверное, все же нет, не мог бы. Думаю, не стоит кому-то подражать, нужно иметь свою цель, мечту, стремиться к ней. Я не спорю, есть в нашей профессии люди, которые вдохновляют на победы. Кумиры, как их называли наши родители. Но прожить стоит все же свою жизнь. Делать яркие моменты, чтобы уже потом тебя могли смело называть кумиром. Хотя, что такое кумир? Это все же пример, но не образец для подражания. А что насчет тебя? Ты себя можешь назвать образцом для подражания?

— Пожалуй, в этом вопросе я с тобой как никогда солидарна, — непринужденно рассмеялась Маша, вспоминая, как на такой же вопрос когда-то она ответила просто «нет». — В каждом из нас заложена личность. Индивидуальность. Загоняя себя в рамки под шаблон, мы лишаем себя счастья быть собою, наслаждаться каждым прожитым мгновением. К тому же подражать кому-то означает постоянно искать одобрения своих действий. Похож или нет. Добровольная клетка. Но ведь так важно ощущать себя счастливым сейчас, без всяких там условностей и мнений. Делать то, что нравится.

— Окей, теперь мой вопрос. — Улыбка на лице Ярослава получилась по-настоящему искренней и притягательной. Маша даже и не подозревала, что можно так сильно попасть под обаяние человека, одно только имя которого вызывало оскмину на зубах. — Критику в свой адрес воспринимаешь?

— Критику по делу — да. Беспочвенную не приемлю. Но мне, как человеку, живущему по принципу «нет дыма без огня», нужно будет добраться до истины. Почему критикуют, справедливо ли? Может в чем-то моя недоработка, и стоит прислушаться. В общем, я постоянно работаю над собой.

Сказав последнее, Маша засмеялась. Ее уже не смущала камера, присутствие незнакомых людей вокруг, вслушивавшихся в их разговор. Для них просто шла беседа. Маленькие ремарки режиссера и оператора лишь иногда заставляли возвращаться к действительности.

— Как борется с критикой хоккеист?

— Все же выскажусь только со своей позиции, не обобщая. Критика в последнее время стала очень едкой, злой. Не совру, если скажу, что это неприятно. Тем более что мы в каждой игре выкладываемся на все сто. Но бывает, что-то не получается. Где-то соперник оказался сильнее или умело смог воспользоваться преимуществом. Каждая игра индивидуальна. Стараемся не обращать внимания, но не всегда получается. Иногда срываемся, но и тут нужно понимать, что любой промах тут же будет разнесен по всем сетям и негативно скажется как на нас самих, так и на близких людях.

— Часто приходилось жалеть о содеянном? — не удержалась Маша от внезапно возникшего вопроса.

Ярослав задумчиво улыбнулся, откинулся на спинку кресла, подумал.

— Приходилось, — только и ответил он. — Но были и такие моменты, когда умом понимаешь, что нельзя так было, но все равно знаешь, что все же это верно.

Настал черед Смелякова задавать вопросы, и Маша, расслабившаяся от непринужденности беседы, даже успокоилась и позволила себе улыбаться. Как оказалось, даже зря. Ярослав начал издали, словно прощупывая почву: «Расскажи немного о себе, своих родителях, были ли в роду творческие люди?» И она с упоением рассказывала о своей семье, о том, что очень любила танцевать, но увидев однажды вживую выступление фигуристов на льду, влюбилась в этот вид спорта и захотела с этим связать свою жизнь. Только одного никогда и никому не рассказывала в своих интервью о том, что пришла в эту семью из детского дома.

«Хватает ли времени на общение с родными?»

Но когда прозвучал следующий вопрос, Маша вдруг поняла, что всех предыдущих-то в выданном им опроснике и не было, это была импровизация Смелякова, чтобы притупить бдительность всей съемочной команде.

— А на личные отношения остается что-то?

Вот и приплыли! Ну, хитер, зараза! Вот для чего ему это? Формат их интервью совсем не предполагал беседу на личные темы. Глядя на то, как обманчиво вальяжно сидел напротив этот гад, Маша только вздохнула, но быстро взяла себя в руки.

— На бестактные вопросы не отвечаю. Есть еще что по существу?

Ох и опасно загорелись его глаза. Черти в них снова заплясали, довольные такие, нахальные.

— Завтра в восемь вечера на этом же месте. Придешь?

— Ярослав, вы как-то отклонились от формата нашей передачи, — подал голос режиссер, за что Маша была ему глубоко признательна, так как в данную минуту ей хотелось сказать что-то совсем уж гневное и резкое, чтобы поставить сидевшего напротив типа на место.

— Я так понимаю, интервью наше закончилось, да? — Маша резко вскочила со своего места и обратилась уже к режиссеру. — Мы все? Или еще остались какие-нибудь вопросы?

— Нет, мы вполне можем и завершить. Давайте только отснимем прощание и можно расходиться. Маша, займите, пожалуйста, ваше место. Одного дубля нам хватит.

Маша села обратно и, стараясь не реагировать больше на ухмылявшегося Смелякова, по команде режиссера изобразила любезность.

— Благодарю за интересный вечер, Ярослав.

— Спасибо, Маша. Надеюсь, эта встреча была не последней.

«Нет уж, пусть она будет последней», — подумала она, ловя себя на мысли, что все его обаяние вдруг снова померкло. Вместо интересного собеседника перед ней снова сидел тот самый наглый тип, что не упускал возможности лишний раз уколоть ее. Когда камеры выключили и съемочная группа стала убирать аппаратуру, Ярослав подошел к ней, явно намереваясь что-то сказать, но Маша его опередил.

— Завтра я занята. И последующие дни тоже. Так что можешь смело расписывать свободные дни для свиданий с другими девушками.

Ярослав лишь только улыбнулся в ответ, приблизился к ней почти вплотную и, легонько ухватив за локон, прошептал, поведя уголком губ в ухмылке:

— Неа, льдинка, с тобой интереснее.

А потом развернулся, попрощался со всеми и направился к выходу. Вскоре его высокая крепкая фигура скрылась за дверями, а Маша продолжала задумчиво смотреть ему вслед.

— Вы с ним ведь знакомы, не так ли? — завел непринужденную беседу режиссер, пока ждал свою группу.

— Несколько раз тренировалась в их ледовом дворце, однажды даже их тренер устроил совместную разминку.

— Не представляю вас, такую маленькую и изящную, среди команды.

— Ой, даже не пытайтесь, — засмеялась Маша, переводя беседу в иную, более безопасную тему. — Я им всем, наверно, еле до локтя достаю.

Спустя несколько дней ей передали предварительный материал будущей передачи для ознакомления, в который Маша внесла некоторые ремарки. Взгляд ее задержался на приложенной фотографии, на которой они были запечатлены сидящими напротив друг друга за столиком и оживленно беседующими. Даже неприятельным взглядом было заметно, с каким интересом оба внимали друг другу, как выдавала их поза: чуть наклонены друг к другу, руки на столике, ладони положены так, словно тянулись друг к другу. Не фото, а сплошная пища для сплетен. Спасибо каналу, хоть не стали включать в запись бестактную

фразу Смелякова о свидании. За это она краснела до сих пор, хотя ее вины в том не было вовсе.

Не хотела этого делать, но все же открыла файл с фотографиями. Интервью, интервью... Они неплохо получились. Даже и не скажешь, что между ними такая натянутость. Маша задержала взгляд на Смелякове. Красивый. Яркий, дерзкий, смелый — вот уж фамилия оправдала характер — на таких обычно девочки всегда остро реагировали. Следующая фотография словно оживила на губах ощущение горячего поцелуя на губах — их фотосессия на льду. Зачем она хранила именно это фото, Маша и сама бы не смогла сказать. Момент ее растерянности и его триумфа. Момент поцелуя. За пару секунд до звонкой пощечины. Забыть бы, не придавать значения, но никак не получалось. И фото это удалить рука не поднималась.

Глава 9. Счет один-один

Глава 9. Счет один-один

Чем ближе была зима, тем меньше времени оставалось на что-то личное. Ярослав теперь практически не появлялся дома — выездные игры со сборной полностью поглотили его, не оставляя ничего для стороннего. Нервное напряжение поначалу сильно сказывалось, игра совершенно не клеилась, настроение с каждым днем лишь ухудшалось, но он все же сумел возобладать с собой, настроиться на нужный лад. Помогли и советы опытных игроков, а также тренеров. Ярослав впервые играл бок о бок с маститыми хоккеистами, и вскоре их уверенность стала передаваться и ему. Он многому учился у них, многое подмечал и у именитых соперников. Вызов с сборную стал поистине самым ярким, самым ценным эпизодом за его жизнь, и даже если это станет для него единственным разом в жизни, Яр знал, что это один из величайшим событием в жизни.

Ежедневные тренировки, жесткие ответственные матчи и протокольные мероприятия совсем не оставляли свободного времени. Лишь редкие разговоры с матерью и сестрой немного заставляли отвлечься от работы. Хотя кого он обманывал, вечерами все равно мысли возвращались к ней — к своей маленькой язвочке. Воспоминания неизменно вызывали на лице улыбку, так как думать о ней всегда было невероятно приятно. Ему нравилось бросать ей вызовы, а затем наблюдать, как в глазах невероятной синевы зажигаются искорки гнева. Льдинка. Это прозвище ей невероятно шло. Но что с ней станет, когда она растает — растает от его тепла? Яр вдруг понял, что ему невероятно захотелось ощутить тот момент, когда холод падет пред огнем. Хотелось испытать этот момент триумфа, лично почувствовать ее капитуляцию. Черт, до чего же соблазнительна была эта мысль. Его спортивный азарт разжег кровь. Хотелось даже сделать снова что-то такое, что заставило бы Льдинку вспыхнуть от гнева прямо сейчас. И пусть он был слишком далеко от нее, но в наше время все ведь решаемо. Раздобыть адрес ее электронной почты было нелегко, но все же возможно. И спустя два часа поисков через нужные связи маленькое послание уже улетело к адресату...

После насыщенной тренировки особенно приятно было принять теплый душ и уютно устроиться в теплой постели с тщательно взбитой подушкой. Маша любила завернуться в одеяло, укрыться от мира и погрузиться в уют и тепло. Но прежде, чем Морфей утащит ее в царство сновидений, стоило проверить почту. Мама и Аня всегда были на связи, старались сократить расстояние хотя бы посредством современных технологий, и пусть кто-то слишком самостоятельный и взрослый счел бы это вмешательством в личную жизнь, Маша

понимала, сколь много это значит прежде всего для нее, а уж потом для родных. Она не одинока в этом мире. Она нужна. Любима. А те, кто пренебрегал семьей, просто не знал, каково это, когда у тебя никого нет. Даже самого родного человека, подарившего тебе жизнь. Порой для того, чтобы понять, нужно потерять.

Из всех сообщений одно сразу же привлекло ее внимание. От неизвестного отправителя. Набор ничего не значащих латинских букв и цифр. Она уже хотела было удалить его как злостный спам, но передумала и оставила, чтобы спустя несколько минут снова вернуться и в нерешительности в который раз прочитать тему: «Подарок от номера 17». Что еще за номер 17? Любопытство перевесило все меры осторожности. Внутри была вложена фотография. Того самого злосчастного поцелуя с фотосессии, только фотограф был намного ближе к своим «моделям» и поцелуй смотрелся куда чувственней, чем на увиденных ею ранее слитых в сеть снимках. И снизу подпись: «Как скоро растает эта Льдинка?» Маша тут же вспыхнула. От негодования и от нахлынувших воспоминаний. Ну каков же гад!!! В эту минуту ей казалось, что невозможно ненавидеть больше, чем сейчас.

«Я смотрю, с личной жизнью у тебя не ладится. Только и остается, что развлекаться с фото».

Смеляков не глупый, поймет, что она имела в виду под словом «развлекаться». Ответ не заставил себя долго ждать.

«Не льсти себе, льдинка. Это тебе, чтоб не скучала со своим напряженным графиком».

Она не стала отвечать ему. Вот уж, много чести.

Ответом ему стали заголовки статей следующего дня: «У фигуристов Марии Соболевой и Сергея Переверзева роман», «Сергей Переверзев покорила Марию Соболеву», «Молодые фигуристы Переверзев и Соболева не скрывают своих чувств» и в таком же духе. А ведь стоило всего-навсего вместе выйти вечером в кино, чтобы расслабиться, как посоветовала София Михайловна.

Больше Смеляков ей ничего не отправлял. Вероятно, обиделся или сделал нужные выводы. Стало даже немного досадно: вот так просто сдался? А еще звался в команде «Смелым»! Нападающий, черт бы его побрал.

Глава 9 (часть 2)

Время тревожно отсчитывало дни до самого значимого момента — начала Игр. Окончательный состав команды был озвучен, и теперь игроки и тренерский штаб отработывали новые связки, чтобы понять, как в итоге выстроить игру на положительный результат. Им всем предстояла огромнейшая работа, чтобы достойно выступить и представить свою страну. Ярослав уже не помнил, когда за время сборов мог хоть немного отдохнуть и провести один день в праздности. Нет, он отнюдь не слыл знатным кутилой и прожигателем денег, не таскался по клубам и не цеплял каждый вечер новых девчонок, хотя шумные компании друзей частенько поддерживал. Но за последние дни нервное напряжение становилось настолько ощутимым, что хотелось как следует оторваться, расслабиться. Впереди маячил один выходной день, и команда была решительно настроена провести его с душой.

Выбранный высококлассный ресторан в центре города отвечал всем гастрономическим и диетическим запросам игроков, но главное, что в нем подкупало, это уединенность и возможность оставаться относительно незамеченными в период ажиотажа вокруг проходившего турнира. За плотным ужином и несколькими бокалами пива, разрешенными

тренерами в порядке исключения в этот вечер несмотря на строгий «сухой закон», мужчины шумно общались и бесконечно шутили, привлекая к себе заинтересованные взгляды официантов. Да, русские умели не только играть, но еще и отдыхать. А такая вылазка была именно тем, что доктор прописал. Отвлечься ненадолго от забот.

Только вот забот у Яра было слишком уж много. И одна из них никак не желала забываться. Упорно лезла в голову, совершенно некстати выделась в каждой женской фигуре. Все вокруг были безликими, и лишь одно ее лицо все время стояло перед глазами. Наваждение сплошное. Он был молод и амбициозен, и сам прекрасно понимал, что найти себе девчонку для необременительных отношений было просто вопросом наличия времени — вон их сколько крутилось рядом, от простых красавиц до статных моделей. Но в том-то и дело, что в последнее время он хотел только ее. Как заветный недоступный трофей. Ее дерзость лишь только раззадоривала, разыгрывая жажду до победы. С личной жизнью у него не ладилось... Ха! Ярослав лишь хмуро улыбался этим ее словам. С личной жизнью у него как раз-таки все было в порядке. А вот она зря играла с огнем. Сама не понимала, что так его интерес к ней лишь только возрастет.

Громкие заголовки таблоидов несколько охладили его пыл, заставили сбавить прыть. В конце концов, девчонка имела право на собственную жизнь, и выбор ее был вполне ожидаем — общие интересы, общая работа. Но Ярослав лишь почувствовал холодную ярость в груди. Что-то ужасно нервировало его, не давало покоя, душило. Ревность. Едва только увидел первые заголовки, сразу ощутил ее неприятный резкий укол. Какой, к черту, роман? С каким таким Переверзевым? С этим сухопарым дрыщем?

Ему бы забыть все это: занята — и ладно. Но не получалось. И оставалось только лишь отсчитывать дни до возвращения домой, зная, что впереди расписано множество мероприятий, устроенных олимпийским комитетом, на которых они уж точно пересекутся. И тогда сам все проверит. И правдивость этого романа, и свою ревность.

— Один-один, — смеясь, проговорила Аня, не отрываясь от своего смартфона.

— Чего? — непонимающе откликнулась Маша.

— Счет у вас, говорю, один-один.

— Какой такой счет? С кем?

— Ну, с этим твоим хоккеистом.

— Со Смеляковым? — Маша удивленно вскинулась, и тут же ошетибилась. — И вовсе он не мой.

— Зато сразу поняла, о ком речь, — хитро улыбнулась сестра, протягивая ей свой смартфон. — Один-один, дорогая! Это тебе ответ за Переверзева.

Маша с любопытством покосилась на экран. А на нем высвечивалось фото Смелякова, стоящего на пороге какого-то ресторанчика в обнимку с какой-то блондинкой. Его довольная улыбка как-то сразу подпортила хорошее настроение.

— Чушь, — фыркнула Маша, отворачиваясь от протянутого аппарат. — С чего ты взяла, что это какой-то ответ? Мы с ним даже толком не знакомы, чтобы что-то там делать друг другу назло. Он свободный человек, вправе строить отношения, обниматься и фотографироваться с кем угодно. И с Переверзевым у нас ничего такого не было, о чем написали в статьях. Ну, то есть я не планировала как-то вывести из себя Смелякова... То есть я вообще о нем не думала...

— Ага, — притворно соглашаясь, закивала Аня, — я так и поняла.

А Маше только и осталось, что закатить глаза в раздражении. Вот же ж упертая! Ну не подбивал этот Смеляков к ней клинья, а все его выходки были лишь желанием покрасоваться и досадить ей, как дочери одного их топ-менеджеров клуба. Все предельно просто, и не нужно было ничего надумывать.

Начинался преолимпийский сезон, а это означало, что спортсменам предстояло не только готовиться к предстоящим соревнованиям, но и представлять общую команду на всевозможных спортивных светских мероприятиях. Маша уже получила приглашение на презентацию спортивной формы сборной, а в расписании Софии Марковны было сделано множество отметок по различным событиям. Напряжение с каждым днем лишь сильнее давило на хрупкие девичьи плечи, но Маша уверяла себя, что победа стоила таких жертв. Ее программа была сложной, но по технике исполнения и в плане артистичности просто безупречна, не к чему придираться. Да и откатана уже была на последних соревнованиях, так что оставалось лишь отработать некоторые усложнения, чтобы обеспечить себе высший балл. В идеале хотелось заявить тройной аксель, но осилить его Маша так пока и не смогла, хотя в ее программе были другие дорогие прыжки, а также тано и риппон. Она пробовала замахнуться и на четверные прыжки, но перенесенная три месяца назад травма ноги все еще не позволяла сделать это без ошибок.

С каждым днем тренировки становились все интенсивнее. Кроме обязательной отработки на льду были занятия по физической подготовке и хореография. С последним всегда было легче, так как Маша с детства любила танцевать. В последнее время от усталости и постоянного чувства напряженности стали сдавать нервы. Как результат, ошибки случались чаще. Стискивая зубы, она выслушивала недовольные замечания тренеров, и вновь выходила на новый круг, с упорством отрабатывая элементы. До изнеможения, до кровавых мозолей и сбитых косточек, до растяжений и ушибов. Скрывая из последних сил слезы боли, она вновь брала неподдающиеся прыжки, доводя их до автоматизма.

Официальное представление новой формы сборной стало целым событием не только для спортивного мира, но и, без преувеличения, для всей страны. Внимание прессы было приковано к звездам, появившимся на презентации, но прежде всего к самим спортсменам, которым предстояло в этой самой форме являть собой одну большую сплоченную команду.

В этой огромной толчее шума и вспышек камер Маша потеряла бдительность, и когда кто-то резко ухватил ее за локоть, успела лишь обернуться, прежде чем почувствовала, как крепкая рука обхватила ее за талию и горячие твердые губы прижались к ее в легком поцелуе.

— Привет, льдинка! — Смеляков довольно улыбался, глядя на нее сверху вниз, так и не выпуская из объятия.

И тут же вокруг них возникли фотографы, спешащие запечатлеть сенсацию.

Маша хотела залепить ему новую пощечину, но Ярослав, видимо предвидя такой ответ, перехватил ее руку и прижал к своим губам, едва целуя ее пальцы.

— Много себе позволяешь, — холодно улыбнулась Маша, стараясь не привлекать к ним еще больше внимания.

— Не более того, что позволяешь мне ты, — ответил он, делая явный акцент на последнее слово.

— Тебе явно показалось. Или ты спутал меня с одной из своих многочисленных поклонниц, что готовы сразу броситься к тебе в объятия.

Ярослав хитро заулыбался, отчего в глазах его загорелся теплый свет. И Маша поняла, что сама себя сейчас сдала. А ну как вдруг он сделает выводы, что она следит за его жизнью в таблоидах и на личных страничках социальных сетей? Хотя разве не так себя ведут поклонницы любых мужчин-спортсменов?

— Я могу оставить вакантное место рядом с собой для тебя.

Нет, он явно над ней издевался. И присутствие прессы его нисколько не смущало.

— Побереги для кого-нибудь другого, — небрежно отмахнулась девушка, собираясь уже уйти. — Прости, мне пора.

Последнее слово осталось за ней. Маша была невероятно этому рада, так как его нахальное поведение стало выводить ее из себя.

Рано радовалась. На ее смартфон очень скоро пришло сообщение:

«Побежала сравнивать мой поцелуй с Переверзевским?»

«А хоть бы и так!» — ответила она, гадая, откуда же у Смелякова появились адрес ее электронной почты и номер телефона. Уж не привлечь ли кого-то к ответственности за распространение персональных данных?

«Мой лучше будет», — не унимался Смеляков.

«Ты уже и сравнить успел. Лично проверял?» — огрызнулась Маша, прибавив к сообщению смеющийся смайлик. Пусть будет жестко, но, может, хоть так он от нее отвяжется.

«Нет, его подружка просветила».

Подружка просветила. Ну и фиг с ними. Почему ее должно это волновать? Маша перечитала переписку и задумалась. Подружка просветила... И тут же рассмеялась. Над собой и ситуацией. Смеляков, Смеляков. На ревность ее что ли подбивал? Хотел, чтобы она побесилась. Из-за чего? Из-за Сергея или из-за него самого? Так ей абсолютно все равно было до обоих. Переверзев вообще ею никогда не воспринимался иначе, как коллега или старший брат. А сам Смеляков за последнее время настолько беспардонно нарушал ее личное пространство, что видеть его было самой настоящей пыткой. Какая уж тут ревность.

Глава 10. Слово отца

Глава 10. Слово отца

— Ярик, что ты творишь, мать твою? — кричал Смеляков-старший в своем кабинете, но сыну, казалось, было абсолютно все равно. Он с напускным спокойствием сидел за столом, сцепив перед собой руки в замок, хотя при этом не сводил взгляда с выбранной им точки. Сосредоточенный, на при этом до раздражения спокойный. — Что это?

Он бросил сыну на стол распечатки из найденных им статей, где уже одни только фотографии с официального мероприятия красноречиво сами за себя говорили. А уж прибавить к этому горячей сенсации журналистам было проще простого, что они и сделали. Одна статья «желтее» другой.

— Что с тобой происходит, — продолжал взывать к сыну Смеляков-старший. — Ты хоть понимаешь, что собственными руками гроишь свою карьеру? Все эти скандалы, на которые ты так откровенно нарываешься... Да и девочку эту зачем-то втягиваешь. Зачем? Она же тебя разве что прямым текстом не посылает по известному адресу... Что ты молчишь? Скажи мне хоть что-то вразумительное, чтобы я мог понять хоть одну причину происходящего, потому что я, черт тебя побери, ничего не понимаю.

Ярослав искоса взглянул на распечатки и тут же потерял к ним всякий интерес. Конечно, он предполагал, что все будет именно так. Прошлый их поцелуй вызвал долгую

волну обсуждений. Но на фоне разнесенных слухов о романе Маши с Переверзевым и появлении у него самого подруги этот поцелуй выглядел по-настоящему грязной сенсацией. Он прекрасно понимал последствия своих действий, но что сделано, то сделано. Возможно, ему стоило извиниться перед девчонкой. Возможно, даже дать опровержение всему написанному. Но, черт возьми, что с ним творилось в ее присутствии, он и сам понять не мог. Просто сносило крышу, хотелось позлить ее и не отпускать от себя одновременно. Вот только касалось это, прежде всего, его самого.

— Не считаешь, что для нравочений ты опоздал лет эдак на десять? — в дерзко поднятой голове был нескрываемый вызов. Вызов тому, кто все причинил когда-то сильную боль, так и не утихшую со временем. Ярослав говорил тихо, но каждое его слово было пропитано горьким ядом обиды.

Отец виновато потупил взгляд и отвернулся, чтобы скрыть от сына собственные переживания. Слова жалили очень метко, били по незажившей ране, остро напоминая собственную вину и беспомощность в налаживании отношений с сыном. У Ярослава был его характер. Сильный, прямолинейный, бескомпромиссный. Только упрямства больше.

— Думаешь, мне не больно? — горестно ответил отец, так и не обернувшись. — Да, я знаю, что виноват, знаю, что поступил очень некрасиво по отношению к вам и матери. Но когда-нибудь, надеюсь, ты меня сумеешь понять. Не все в этой жизни идет так, как планируется. Иногда думаешь, что все делается правильно. Семья, дети, работа. А потом одна единственная встреча меняет все, словно открывает глаза. И уже твоя стабильность начинает казаться простой рутинной. Зыбкой такой, затягивающей на самое дно безысходности и депрессии. Я не хочу, чтобы ты думал плохо о матери. Она не плохая. И ушел я не от нее. И не от вас. Я вас всех люблю. По-своему, конечно. Но вы с Алиной все же мои дети, и это не изменится ни при каких обстоятельствах. То, что у меня сейчас новая семья, ни сколь не умаляет моих чувств к вам. Я всегда стремился дать вам все, что мог, не деля на старших и младших.

— А мама? — зло выкрикнул Ярослав, не в силах выслушивать больше эту исповедь. — Ее ведь ты тоже любил когда-то. А потом просто забыл... Променил на другую.

— Мы с твоей мамой обо всем поговорили, сын. Давно уже. И все выяснили.

Александр Смеляков беспокойно шагал по кабинету, нервно сжимая руки в кулаки, потом и вовсе остановился, тряхнул головой и запустил руки в волосы. Он и сам не думал, что разговор о поведении сына вдруг примет такой оборот. Планировал взять вместо руководства клуба взять на себя непростой разговор, достучаться до парня, чтобы пресечь саморазрушение. Скамейка запасных ненадолго охладила его пыл. Но куб больше не станет ограничиваться таким дисциплинарным наказанием. В конце концов, чтобы досрочно расторгнуть контракт, юристам не потребуются большой хитрости. А ведь Ярослав уже считался на хорошем счету у команды, даже в сборную сумел попасть. За свои заслуги, между прочим, Александр на таком взрослом уровне никакого веса не имел. Но у обоих слишком наболело, чтобы продолжать замалчивать и дальше, и теперь, едва только они попытались вести хоть какой-то диалог, наболевшее прорвалось сквозь пелену обид и гордости.

— Я причинил ей боль, но оставшись, ранил бы еще больше своим равнодушием. Не вини Лену, она не разрушала семью, все началось намного раньше.

— Ты просто пытаешься выгородить ее в моих глазах, — покачал головой Яр, избегая смотреть в глаза отцу.

— Как ни прискорбно мне это говорить, но брак с твоей матерью был ошибкой. Мы совершенно разные. Не знаю, как нас угораздило сойтись. То, что у нас появились вы с Алиной, было большой радостью, но счастья нам не принесло. Я потерял последние ниточки связи с Ниной. Постоянно пропадал на работе, чтобы у вас был достаток, а она сидела дома с вами. Я даже уговорил ее не выходить а работу, пока Алинке не исполнится шесть лет. Я столько отнял у Нины, и она нашла главное призвание и утешение в вас. Вы заменили ей весь мир, всю любовь. Я стал лишь гостем в доме. Ты этого не помнишь, но я уже уходил в никуда. Возвращался только потому, что нужен был вам. Знал, что Нине тяжело с вами, и возвращался.

— Уволь меня от своих исповедей. Слушать тошно. Тебе стало легче? — Ярослав вскочил на ноги, тяжело оперся руками о край стола и наклонился к отцу. — Стало? А ты хоть видел, во что превратил жизнь матери? Она ночи напролет плакала в подушку, скрывала от нас как могла слезы, но я-то видел утром ее опухшие красные глаза. Она постарела лет на десять за год. Ты посмотри на ее фотографии в молодости, вспомни ее! И сейчас! Это же два совершенно разных человека. Ты, это ты сделал ее такой. И после всего этого ты еще пытаешься учить меня, как надо жить. Если это все, о чем ты хотел поговорить со мной, тогда на этом стоит закончить. Жалеть тебя не стану, останусь при своем.

Яр с грохотом отодвинул от себя стул и тяжелым шагом направился к выходу, не желая больше ничего слушать. Хватит с него. Со своей жизнью разберется как-нибудь сам, но лезть в нее не позволит.

— Ярослав, — окликнул его отец, понимая, что беседа их закончена, так и не начавшись толком. — Оставь в покое эту девочку. Не порть себе карьеру. Ты компрометируешь сейчас и ее, и себя. Загубишь ей будущее — ее отец не спустит тебе этого, и плевать ему будет на твои таланты и статусность — спишут ото всюду, в жизни нигде больше не устроишься.

— Я разберусь сам, — бросил Смеляков, прежде чем вышел из кабинета, от души хлопнув напоследок дверью. Вот и поговорили.

Мои хорошие, вопрос организационно-оформительного характера: с героями визуально знакомиться будем? Где удобнее будет: в группе Вконтакте или в блогах?

Глава 11. Гранит против бриллианта

Глава 11. Гранит против бриллианта

Разговор вышел не из приятных. По большому счету все то, о чем говорил отец, было сущей правдой, но как справиться с охватившим безумием, если и сам не мог подобрать ему верное название.

Остаться наедине с собственными мыслями один на один было лучшей идеей за сегодняшний день. Ему стоило все обдумать, понять, как же быть дальше. Казалось, правильное решение очевидно: просто забыть и не возвращаться даже мыслями к Маше. Но не получалось. Бог видит, что любая мелочь напоминала о ней, а совсем избегать встреч он тоже не мог — обязательства все же были превыше личных мотивов. Ярослав понимал, что должен перебороть себя. Хотя бы на период подготовки к Играм. Потому что еще не потерял совесть, чтобы так безраздумно сломать карьеру и себе, и девушке.

В своих размышления Ярослав не заметил, как пришел на арену, пока его внимание не привлекло царившее на льду оживление. Свет над трибунами был приглушен, но сама арена ярко освещалась прожекторами, из динамиков раздавалась негромкая музыка. Хоккейная команда сегодня уже отработала свое время на льду, а значит, он попал на чью-то

индивидуальную тренировку.

А на льду он увидел ее — причину своего безумия. Маша уверенно и легко скользила по льду, отрабатывая свою программу. И это было очень завораживающе. Ему никогда прежде не доводилось видеть живого выступления фигуристов, да если честно, интереса это никогда и не вызывало. Но сейчас он оторваться не мог от ее прокатки. Плавные изящные линии ее тела словно парили над холодной поверхностью льда. Маша играючи совершала прыжки, каким-то образом умудряясь при этом сохранять равновесие при приземлении. Это вызывало восхищение. Сколько же силы в этой малышке, а уж про упорство и силу духа у фигуристов только ленивый не высказался.

Ярослав заставил себя оторваться от тайного созерцания, чтобы сесть на свободное место в самом темном секторе трибуны. Под невероятно красивую мелодию без слов она не скользила — танцевала на льду, словно предаваясь любви с волшебным мотивом. Он следил за изящными движениями ее рук, за ровными вскидываниями красивых ног, от ее вращений невозможно было оторваться. Настоящее волшебство на льду. Но Ярослав понимал еще одну немаловажную деталь: если бы сейчас перед ним была бы другая спортсменка, такого поразительного впечатления она не произвела бы на него. Все дело было именно в Маше. Она сейчас вела незатейливее заигрывание с самой собой, грациозно выписывая по арене круги, ловко маневрируя на большой скорости то спиной, то с резким разворотом уходя в очередной прыжок или вовсе исполняя несколько прыжков подряд, а Ярослав как замороженный не мог оторвать от нее взгляда.

Что общего было между ними? Только лед. Но он же и разделял их на два совершенно разных мира. Хоккей против фигурного катания, что гранит против бриллианта. Сила против изящества. Напористость против титанической выносливости, облаченной в непринужденность. Они словно две вселенные, которым никогда не суждено сойтись. Но он отчаянно желал ее, хоть и признаться себе в этом было трудно.

С очередным прыжке Маша не справилась, неудачно поставила конек, нога дрогнула, и девушка тяжело упала на лед, но быстро собралась и встала. Музыка все еще звучала над ареной, только Маша не торопилась продолжать. Едва дыша, согнувшись и оперев руки в колени, она устало докатилась до бортиков противоположного от Яра края льда и потянулась за бутылкой воды. Элегантная грациозная пантера даже не знала, что за ней из темноты наблюдает тот, кто каждой своей встречей доводил ее до белого каления. А он с жадностью созерцал ее худенькую фигурку в черном обтягивающем спортивном костюме, мечтая почувствовать под рукой тепло этой Лыдинки.

Она выбрала отличные мелодии для раскатки, но одну Ярослав выделил особенно: OneRepublic «Counting stars» — очень живую, под которую хотелось совершить что-то безумное и свободное от всяких границ. Каждое слово находило отклик в его мятежном сердце, но в этот раз, глядя на Машу, он вдруг переосмыслил все эти строчки заново. Совершенно иначе.

«Lately, I've been, I've been losing sleep

Dreaming about the things that we could be»

(пер. В последнее время я не могу уснуть,

Все думаю о том, что могло бы быть между нами).

— Ба, вот так неожиданный зритель, — раздалось рядом с ним, обрывая его раздумья. — Позволишь присесть?

Вот уж кого меньше всего ожидал Ярослав увидеть, так это Станислава Соболева. В этот

раз он был не в своем привычном деловом костюме под галстук, а в обычных джинсах, темном свитере под горло, но при этом от него все так же веяло силой и решительностью.

Ярослав, не произнеся ни слова, пересел на соседнее место, давая Соболеву присоединиться к себе.

— Ее невозможно выгнать со льда. Тренеры ругаются, но она любит во всем идеальность. Будет отрабатывать, пока до автоматизма не доведет.

Ярослав только растеряно кивнул в ответ, не понимая, для чего Соболев говорил все это ему, и все так же не сводил взгляда с Маши. Уже давно звучала новая песня. Hurts — «Ready To Go». И Маша сейчас была похожа на грациозную пантеру. Недостижимую и влекущую своей независимостью и осознанием собственной неповторимости. Каждое ее заигрывающее движение буквально вколачивало гвоздь в крышку, под которой хоронилось его спокойствие.

— Что у вас с ней? — коротко, но прямолинейно спросил Соболев.

— Ничего, — в ответе Ярослава чувствовалась обескураженность, поскольку такой вопрос застал его врасплох.

— Сделаю вид, что поверил, — усмехнулся Станислав. — Только ты все же сам определись с ответом. Она не любит недосказанностей и неопределенностей.

Яр напряженно подался вперед, облокотившись о расположенное впереди кресло. Вот оно — то, о чем предупреждал его отец. Соболев не стал дожидаться каких-то последствий, решил сразу действовать. Признаться, наживать врага в его лице не было никакого желания. Да и человек этот вызывал у него только уважение.

— Сегодня посмотрел на твою статистику, — продолжил меж тем Соболев, не отступая. — Что-то не нравится мне твоя тенденция в последнее время. Сопоставил я тут некоторые факты и понял, одну важную вещь... Знаешь, какую, Ярослав?

— Какую?

— Уж не из-за прихода ли твоего отца все?

В напряженной позе Ярослава легко можно было считать его злость. Он опустил голову и тяжело вздохнул.

— Станислав Игоревич, что вам от меня нужно? Захотелось поговорить по душам?

— Знаешь, когда один из лучших игроков клуба вдруг резко сдает, это вызывает тревогу.

— Бойтесь за вложенные деньги?

— Да бог бы с ними, деньгами, — Станислав откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. — Ты, конечно же, как игрок сильно вырос, но у нас ты появился еще тогда, когда о тебе во взрослом спорте мало слышали. Помнится, ты так стремился попасть в сборную. Выгрызал себе это право, кулаками выбивал. Ты за один матч несколько очков зарабатывал. Так что же случилось с тобой? У вас конфликт с отцом?

— Не думаю, что дела семейные вас заинтересуют.

— Если они сказываются на твоей работе, то заинтересуют, — безапелляционно возразил Соболев. — Ты не только себя подводишь. Ты команду тянешь ко дну. Представь, если каждый их твоих напарников под грузом своих проблем будет косячить... Вы не дворовая команда, которая пришла спустить эмоции на льду. Вы выступаете для людей, которые ждут от вас незабываемой игры, эмоций. И если ты сдулся, освобождай место тому, кто примет эстафету с большим воодушевлением и энтузиазмом. Ты не смотри, что я в спорте лишь постольку, поскольку. Я знаю, что такое игра, сам когда-то хотел стать профессионалом в этом деле, да только травма перечеркнула все мои планы. У тебя

характер-то бойцовский. Самое то для хоккея.

— Перегорел я малость, — буркнул Яр, не особенно рассчитывая, что его услышат. Но зря.

— Да не перегорел ты. В сборной же играл отлично! А как вернулся, снова началось. Какая-то лишняя агрессия. Удаления. Что у тебя с отцом?

— Ничего. — Скрывать перед посторонним ему человеком уже не было смысла, так как он сумел прознать все слишком хорошо. — Он давно уже ушел из семьи.

— Понятно, — протянул Станислав, что-то прикидывая в уме. — Конфликт по почве развода родителей. Знаешь, в юриспруденции есть такое понятие, как отвод. Когда участников процесса связывают какие-то отношения — родственные, дружеские, деловые или близкие, — такие лица отстраняются от участия. Думаю, руководство клуба допустило большую ошибку, назначив Александра Сергеевича тренером именно в вашу команду. Давай так, я подниму вопрос о переводе его в молодежку, его опыт там пригодится. А с тебя я жду отличных результатов. Договорились?

Обескураженный Ярослав нашел в себе силы лишь кивнуть в ответ. С чего бы Соболеву вмешиваться и помогать ему? Быть может, это такой хитрый ход, чтобы потом потребовать за оказанную услугу ставить его дочь в покое?

— И определись уже, наконец, парень, — произнес напоследок мужчина, поднявшись со своего места. — «Ничего» или «хватит косячить». Одно из двух. Неопределенность она не потерпит.

Ярослав не сразу уловил суть последних слов. О чем, черт возьми, говорил этот Соболев? О какой неопределенности? Пока до него не дошло... Маша! Ее отец подталкивал его к решению, предлагал самому определиться, однако, вопреки ожиданиям, не пытался заставить позабыть о дочери. Этот человек, понимая, что еще одной нелепой выходкой можно было угробить ее карьере, все же предлагал виновнику шанс... на реабилитацию? Ярослав словно очнулся и посмотрел вслед удалявшемуся мужчине. Что за игру тот затеял? Не мог же он так вот легко все простить.

Глава 12. Какие-никакие, но отношения же

Глава 12. Какие-никакие, но отношения же

Ближе к Новому году все завертелось с немислимой скоростью, только и оставалось, что смотреть вслед меняющимся датам в календаре. Времени на безрассудство не оставалось совсем, да и сил, признаться, тоже. Работа на предельных возможностях сказывалась. Соболев сдержал свое слово — отца перевели в молодежку. Можно было бы радоваться, но отчего-то было горестно. Все же разговор с Соболевым задел Ярослава за живое, заставил приостановиться и задуматься. Наверно он, и правда, слишком далеко зашел в своей обиде, раз это стало очевидно совершенно стороннему человеку. Наверно в его возрасте уже стоило включать мозги и учиться прятать личное от публики. Кому какое дело, что творилось в его семье. Соболев был трижды прав, когда говорил, что люди приходят на игру. Для него самого это работа, но для тех, кто смотрел и болел за них, это прежде всего отдых, возможность расслабиться и сбросить с плеч груз тревог и забот. Ярослав был частью команды, которая так же рассчитывала на него, и подводить их он не имел права. Пора учиться жить с тем, что ему казалось несправедливым.

Главный напряженный момент был сглажен. Ему теперь нужно бы успокоиться, настроиться на нужный лад, чтобы завоевать и Олимпийскую медаль, и кубок сезона, но оставалось какое-то навязчивое ощущение, что Ярослав должен был Соболеву что-то взамен.

Стал бы один из руководителей клуба стараться так ради какого-то молодого игрока, который еще даже не успел завоевать себе имени и титула? За такую услугу он явно рассчитывал получить что-то взамен. И Ярослав находил лишь только один очевидный вариант: Маша. Избавить его от присутствия отца взамен на избавление дочери уже от его присутствия. Казалось бы, что могло бы быть проще — просто взять и забыть, оставить в покое... Но нифига это не проще. Когда ломает от одного только взгляда на ее совместные фотографии с этим кузнечиком на льду — Переверзевым. Когда не получается выгнать ее из своих мыслей. Отступить? Черт возьми, он никогда в своей жизни не отступал, всегда шел к намеченной цели. Хотя, о каком отступлении могла быть речь, если он даже не мог разобраться, как же к ней относился. У них не было отношений. У них и толкового-то общения не было, одни лишь препирательства. Так о каком отступлении могла быть речь, когда он не успел найти ни одной точки соприкосновения с ней? Однозначного ответа у него не было, кроме как понимания, что эта девчонка вызывает в нем волну смешанных ощущений: от жгучего раздражения до неподдельного интереса.

Соболев не торопил. Казалось, он и вовсе потерял к нему личный интерес, не появлялся на тренировках, не пытался больше заговорить, что-то затребовать. И это сбивало Ярослава с толку. Ну не может же такого быть, чтобы кто-то в этом мире делал что-то безвозмездно. Он к этому не привык. За все приходилось платить. Даже собственные отношения с отцом прямое тому доказательство: не он ли пытался возместить сыну карьерным ростом свой уход из семьи? Ярослав все искал подвоха, а его все не было. И это до дикости напрягало.

Предложение дать небольшой мастер-класс на огромном катке в одном из столичных парков стало лучшим событием, что случались за последние несколько месяцев. И хоть внимание к спортсменам с каждым днем становилось все пристальнее и порядком уже тяготило, Маша рада была сменить обстановку и немного расслабиться. Компанию ей снова составила Аня, и сестры вдоволь веселились, общаясь как со статусными звездами, так и с простыми людьми. Особенно Маше доставляло удовольствие уделять внимание детям. В них было столько искренности и неподкупности, не присущей взрослым, что расставаться с ними не хотелось. Были малыши, которые и на лед-то встали впервые, вот с ними было веселее всего. Понимая всю свою ответственность перед ними и их родителями, Маша бережно кружила малят по катку и наслаждалась их улыбками и заливистым смехом.

А в это время за ней втихаря из своего импровизированного укрытия на скамейке за огромно толпой атаковавших его поклонников наблюдал хоккеист «Смелый», не находивший в себе как раз смелости, чтобы подойти и разрушить эту идиллию. И не страх перед ее родителем мешал, а внутреннее восхищение этой девчонкой. Она смотрелась такой настоящей, такой искренней — дети, они ведь не терпят напускного, любую фальшь отмечают моментально, выводя на чистую воду. Нет, рушить ее волшебный образ перед зрителями и поклонниками ему не хотелось, а потому Ярослав просто заставил себя отступить. В этот день.

Но, видимо, судьбе было угодно во что бы то ни стало столкнуть двоих упрямцев, потому что буквально на другой день Ярослав нарушил уединение юной фигуристки на льду ледового комплекса. Он снова тихо наблюдал за ней с темноты трибуны, в то время как она снова и снова отработывала новые прыжки, соединяя их в сложные каскады. Упрямая девчонка! Совершенно не жалела себя. Уж кому, как не ему знать, какие нагрузки приходилось переносить спортсменам, какие боли терпеть. Но девушка продолжала, несмотря на свои неудачи и падения.

Ярослав не смог удержаться и спустился ближе. Он мог бы и вовсе выйти к ней на лед, да только предпочел не мешать, а молча прятаться в тьму, страшась напугать ее. Для чего так загонять себя, ведь она тут совершенно одна. Не было ни тренера, ни кого-нибудь иного, перед кем стоило выкладываться на полную. Но Маша продолжала старательно выполнять элементы, как будто от этого зависело ее будущее. Она устала, это было сильно заметно, но все же продолжала. Ярослав, залюбовавшись, совершенно расслабился и вышел к самым бортам, вот только реакции девушки на свое появление совершенно не предугадал: нога ее подвернулась и Маша рухнула на лед, не успев сконцентрироваться и правильно распределиться, чтобы минимизировать травмы при падении об лед. Ему не было видно, что же происходило с девушкой, так как та лежала к нему спиной, но подозрение о чем-то худшем тут же закрались в мысли, когда стало понято, что она долго не поднимается.

— Черт! — выругался Яр и тут же бросился на лед, перепрыгивая через борт.

Маша слабо пошевелилась, и он оказался рядом как раз вовремя, чтобы помочь ей подняться.

— Ты в порядке? — беспокойно спросил он, но вместо ответа услышал только сдавленное шипение. Не нужно быть провидцем, чтобы прочесть в плотно сжатых губах и затуманенных глазах боль. Адскую, едва выносимую, только вот ни один спортсмен не признается никогда, что не в силах терпеть ее. — Где болит? Где?

Ему нужно было удостовериться, что не повреждена спина или голова.

— Все нормально, — придавая себе уверенности, отмахнулась она от него, пытаясь подняться. Без его помощи, конечно же, не удалось, но Маша постаралась принять ее в меньшей степени, чем требовали обстоятельства. — Скоро пройдет. Что ты здесь делаешь?

Откинув с себя поддерживавшие ее за талию крепкие мужские руки, она откатилась на безопасное расстояние, прежде чем повернулась, чтобы выслушать. А Ярослав неловко спрятал руки в карманы спортивных штанов, чтобы скрыть разочарование от того, как быстро девушка покинула его объятия.

— Мимо проходил, увидел, что кто-то тренируется. Думал сперва, кто-то из команды.

Ярослав понимал, что безбожно врет, так как перепутать тренировку хоккеиста и фигуриста даже при полном незнании эти видов спорта нельзя было. Но совершенно сдаваться он не собирался.

— Ты уверена, что все в порядке? Идти можешь?

— Ярослав... так ведь? — нарочно хотела задеть его, подумалось ему тогда, делала вид, что ей настолько он не интересен, что даже запоминать имени не потрудилась. — Для меня такие падения норма. Я справлюсь, спасибо.

— Уверена?

— Ярослав, ты мешаешь моей тренировке, — категорично заявила Маша, давая понять, что помощи от него не примет в любом случае. Выжидающий взгляд говорил о том, что разговор их на этом закончен и ему лучше оставить ее.

Последний матч года оказался выездным, не повезло, конечно. Зато команда сумела выжать победу. А послезавтра уже Новый год, и все с предвкушением ждали момента встречи с семьями, чтобы отметить в кругу семьи этот светлый праздник. Только Ярослав не ждал его. Уже который год подряд. Мама уезжала к сестре, так как собрать под одной крышей детей не могла. Яр ссылался на вечные тренировки и режим, а Алинка предпочитала встречать праздник в компании друзей, после чего у нее начиналась подготовка к зимней сессии. Получалось, что проводить долгие новогодние выходные маме было не с кем, а

потому она давно уже смирилась, предпочтя скучное однообразное одиночество у телевизора общению с родственниками. Ярослав понимал, что не должен был так поступать, что скупые поздравления под бой курантов никак не оправдывали его, но смотреть на мать, пытавшуюся скрыть за притворным весельем сожаление об ушедших былых годах, когда праздник они встречали полной семьей, было невыносимо.

— Где в этом году отмечаешь? — завел с ним разговор в раздевалке балагур Андрей, пока не обремененный семьей или личными отношениями.

— Не решил еще, — безразлично ответил Яр, на автомате натягивая футболку на еще влажное после душа тело. — Есть предложения?

— Ну, раз ты свободен... Прилетим в Москву, можно найти какой-нибудь приличный клуб, чтобы оторваться. Как в прошлом году. Можно, кстати, и в прежнее место податься. Подберем приличную компанию, думаю за этим дело не станет.

— Можно. — Ярославу было совершенно все равно. Он и прошлый праздник-то перенес с трудом, едва дождавшись утра, чтобы спокойно уехать домой в свою берлогу и просто отоспаться.

Желая немного отвлечься от бесперебойной болтовни вокруг, Яр взял телефон и сделал вид, что просматривает свой мессенджер. Сообщений было немного: мама не следила за играми, говорила, что с нее и так достаточно переживаний, Алинка же и вовсе была от этого далека. Сестрица, конечно же, была в курсе его побед или поражений, но заядлой болельщицей хоккея не стала. Так что от них ждать чего-то не стоило. Дежурные фразы от знакомых. Дежурные ответы в обратку. Убегать первым из раздевалки не хотелось, потому пальцы быстро открыли вкладку с новостями. И первое же сообщение, попавшееся на глаза, повергло его в шок: «Фигуристка Мария Соболева покинула расположение сборной из-за травмы».

Смеяков сидел, словно оглушенный таким известием. Он перечитывал новые и новые заголовки, чтобы понять, что ошибся... Но ошибки никакой не было. Конечно, травмы могут быть разными, однако для того, чтобы сорваться с игр, должно было произойти что-то серьезное. И это явно не растяжение или вывих. Громкие заголовки не раскрывали самой главной причины, но этого и стоило ожидать, так как тренерский штаб никогда не станет выносить на всеобщее обсуждение такие темы, чтобы не давать соперникам шансов на преимущество. Однако каково же сейчас было Маше? Уж он-то прекрасно понимал, как жаждал каждый спортсмен попасть на Олимпиаду. И травма перед самыми играми была самым настоящим кошмаром и трагедией, тем, чего и врагу не пожелаешь. Ярослав представить себе не мог, что чувствовала Маша сейчас, когда все ее мечты рассыпались...

И вдруг его словно прострелило догадкой: могла ли Маша получить эту травму на той тренировке в последнюю их встречу? Он помнил, как тяжело давалось ей самообладание, когда она пыталась выпроводить его. Страдала от боли, но даже вида не подавала. Упрямая девчонка была настроена только на победу. Любой ценой. Пусть даже это и будет собственное здоровье и спокойствие. Зачем он позволил ей остаться и продолжать изнурять себя? Еще раз взглянув на сводки новостей, Яр так и не нашел ответов на свои вопросы. Щемящее чувство вины постепенно заполняло его, принося ощущение горечи. Черт, Яр чувствовал свою вину за разрушенную чужую мечту. Он ведь мог настоять на своем, мог заставить ее оставить свои тренировки и отвезти к врачу. В конце концов, мог же просто вызвать кого-то из медперсонала клуба. Но вместо этого просто ушел.

— Андрей, в этот раз без меня, — с языка уже сорвались мысли, которые даже

оформиться толком не успели. Смеляков вскочил со своего места и стал быстро одеваться, на ходу пытаясь купить себе билет на самолет. Повезло, нашел один, правда, в бизнес классе, но цена вопроса его сейчас мало интересовала.

— Смелый, ты чего? — недоуменно уставился на него друг. — Ты куда?

— Извини, дела, — отмахнулся Яр, скидывая вещи в сумку и торопясь на выход.

После небольшого колебания, Ярослав все же набрался смелости и нажал на кнопку вызова. И тут же засомневался. Адрес-то он узнал без проблем, стоило только по нужным каналам в клубе связаться и немного соврать о необходимости вернуть забытые дорогие часы. Но вот кто мог гарантировать, что в вечер перед новым годом он там кого-то застанет?

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился несколько удивленный Соболев.

— Вот так неожиданность. Ты разве не на турнире должен был быть? Что тебя привело сюда?

— Станислав Игоревич, вы меня извините, — Смеляков нервно теребил ремень сумки, которую потащил с собой прямо из аэропорта. Просто не было времени заезжать домой — боялся опоздать и никого не застать дома. Адрес Маши ему, конечно же, никто не раздобудет, но так как Ярослав не знал, жила ли она отдельно или все еще была под родительским крылом, попытаться разузнать о ней сперва стоило у них.

Соболев вскинул бровь, ожидая продолжения речи гостя. Хозяин дома стоял, скрестив на широкой груди руки, с интересом разглядывая парня и пытаясь найти для себя ответ о цели его визита. Черт, его невозмутимое спокойствие нервировало еще больше.

— Я вчера прочитал... Узнал, что Маша... — Ярослав нервно прочистил горло, не находя нужных слов. — Как она себя чувствует?

— Думаю, тебе лучше будет спросить ее саму, — мужчина шагнул назад и отодвинулся, давая гостю возможность войти внутрь.

— Не лучшая идея, учитывая наши с ней напряженные отношения, — протянул Яр, не сдвигаясь с места.

— А ты попробуй, — улыбнулся Соболев, еще шире отворяя дверь, уже не приглашая, а буквально убеждая его войти. — Какие-никакие, но отношения же?!

Глава 13 (часть 1). Никогда не жалея себя

«Никогда не жалея себя. Что бы ни произошло, не позволяй отчаянию завладеть разумом». Эти слова Маша выучила на всю жизнь. Когда-то мама говорила, что этому ее научила бабушка, и только эти слова помогали ей не сломаться в трудное время, а теперь она учила этому же своих детей. Не жалеть себя. Как бы горько и тяжело ни было. Исправить уже ничего нельзя было, но ведь жизнь не заканчивалась, а значит, следовало двигаться вперед, стиснуть зубы и выкарабкиваться, снова выгрызая себе победы, чтобы показать, что она не сломлена.

Маленькая травма, полученная на тренировке, стала причиной другой, более серьезной. Появление Смелякова настолько было неожиданным, что она невольно перепугалась. Еще бы, он вышел из темноты, словно черт, при этом глаза его горели так, что и без внезапного появления пугали своим откровенным желанием. Ей хватило и нескольких мгновений, чтобы его присутствие сбilo с настроения. И как расплата за потерю концентрации — падение. Маша даже не смогла ничего сделать для уменьшения последствий. Ну почему этот парень так действовал на нее? Отчего она теряла контроль, едва только он обозначался где-то в поле ее зрения? Их общение никак не складывалось, они словно два заряда, что искрили, стоило только приблизиться друг к другу. Ей тогда хотелось поскорее избавиться от его

волнующего присутствия, вернуть себе самообладание, оттого она старалась вести себя как можно строже и увереннее. Да только сильная боль в ноге мешала, так, что даже подняться было невыносимо.

Каким образом Ярослав оказался рядом с ней, Маша и не помнила, только когда ощутила его прикосновения, все внутри взорвалось от неожиданности. Не было слов, чтобы попытаться описать всю ту гамму чувств, что вызывала его близость, но она была абсолютна уверена, что нормальные люди такого чувствовать не должны. Как можно одновременно отторгать и жаждать его прикосновений? Лучше всего держаться от него подальше.

Смеляков был сам на себя не похож. По крайней мере, таким Маша его еще ни разу не видела: беспокоился, суетился вокруг нее. Где уж тут устоять бедной девушке? Подальше, держаться от него как можно дальше. Но, похоже, Маша переоценила свои силы, так как даже с его помощью поднялась с большим усилием. Но она же гордая! И решительная! Не нужна ей помощь, тем более от него. Сама справится, не впервой. Вот только что он здесь забыл? Следил за ней или случайное стечение обстоятельств?

«Мимо проходил». Да, да, с трудом верилось. Но она едва могла отвести взгляд от его фигуры. Даже одежда не могла скрыть его крепкое тренированное тело. Одна осанка чего стоила! Ему всего-то двадцать два, а уже сейчас ощущалась такая решимость и стремительность, что не в каждом мужчине постарше можно было найти. Признаться, Маша пару раз смотрела записи игр с его участием, верные фанаты уже успели наклепать нарезок любимого игрока команды, и вполне сумела оценить его прозвище — «Смелый». Впечатлилась. Даже от его задирок и провокаций. Да так, что поймала себя на мысли: ей безумно хотелось узнать, что же там прячется за огромной бесформенной экипировкой, увидеть это крепкое тело своими глазами. Смеляков обладал такой мощной харизмой, что она буквально заставить себя не могла оторваться от просмотра его интервью, отмечая малейшие нюансы в его мимике и жестах. А еще она сумела найти на странице клуба в социальной сети публикации о тренировках команды перед сезоном, да еще — о боже! — и с фотографиями команды во время медосмотра. И теперь он стоял перед ней, краснеющей от одних только воспоминаний о подсмотренных фото, не менее смущенный, а она — какой позор — просто не могла собраться с мыслями и всюду пыталась держать свой взгляд подальше.

Ну чего он навязывался? Пускай бы скорее покинул ее, а там уж она сама как-нибудь разберется, что делать... Только б ушел. Перестал так нервировать своим присутствием.

— Ярослав, ты мешаешь моей тренировке, — пусть это прозвучало и грубо, но еще немного — и нервы ее сдали бы. Она и так уже была на грани, чтобы принять его помощь... только для того, чтобы вновь очутиться в кольце его рук.

И только после его ухода смогла спокойно выдохнуть и медленно направиться к скамейке. Нога ужасно болела, и Маша понимала, что на этот день тренировку стоило завершить. Ей нужен был отдых.

Однако все оказалось гораздо хуже, чем можно было предположить. На тренировке через день Маша вновь неудачно прыгнула и уже не смогла встать на ушибленную ногу. В этот раз боль была такой, что пришлось ехать делать полное обследование, которое показало перелом. Самый банальный перелом, перечеркнувший все ее мечты об участии в Олимпиаде. Маша до последнего стойко держалась, даже нашла какие-то слова для Софии Михайловны, сопровождавшей ее все это время. Но стоило только оказаться дома, в своей комнате, как отчаяние и обида разом смели барьер ее выдержки. Она плакала за закрытой дверью, не

позволяя никому видеть ее слабость. Ей не нужна была ничья жалость. Она просто всех подвела: себя, Софию Михайловну и команду, возложивших на нее надежды, своих родителей, в конце концов. Вся ее работа, все ее старания просто насмарку. Другой возможности выйти на олимпийский лед у нее уже не будет — возраст. Ей уже сейчас, в свои восемнадцать, порой было сложно тягаться с юными конкурентками, у которых кроме возраста в преимуществе были сила, легкость и гибкость.

Она запретила дома говорить о сожалениях и дальнейших планах. Не хотела просто. Пока ей нужно было восстановиться, пережить такую неудачу, смириться. К тому же врачи выявили проблему в коленном суставе и назначили операцию. Про текущий сезон можно было просто забыть, а следующий оставался под вопросом. Состояние ее было удручающим. Все то, к чему она готовилась, вдруг стало ненужным. Вся жизнь ее, по сути, была борьбой. И что же выходило? Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что ничего другого и не знает. Маша не питала ложных иллюзий в отношении себя, она прекрасно понимала, что означала эта травма для нее на данном этапе — завершение спортивной карьеры. Многочисленные ледовые шоу, которые организовывали бывшие чемпионы, еще могли продлить век ее выступлений, могли унять боль от завершения любительской карьеры, но это должно было стать лишь потоковой работой. Соревнований в ее жизни уже не будет. Не будет больше азарта и стремления преодолеть еще одну высоту, не будет тех моментов триумфа, что так пьянил, заставляя забывать о боли и усталости. Пока Маша не понимала, как можно будет жить вне этого.

Единственным положительным моментом в случившемся можно было считать только общение с семьей. Больше не нужно никуда торопиться, выискивать свободное время, чтобы встретиться и поговорить с родными. Теперь они могли проводить каждый вечер за долгими семейными просмотрами фильмов или ужином, который совместно готовили на просторной уютной кухне. Сколько раз Маша ловила себя на мысли, что всего этого не было бы без мамы. Именно она была лучиком света и надежды в их семье. Это понимали все. Сколько сил и любви таила в себе эта женщина, оставалось только гадать, хотя Маша думала, что силу свою она черпала из своей же семьи. И ей безумно хотелось быть похожей на эту невероятную женщину, сумевшую столько всего пережить и при этом сохранить веру в хорошее.

А мама умела и без слов поддержать. Одними только прикосновениями и теплой улыбкой. Она деликатно выводила дочь из депрессии, и, надо признаться, у нее это получалось. Но самое главное, ей удалось донести до нее одну простую истину:

— Что бы ни случилось с тобой, всегда помни: ты наша дочь, мы одна семья. Мы любим тебя любой. С медалями или без. Тебе намного раньше удалось завоевать в наших сердцах свое место, а все эти громкие награды... Разве они покажут кому-нибудь, какая ты нежная и ранимая, какая ты веселая и внимательная? Разве откроют другим широту твоей души? То-то и оно, что нет.

Глава 13 (часть 2)

После операции Маша оставалась под наблюдением врача еще некоторое время, но к праздникам ей разрешили вернуться домой, и здесь явно не обошлось без родителей. Наступающий год Маша собиралась встречать в маленькой тесной компании: она, родители и младший брат Андрей, который, со слов отца, еще не дорос до того, чтобы «шастать непонятно где». Аня, долго и виновато извиняясь, все же покинула их, чтобы отметить

праздник в компании друзей, где был и ее молодой человек, ради которого, собственно, и был потрачен ею весь день в салоне красоты, а потом целый вечер подбиралось платье. Напоследок сестра мечтательно закатила глаза и скрестила пальцы на руках, призывая пожелать ей удачи, и выпорхнула навстречу ухажеру.

— Да, — вздохнул папа, глядя ей вслед, — как это знакомо, когда хочется встретить праздник не со скучными родителями, а с друзьями... ну или в еще более интересной компании.

Он выразительно посмотрел на маму, и та улыбнулась ему в ответ, обмениваясь известным только им одним языком взглядов.

— А теперь вот и уже мы дожили до титула «скучных родаков».

— Ну, не выдумывай, и вовсе вы не скучные, — насупилась Маша, желая поддержать их.

— Да нет, дело-то не в том, скучные или нет, — он подошел к ней и дал руку для опоры, чтобы помочь идти. — Просто сейчас как никогда ясно понимаешь, что дети выросли и от этого становится лишь тревожнее. Пока вы были маленькими, беспокойства были иного характера. А сейчас вы вступаете во взрослую жизнь, и так хочется, чтобы не наделали ошибок, чтобы не повторили наших.

— Папа, — укоризненно покачала головой Маша. Она уже столько лет откаталась по различным чужим городам и странам, и не всегда у родителей была возможность быть рядом с ней, особенно последние годы, а они, выходит, все еще считали ее несамостоятельной.

— Вот будут свои дети, тогда посмотрим, что сама потом скажешь, — он легонько щелкнул ее по носу. — Будешь волноваться или нет.

Предпраздничную тишину квартиры нарушил звонок в дверь.

— Не похоже, что Аня что-то забыла. Пойду посмотрю, кого там принесло.

— Хорошо, я пока к себе доковыляю, нога сильно разболелась и отекала.

Уже в своей комнате Маша удобно расположилась в кресле, вытянула ноги на установленный рядом пуфик и взяла в руки телефон, чтобы отправить последние поздравления. Все приготовления в столовой к празднику были сделаны еще с утра, участвовали все, поэтому сейчас в свободное время можно было отдохнуть и просмотреть новости. Нога нещадно болела, но врач сказал, что несколько дней так и будет, выписал болеутоляющие и взял обязательство каждый день приезжать на терапию. Ну, это Маша как-нибудь переживет, впервые что ли.

В дверь негромко постучали.

— Да, — тут же откликнулась девушка.

— К тебе пришли, — раздался голос мамы, но вместо нее в комнату вошел...

— Что ты здесь делаешь?

Сказать, что она была удивлена — ничего не сказать. Опешила! Смеляков. Здесь, в их доме, в ее комнате.

А он окинул ее взглядом и задержался на травмированной ноге. Кивнул на гипс и неуверенно спросил:

— Как ты?

— Ну, как-то так. Вынужденно отдыхаю.

— Вот отчего ты такая упрямая, Лыдинка? — Ей показалось, или в глазах его мелькнул гнев? — Я же мог тебе помочь тогда.

— Ты из-за этого пришел? Упрекнуть?

Ну вот, сама не заметила, как снова перешла на колкости. Ну почему с ним так? Отчего

они не могли нормально пообщаться?

— Хотел узнать, все ли в порядке с тобой, — холодно произнес Ярослав, спрятав руки в карманы.

— Жива, почти здорова. Не переживай, не первая и, вероятно, не последняя такая травма. Все? — Ой, мамочки, ну чего ее так несло? Ей хотелось саму себя стукнуть хорошенько, но какой-то черт внутри так и подзуживал, так и подстегивал.

— Прости меня, — выдохнул парень и на несколько мгновений прикрыл глаза. И Маша в этот момент пропустила болезненный удар в сердце. Таким она еще никогда его не видела. Растерянным и... кающимся.

— За что? — поражено выдохнула она.

— За то, что не настоял на своем и оставил тебя в беде.

— Ты не должен был нянчиться со мной, я вполне взрослый человек, чтобы...

— Ты нуждалась в помощи, а я оставил тебя, не убедившись в том, что ты обойдешься...

— Не говори ерунду. Травму я получила на следующей репетиции. Ты так с каждым встречным нянчишься?

Ответом ей было молчание и опущенный в пол взгляд.

Маше стало неловко, что ее гость стоял на пороге комнаты, а она даже не предложила ему присесть. Он был в джинсах и теплом свитере — вид такой, будто словно только что приехал откуда-то...

— Может ты... — «присядешь» хотела дополнить она, но не успела, так как в этот же момент Ярослав обращался к ней.

— Думаю, мне лучше уйти. Мне жаль, что так случилось. Прости.

Он отвернулся и быстро вышел из комнаты, даже не прикрыв за собой дверь — так торопился.

А Маша поражено смотрела ему вслед, и что-то так больно дергало ее изнутри, так царапало. Она вспомнила, что вчера вечером у команды была выездная игра, да и потом снова предстоял выездной матч, а это значило, что Ярослав примчался в Москву именно к ней. По крайней мере, ей хотелось бы так думать, так как обычно мало кто решался покидать расположение команды, обычно семьи приезжали к своим игрокам.

Маша вскочила со своего места, покачнулась и поморщилась от пронзившей ногу боли, ухватившись за спинку кресла, чтобы удержать равновесие. Она еще не привыкла к тому, что теперь на долгое время ограничена в движениях и скорости, а потому, насколько это было возможно в ее состоянии, поспешила в коридор. Только бы не опоздать. Что она скажет ему, даже не думала, просто хотелось остановить. И вновь окунуться в его печальный потерянный взгляд.

— Уже уходишь? — услышала она голос отца уже у самого выхода из квартиры.

— Да, Станислав Игоревич, думаю, мне пора.

— Сегодня ты какой-то... Все хорошо?

Пока Маша ковыляла по длинному коридору, беседа отца с игроком его команды перешла в личное русло.

— Да, — равнодушно ответил Смеляков, послышался звук застегиваемой «молнии» и что-то тяжелое ударилось об пол. — Простите, не удержал.

— Как с отцом?

— Так же. Я его не видел, если честно. И спасибо вам за то, что...

— Не за что, — тут же отозвался папа, видимо, понимая, как тяжело давалась парню эта

тема. У Ярослава был какой-то конфликт с родным отцом, Маша один раз слышала беседу родителей, но не придавала тогда этому значения. — Нам надо было раньше все знать, прежде чем ставить его тренером в команду. Это наше упущение. Ты сейчас куда? Тебе есть с кем праздник-то отмечать?

Маша в этот момент уже успела дойти до них и, едва выйдя на свет, столкнулась с пронзительным голубым взглядом, устремленным прямо на нее. Почему она никогда раньше не замечала, какие у него глаза. Чистейший байкальский лед. Ярослав уже оделся и собирался покинуть их, в руках была большая дорожная сумка, обклеенная бирками из аэропорта. Значит, он действительно приехал к ней прямо с самолета.

— Зачем ты поднялась? Тебе нельзя, — просипел Ярослав, и тут же прочистил горло. Сумка с тяжелым грохотом опустилась на пол, и от глухого звука все словно очнулись.

— Ярослав, оставайся у нас, — предложил отец, переведя взгляд со Смелякова на дочь.

— Нет, я, пожалуй... Мне пора.

— Тебе есть к кому сейчас ехать? — настаивал Соболев. — Насколько я помню расписание, команда должна быть на выезде.

Ярослав медлил, потупив взгляд. Значит, не было, подумалось Маше. Видимо так же рассудил и папа.

— Не думаю, что это будет хорошей идеей... — Смеляков растерялся от такого неожиданного предложения. — Я лучше к себе.

— Ярослав, оставайся, — попросила на этот раз уже сама Маша, и он так пронзительно посмотрел на нее в ответ, что ноги буквально подкосились. А внутри, как бы банально ни звучало, запорхали бабочки, безбожно защекотали своими крылышками, даря такое нереальное ощущение невесомости, что даже пришлось прислониться к стене в поисках опоры.

А тот поганец улыбнулся в ответ, окончательно добив ее своим обаянием, и произнес сипло:

— Ладно, уговорили. Только у меня совершенно нет подарков, все как-то так спонтанно вышло.

— Да не выдумывай, — отмахнулся Соболев. — Чем нас можно удивить, так это такими вот неожиданными гостями.

Сумка вновь была отправлена на пол, куртка в шкаф, а сам смутитель Машиного спокойствия в ванную комнату. Ей же было предоставлено немного времени, чтобы перевести дух и встретиться с вопрошающим взглядом отца. Но ни осуждения, ни лишнего любопытства она не нашла, лишь только ободрение и... согласие? Нет, ну не мог же папа сделать какие-то выводы только из ее вежливого приглашения. Тем более, он первым пригласил Смелякова остаться, она лишь подыграла ему. Ой, мамочки, почему же все так сложно?

— Идем, — Стас приобнял дочь, чтобы помочь ей добраться до гостиной. — Нужно маме сказать, что с нами будет гость. Вы ведь не станете устраивать из праздника словесную перепалку?

— Надеюсь, нет, — смутилась Маша.

Благо, родители были рядом и спасали ее от стыдливого молчания, так как Маша совершенно не знала, о чем можно было говорить с Ярославом. Папа поначалу расспрашивал парня о каких-то рабочих моментах, затем речь перешла о путешествиях, о какой-то дребедени. Краеугольные края в беседе об олимпиаде, о семье Ярослава благоразумно никто

не затрагивал, и оба — и Маша, и Яр — были в душе благодарны мудрому старшему поколению за это.

— Воу, воу, воу!!! — радостно разнесся в гостиной голос опешившего Андрея, схватившегося в приятном шоке за голову. — Боже, глазам своим не верю! Да мне в жизни не поверят! Смелый! У нас дома!

— И даже более того, встретит праздник с нами, — рассмеялся отец, грозя и вовсе свести с ума от счастья сына.

— О-фи-геть! — восторженно произнес по слогам Андрей. — Что, серьезно? Вы ж сейчас на выезде.

— Ты наблюдаешь сейчас картину встречи обескураженного фаната со своим кумиром, — смеясь, пояснил гостю Соболев, кивая на подростка в дверях. А потом уже переключился на сына. — Давай, дуй переодеваться и присоединяйся.

В этот раз новогодняя ночь прошла совершенно иначе, нежели предыдущие. По крайней мере для Маши и Ярослава. На ее незримых крыльях пришло что-то тревожно-радостное, томительное и желанное, что-то такое эфемерное, едва уловимое... счастливое и новое. Предвкушение чего-то хорошего.

Утром Ярослав уехал к себе, а на Машу накатила волна грусти, хотя с чего бы вдруг? Но усталость все же взяла свое, и она ушла к себе. Спать, спать, все мысли и вопросы завтра. А пока сон... С зеркала на нее смотрела все та же она... только на лице светилась глупая мечтательная улыбка, и Маша тут же закрылась от своего изображения руками. «Боже мой, только не это. Как глупо».

Да только, видимо, судьбе было нужно добить ее самоконтроль окончательно одним маленьким невинным сообщением: «Спасибо за ночь. С новым годом, Льдинка». Маша стыдливо прикрылась руками, словно в данный момент кто-то еще мог увидеть, как она заалела от стыда и растекшегося теплом приятного ощущения. Это был какой-то другой Смеляков. Такого она еще не знала. И сомневалась, что после длительного знакомства именно с таким Ярославом она останется тверда в своих убеждениях... и чувствах.

— Похоже, новогодняя ночь для нашей семьи уже традиционно становится чем-то особенным, — прошептал Стас жене, крепко прижимая ее к своей груди, пока она смотрела в окно вслед удалявшемуся такси, увозившему их гостя.

— Да, — выдохнула она. — Ты уверен, что ничего им не испортил? Мне как-то тревожно за этого парня. Он такой... настороженный. Словно дикое брошенное животное.

— Он хороший парень, поверь мне. Его семье немного не повезло, но он оттаит, вот увидишь.

— Главное, чтобы они друг другу не наговорили лишнего, не навредили.

— Не навредят. Ты видела, что с ними сегодня было? А ведь до этого их нельзя было даже в одно помещение вместе привести. Сама разве не помнишь, что бывает в новогоднюю ночь, как все меняется? Или напомнить?

Эля обернулась к мужу и, обхватив руками его шею, счастливо улыбнулась.

— Напомни.

— Глядите-ка, какими забывчивыми мы стали, — с шутливым укором проговорил Стас.

— Я помню каждое мгновение, — прошептала Эля, глядя в его темные глаза, — просто ты так умело оживляешь воспоминания...

Глава 14. Талисман

В ту ночь Ярослав словно окунулся в иной мир, где не было места предательству и обману, а царила любовь и взаимопонимание. Казалось, Соболевы понимали друг друга с полуслова, с одного только взгляда или жеста. Так ведь не бывает? Или все же бывает?! Ярослав пытался перенести все это на свою семью и найти в далеком прошлом хоть что-то напоминающее такие отношения. И не мог. Сейчас он начинал понимать, что не было у родителей той самой любви, которая могла бы сохранить их брак. Может и правда, не было у них будущего? Как там говорил отец — рутина. Почему-то глядя на Станислава Соболева с женой не чувствовалось никакой рутины и пресловутого чувства долга, наоборот, было видно что эти двое наслаждались каждым проведенным друг с другом мгновением. Тепло их отношений передавалось всем, кто находился рядом, и Ярослав совсем не чувствовал себя чужим в их доме, напротив, эта семья старалась поддержать его, словно он был знаком с ними очень долгое время.

Задерживаться в Москве Яр не стал, он просто отоспался весь первый день нового года, а вечером улетел обратно к команде, чтобы готовиться к следующей игре. О своем приезде он не стал никому сообщать — не хотел ни с кем делиться воспоминаниями о самом необычном новом годе. Словно маленький ребенок, которому подарили хрупкую волшебную игрушку, что могла рассыпаться от одного неверного прикосновения. Он и сам не ожидал, что будет так дорожить этими проведенными в окружении чужой семьи мгновениями.

Время, словно бешеное, несло вперед, пробегая по листам календаря размашистыми шагами. Все вроде бы осталось по-прежнему, но было уже по-иному. Яр остро ощущал потребность вновь увидеться с этой смелой девчонкой, вызвать гнев в ее глазах и нарваться на острые, словно шипы, колкие ответы. Она не выходила из его мыслей, грозила свести с ума, вызывая в разбушевавшемся воображении горячие образы, в которых он точно знал, как заставить выплеснуться ее злости и эмоциональности. Но как бы ни пытался представить себе ее гибкое стройное тело под своими руками, в мыслях был лишь один ее пронзительный взгляд, пробиравший до нутра. Она стала для него самым настоящим наваждением.

Он не смел ее тревожить более. Так будет лучше обоим. Да и самому теперь просто некогда — сборная отправилась в расположение тренировочной базы, где будет вплоть до самых игр готовиться и жить. Ему думалось, что будет легко, но как же жестоко ошибался в самом себе. По ночам ему все равно снились ее улыбка и лучистые глаза. Там они забывали, что между ними была какая-то вражда и неловкость — были лишь только двое, не желавшие забывать свой украденный поцелуй и изголодавшиеся друг по другу.

Чем ближе была дата начала Игр, тем пристальнее внимание к каждой их персоне общей Команды. Давление было колоссальным, напряжение нарастало с каждым днем, и Ярослав порой задавался вопросом, как же юные игроки выдерживали все это. Он представить себе не мог, как бы все это могла выдержать Маша, насколько хватило бы силы ее духа. Хотя, признаться, оказаться вне Игр, когда вся жизнь проходила в подготовке к взятию самой главной золотой вершины, было тем еще кошмаром и внутренних сил пережить его требовалось куда больше. Какое выдержкой нужно было обладать Маше, чтобы делать вид, будто ничего страшного не произошло? Ярославу трудно было даже представить силу ее характера. У этой девочки сила воли просто нереальная. Ею невозможно было не восхищаться.

И вот он — аэропорт Шереметьево. Сколько раз он был в здесь, но такого волнения, как сегодня, не испытывал еще никогда. Даже принятое ранее успокоительное не сильно помогало. Огромная делегация отправлялась на Олимпиаду. Команда и без того ужасно

нервничала, а высокопоставленные чиновники и толпы осаждавших журналистов никак не способствовали мирному настроению. Хотелось уже поскорее подняться на борт самолета и немного расслабиться, а если повезет, даже и заснуть.

Ярослав терпеливо пробирался вперед, проталкивая перед собой тележку с багажом, на ходу отвечая на какие-то порой даже нелепые вопросы, собирая подаренные кем-то из поклонников игрушки-талисманы. Дома он по десятку раз проверил собственный чемодан и сумки, желая удостовериться, что ничего не забыл, но все равно сейчас было такое ощущение, что какое-то упущение все же осталось. Мама с Алинкой отзвонились еще вчера, пожелав удачи, от отца никаких вестей не было, да Ярослав и не ждал, если быть откровенным с самим собой. А вот Маша... При всем своем желании он так и не смог набрать ее номер, чтобы услышать ее голос перед отъездом. Сама она, конечно же, не станет звонить — с чего бы вдруг. А вот он ощущал какую-то пугающую потребность хоть напоследок поговорить с ней и получить новую порцию дерзости. С той новогодней ночи они больше не виделись и не общались. Больше месяца

— Привет, — раздалось совершенно неожиданно рядом с ним, и Ярослав тут же обернулся, боясь, что ему показалось. А убедившись, что все было наяву, даже растерялся.

— Маша? Привет. А как ты... Зачем ты здесь?

— Я не могла не приехать поддержать ребят, — она кивнула в сторону группы фигуристов, дававших интервью журналистам центральных телеканалов.

— Тебе нельзя было сюда, твоя нога...

Маша ослепительно улыбнулась в ответ и отмахнулась.

— Не переживай, ничего со мной не случится. — Она опустила взгляд на свою загипсованную ногу и костыли. — Нормально. Поверь, для меня важнее было приехать сюда. Ой, вам уже пора...

Вокруг началось оживление, спортсмены стали проходить в зону регистрации. Ярослав потерянно оглянулся, словно не желая туда идти. От заветной мечты его отделяли десятки шагов и каких-то несколько часов полета, но было и то, что удерживало здесь. Маша. Не видеться с ней было тяжело. Но тяжелее всего оказалось все же стоять в зале ожидания и прощаться.

— Да, — выдохнул он, глядя на нее. Какая же красивая. Светлая, улыбчивая, даже несмотря на то, что сегодня не попала в команду и травма все еще тревожила ее, все равно нашла в себе силы приехать и проводить всех.

Ярослав впервые в своей жизни встречал такого человека, как Маша. Ничего в ней вроде и не было такого примечательного, но для него она была особенной. Светом, к которому хотелось тянуться. В ее семье он ощутил все то, чего не видел уже многие годы в своей собственной: целостность и крепкая уверенность в будущем. А еще ее мама — Эвелина Викторовна... Ярослав очень любил свою маму, но эта женщина поразила его до глубины души. В ее общении он почувствовал столько участия и переживаний, что невольно хотелось ей довериться. Теперь ему было понятно, отчего Маша столь отличалась от других девушек, с которыми ему только доводилось встречаться.

— Папа сказал, что прибудет на игры через несколько дней, он будет в распоряжении сборной.

— Да, он говорил мне, — кивнул Ярослав. После той новогодней ночи его отношения с Соболевым стали иными, более доверительными что ли.

— Да, еще привет от мамы и пожелания победы, — с улыбкой продолжала Маша,

неловко переминаясь на своих костылях.

— Спасибо. Мама у тебя замечательная. Теперь я узнал, в кого ты такая...

— Какая? — не без вызова в улыбке спросила Маша.

— Такая. — Ярослав как мог подавлял в себе желание протянуть руку и прикоснуться к ее лицу, поправить выбившийся локон, провести пальцами по нежной коже от виска до тонкой шеи. — Добрая. И красивая. Ты очень на нее похожа.

Он вогнал ее в смущение, это было видно по тому, как яркий румянец разлился по щекам и как потупился взгляд.

— Спасибо, но я... — начала было она, но в этот момент Ярослава окликнули.

— Смеляков! Поторопись.

— Тебе пора, — совершенно неожиданно Маша взяла его за руку. А потом вложила что-то в ладонь.

Ярослав с трудом перевел взгляд с ее лица на свою ладонь и увидел маленькую ярко-рыжую вязаную кошку-брелок с натуральным мехом, пришитым как хвост.

— Мой талисман на удачу, — пояснила Маша. — Мне его на первое соревнование подарили в... м-м-м... одном детском доме. Ее зовут Пулька.

— Почему Пулька? — рассмеялся Яр, рассматривая талисман.

— Потому что пуляет вперед как снаряд. Это для скорости и успеха, так мне сказали.

— Мащ, это очень... Он же твой. Я не могу его у тебя взять.

Как тут было не растеряться от столь личного доверительного подарка, можно сказать, оторванного от сердца? Для любого спортсмена талисман — это настолько важная и сокровенная вещь, что даже показывать ее кому бы то ни было многие не рисковали. А тут Маша отдавала ему по сути свою удачу.

— Ярик, привези мне золото. Хоть одним глазком на него посмотреть и в руках подержать.

«Ярик». Давненько его так никто не называл. Наверное, в детском саду, да родители. Только после ухода отца он запретил так к себе обращаться. Маленький Ярик остался в прошлом, там, где была тихая и крепкая семья. Ему пришлось вырасти, чтобы стать опорой для матери и сестры. Не было больше никакого Ярика, остался только Ярослав, Яр, Смелый. Когда отец пытался величать его так по старой памяти, Яр только лишь больше выходил из себя. А тут на тебе — «Ярик». Но злиться почему-то не получалось. Наоборот, на лице лишь глупо растекалась улыбка. «Ярик».

— Смеляков! — снова окликнули его, призывая заканчивать беседу и идти на регистрацию.

— Иду! — Он подошел ближе к Маше и, под ее смущенный взгляд, бережно притянул к себе, стараясь не причинить вреда. Осознавал, что вокруг них полно камер, и все же не желал себя сдерживать. Легко коснулся ее губ в уверенном поцелуе и только потом прошептал. — Обязательно привезу.

И стремительно покинул ее, чтобы избежать неловкости прощания. Никакой вины даже не ощущал. Все казалось правильным. С собой он увозил целых два подаренные ему талисмана, и черта с два он упустит с ними победу

Глава 15. Один шаг до триумфа

Глава 15. Один шаг до триумфа

Очередные громкие заголовки «желтых» статей не заставили себя долго ждать: «Смеляков и Соболева перестали скрывать свои отношения», «Юная фигуристка встречается

с хоккеистом сборной» — и все в таком же духе. И даже ее мнимые отношения с Переверзевым, с которым ее, на самом деле, связывала лишь только дружба, как-то быстро забылись.

— Только ничего мне не говорите. — Одного только предупреждающего взгляда родителям и семье было достаточно, чтобы понять, что ЭТУ тему она не намерена обсуждать ни с кем, даже с родными.

Ей бы и самой разобраться, прежде чем объяснять все дома. А ведь в этот раз она даже не противилась поцелую. Не было желания залепить в ответ пощечину или отчитать наглеца. Наоборот, она с ужасом понимала, что сама ждала и желала его. И приехала в аэропорт не для того, чтобы проводить своих коллег, совсем нет — ей хотелось увидеть Ярослава, пожелать ему удачи лично, не через телефон, возможно даже улучшить момент и почувствовать, как их руки соприкоснутся в невинном жесте. А уж отдать ему Пульку — свой талисман, подаренный ей ребятами из того самого детского дома, в котором она жила до того, как ее забрали в новую семью, — было сущим безумием, так как спортсмены — люди очень суеверные, и расстаться со своей удачей рискнул бы разве что только полный глупец. Но Маше хотелось поддержать его в этой тяжелой борьбе, и ее решение, пусть и импульсивное, не ощущалось как неверное. Она верила в то, что ее талисман принесет ему удачу.

Сидеть дома, наблюдать за происходившим через экран телевизора или из интернет-трансляций было невыносимо, и уже очень скоро Маша собиралась, чтобы побывать на той самой Олимпиаде, пусть даже в качестве зрителя, пусть даже уже на последних днях игр, благо, что все необходимые визы у нее были получены заранее. Мама очень ругалась на нее, говорила, что она себя не бережет. Но разве можно было усидеть дома, когда такой накал страстей и душа рвалась туда?

Наблюдать за катанием коллег с трибуны было непривычно. В последний раз Маша следила за волшебством танца на катке больше десяти лет назад, когда впервые попала с семьей на предновогоднее ледовое представление. Тогда это шоу произвело на пытлиное детское сознание поистине ошеломляющее впечатление, и Маша едва только не бредила во сне фигурным катанием. Родители не стали отговаривать, и вскоре маленькая Маша уже стояла на льду перед детским тренером, выслушивая вместе с мамой «уже слишком поздно, нужно было раньше начинать». Но Маша не желала сдаваться. Она упрямо стояла на катке, пока шли споры. В итоге ей разрешили остаться в группе, не придав особого значения появлению новенькой в группе. Пусть, мол, катается, раз родители готовы платить деньги за бездарное дитя. Но быть последней Маша не привыкла. Ей было тяжелее других, но, стиснув зубы, она преодолевала все трудности, преодолевая боль и усталость, только уверенно шла вперед. Своим адским трудом она заставила обратить на себя внимание, заставила поверить в себя и дать шанс. И этот шанс она не упустила. В первое свое соревнование, устроенное между спортивными школами, она уверенно завоевала бронзу. Больше за катанием с трибун она не наблюдала. И вот сейчас она словно вновь вернулась в самое начало, заново знакомясь с миром волшебства, что давалось таким тяжким трудом.

Олимпиада — это самый грандиозный спортивный праздник, триумф силы, выдержки и сплоченности. И теперь-то Маша понимала, отчего эти Игры называли не соревнованиями, а именно праздником: все вокруг было пропитано такой невероятной атмосферой торжества, что даже настроение невольно поднималось, а собственные неудачи становились не столь болезненными. Приобщиться к празднику можно не только будучи его непосредственным

участником, но и простым зрителем, теперь это становилось совершенно очевидным. Тысячи болельщиков, приехавших поддержать свои команды, дружелюбно и с энтузиазмом знакомились и общались, следуя давнему олимпийскому завету: перемирие на время Игр.

Никто не знал о ее приезде, только папа, но его расписание позволяло выделить только пару-тройку часов, чтобы пообщаться, да и сама Маша не захотела быть под бдительным присмотром родителя, поэтому у нее было немного свободного времени прогуляться по городку, осмотреть окрестности, отдохнуть. Нога уже не так болела и беспокоила, и вместо костылей теперь у нее была простая опорная трость, с которой передвигаться было значительно проще, хоть усталость быстро брала свое. Она могла совершенно спокойно пропустить какой-то вид зимнего спорта, загуляться по расписным улочкам, всегда наполненным многонациональными толпами людей, но единственными соревнованиями, которые посещала не пропускала никогда, были фигурное катание, так как не поддержать своих просто не могла, а еще... хоккей. С замиранием сердца ждала, когда команды выйдут на лед, и жадно искала глазами игрока в свитере под номером 89. Команде была как никогда важна поддержка, и Маша каждой клеточкой ощущала ее с трибун. Ее соотечественники, казалось, перекрывали даже кричалки болельщиков другой стороны. Впервые она оказалась по другую сторону от бортиков, отделявшего лед и зрителей, и ей это ужасно нравилось. Нравилось быть причастной к такому празднику, нравилось быть частью одной большой семьи, нравилось быть одной из той армии вдохновителей, что толкает команду на победу.

Вот только она словно и не слышала ничего вокруг. Невольно сжав кулачки и оперев о них голову, Маша напряженно наблюдала за игрой, крайне переживая любой острый момент. Но из всех игроков она невольно высматривала глазами непременно Смелякова, его красный свитер с номером 89. На поле ли, на скамейке, она всегда следила за ним. Признаться, теперь ей стала понятна причина, по которой отец покровительствовал парню: тот был очень результативным игроком, а в одной из четырех проведенных игр он даже был признан самым ценным игроком команды. И наконец-то она воочию увидела того самого игрока, которого прозвали «Смелым» не только по фамилии, но и за собственную игру. Отчаянный, стремительный, быстрый, дерзкий... Потрясающий. Как разительно он отличался от того смущенного Ярика, что гостил у них дома в ночь на Новый год. Чего уж греха таить, пора было признаться самой себе, что приехала сюда она только из-за него. И каждый матч в нервном напряжении едва сидела на месте и жутко переживала, одновременно радуясь каждой удачной передаче, сделанной Яриком, а в особенности забитой им шайбе, и расстраиваясь, когда ему не удавалось забросить или судья отправлял отбывать штрафные минуты. Радовалась, как ребенок, когда команда вышла из четвертьфинала, прошла полуфинал, пусть и с большим трудом.

Оставался финал. Один шаг до триумфа. Маша знала не понаслышке, что это такое. Когда от волнения сводило все мышцы тела, а разум вдруг на несколько мгновений затуманивался страхом, с которым совладать можно было только лишь выйдя на лед. Она могла бы написать ему слова поддержки перед матчем, но сама никогда не любила, чтобы что-то отвлекало ее от верного настроения. Все слова будут позже, а пока она ужасно нервничала, сидя на трибуне. Папа предлагал ей организовать место на трибуне среди именитых гостей, где так же были места и для членов семей игроков, приехавших поддержать родных, но Маша упрямо отказалась, предпочтя переживать в одиночку, без лишнего внимания к своей персоне. Хватило с нее и тех громких заголовков, которыми пестрили новости благодаря безумным выходкам Смелякова.

Монитор, расположенный над площадкой, выхватывал лица игроков, и Маша имела возможность хоть иногда украдкой увидеть Ярика поближе. Хмурый, напряженный, сосредоточенный, внимательно следил за игроками даже будучи на скамейке. О чем-то переговаривался со своими напарниками. А когда удалось забить первую шайбу, ликовал, как мальчишка, даже глаза зажглись.

«Хоккей!» — много раз напоминала себе Маша, но все равно искала на льду красный свитер с номером 89.

В этот раз никак не шла игра у сборной — соперник вел со счетом 3:1. Начался третий период, но счет не удавалось сравнять. Но несмотря ни на что поддержка болельщиков была такая, что у другой команды должны были бы поджилки трястись от страха. Болельщики и команда — одна семья, и даже в таком отчаянном положении трибуны продолжали верить в свою сборную и подбадривать своих игроков. Во время прошедшего перерыва команда получила последние наставления от тренеров, и это чувствовалось даже Маше, далекой от хоккея. Игра стала заметно жестче, появилась напористость и уверенность. «Красная машина» давила, пытаясь наверстать упущенное. Смелякову дали больше времени и возможностей, и он со своим звеном творил что-то просто невозможное.

— Давай, Ярик, — ногти впились в кожу от сильно сжатых кулачков, но Маша даже не замечала этой боли. Она напряженно смотрела, как Смеляков, обойдя соперника, ловко подцепил у него шайбу из-под клюшки и тут же помчался к воротам. — Ну же, быстрее, мой хороший. Давай.

Маша только сейчас заметила, как ловко выходило у него уходить от защитников. Ярослав владел какими-то своими хитрыми приемами, позволявшими ему обманывать защитников, уводя шайбу в ином направлении, чтобы передать ее другому игроку. Легкий молниеносный замах кистью — и шайба врывается в ворота соперника.

— Да!!! — Маша радостно подскочила с сотнями болельщиков и тут же рухнула в кресло от пронзившей ногу острой боли. На табло обновился счет: 3:2. Маленькая надежда за пять минут до окончания третьего периода, в котором все и решится: либо серебро, либо битва за золото в овертайме.

Это понимала и другая команда. Атаки стали более частыми, соперники не гнушались применять силовые приемы, и ребята едва только успевали отклоняться.

— Не ведись, только не ведись, — как заклинание повторяла вполголоса Маша, глядя, как несколько игроков пытались отобрать шайбу у Яра, на скорости впечатывая его к бортику и замахаясь клюшкой. И с удовлетворением выдохнула, когда он сумел выбраться, пусть и без шайбы, но не вступил в навязываемую драку. Должно быть, тренерский штаб провел очень хорошую психологическую работу, раз игроки несмотря на бушевавшие эмоции могли контролировать себя.

А возгласы болельщиков только усиливались. Вот это поддержка! Ей на своих выступлениях даже и мечтать о таком не приходилось.

За две минуты до окончания периода был объявлен тайм-аут. Команды собрались вокруг своих тренеров, внимая каждому слову. А в это время трибуны едва ли не взрывались от гула болельщиков и пестрящих повсеместно флагов своих сборных. Пока команды готовили новые тактики, трибуны соревновались в силе поддержки. А у Маши даже сил не осталось переживать. Она лишь сцепила в замок кулачки и опустила голову на них, с надеждой ожидая, что же будет дальше. Настолько ушла в себя, что даже не сразу заметила, как на огромном экране появилось ее лицо. А потом видео сменилось, и на следующем она увидела

Ярослава. Он посмотрел куда-то вверх, и уголок его губ тронула едва заметная улыбка. Боже, Маша перевела взгляд на поле и поняла, что смотрел он на огромный экран и, вероятней всего, видел и ее саму на трибуне. Сердце забилося так гулко, что даже дыхание участилось. И что за сила такая заставила ее приехать в чужую страну после перенесенной операции на ноге и сидеть переживать за дерзкого мальчишку, с первого же знакомства доставившего ей столько беспокойства?

Сборная сняла вратаря и добавила полевого игрока. Тренерский штаб пошел на риск ради шанса сравнять счет. На последних двух минутах игра стала действительно напоминать бою битвы, только теперь игроки сборной знали, что кроме заветного гола им нужно еще и оборонять собственные ворота. Время стремительно таяло, но никому так и не удавалось преломить ход игры. Оставались считанные 30 секунд... И в этот момент какими-то немислимыми ухищрениями Ярославу удалось отнять шайбу у собственных ворот. Он бросился к воротам соперника, ловко маневрируя между чужими игроками... Пять секунд до конца периода...

— Ну же, давай, мой хороший, — твердила, словно мантру, в сжатые у губ кулачки Маша.

Ярослав, выполнив стремительный обходной маневр, одним кистевым ударом направил шайбу. Казалось, просто наугад. Наудачу. Одна секунда.... Гол! И сирена оповестила об окончании третьего периода.

Гол! 3:3. Ярослав сумел выбить шанс на победу своей команде. На льду творилось чистое безумие. На трибунах еще большее. Пока арбитры смотрели повтор момента, Ярослав принимал поздравления от своих товарищей, но на лице его все еще можно было заметить тревожное ожидание. Наконец, арбитр показал, что гол засчитан.

Несколько минут на перерыв, и снова началась игра. Битва за золото. Два принципиальных противника, и обе стороны не желали отступать ни на шаг. Напряжение не отпускало. Маша пыталась выхватить на экране лицо Ярослава, и когда ей это удалось, показалось, что перед ней был совершенно иной человек: лицо его было решительно и сурово, брови сошлись в одну хмурую линию над жестким взглядом. Он был нацелен на победу любой ценой.

«Ярик, привези мне золото», — Маша вспомнила свои слова в аэропорту, и сердце сжалось. Пусть он это сделает не для нее — для себя, ему это золото важнее.

— Давай, мой хороший, — шептала она в сжатые кулачки снова. И впервые ощущала, как сдавливало горло от тревоги.

Свисток арбитра оповестил о начале овертайма. Рев трибун оглушал даже собственные мысли. Но трибунам не дали даже опомниться: щелк — и шайба от широкого броска Смелого уверенно влетела в ворота соперника. Гол!!! Шлемы и перчатки полетели вверх, клюшки отброшены, а главный виновник победы команды буквально тонул в объятиях команды. Камере удалось лишь на мгновение поймать его ошарашенное счастливое лицо. Это золото! Он принес команде и стране золото в без преувеличения самом любимом, народном виде спорта.

«Поздравляю! Потрясающая игра! Безумно за тебя рада» — короткая смс-ка улетела Ярославу, хотя ее он прочтет еще очень не скоро. Но почему-то хотелось быть первой, кто поздравит его.

Глава 16. (пока без названия)

Победа! Ярослав все еще никак не мог поверить в реальность происходящего, не

осознавал, что его мечта осуществилась. Вокруг огромной «кучей-малой» прыгали и обнимались его товарищи по команде, под ногами сновали журналисты и операторы, а он никак не мог прийти в себя. Эмоции рвались наружу победным криком, хотелось прыгнуть высоко-высоко и оповестить всеми миру, что он теперь чемпион. Они все чемпионы! Это все для тебя, родная страна, для каждого, кто в них верил. Команда проделала колоссальную работу и теперь заслуженно купалась в лучах своего триумфа. Все было так, как и мечтать даже не приходилось... И лишь одно не отпускало: где-то здесь в этом огромном зале была Маша, но он никак не мог отыскать ее среди этого хаоса. Черт, когда он увидел ее на экране, подумал сперва, что показалось, но чья-то брошенная реплика «О, твоя!» уверили в реальности своего видения. «Моя! — подумал он, и едва сдержал рвущуюся улыбку. — Моя». Осознание это растеклось адреналином по телу, обожгло уставшие мышцы, накрепко засело в мыслях. Маша приехала сюда. Приехала к нему на игру. Теперь пусть сколько угодно отпирается, но отрицать очевидное уже нельзя было: их тянуло друг к другу с такой силой, что даже противиться было сложно. Ее появление в аэропорту, подаренный талисман Пулька... Спортсмены вообще очень суеверные люди, талисман для каждого их них — это и есть удача, заключенная в предмет, и расстаться с ним — то же самое, что расстаться с собственной удачей. Зачем Маша отдала ему Пульку? Пожалела? Да черта с два! Она отдала ему самое сокровенное, что только могла. И даже не оскорбилась в ответ на его дерзкий поцелуй на глазах у всех. Ох нет, Льдинка, не отвертеться тебе от разговора. И чем быстрее он состоится, тем лучше.

Празднование продолжилось в раздевалке. Уставшие, мокрые от пота и брызг шампанского, ребята не скрываясь от направленных на них объективов камер репортеров шутили и веселились. Кто-то пил шампанское прямо из горла, кто-то громким нестройным хором пел гимн страны, кто-то пытался в этом балагане еще и давать интервью. Ярослав, обессилев от напряжения этого дня, сел на скамью у своего шкафика и достал телефон. Мама с Алинкой наверняка смотрели матч, возможно, что-то написали ему. Друзья, коллеги... Но первым было сообщение от его Льдинки: «Поздравляю! Потрясающая игра! Безумно за тебя рада».

Наплевав на все, Ярослав тут же набрал ее номер.

— Привет, — тут же услышал он ее тихий робкий голос, словно она только и ждал его звонка. — С победой.

— Спасибо. Ты... Ты сейчас...

— Я здесь, — даже сквозь разделявшее их пространство Яр ощущал, что она улыбалась.

— Хочешь, я организую тебе пропуск? Скоро соберутся все родные, ну там жены, дети...

— Думаю, в их число я не вхожу, — засмеялась Маша. — Ярик, пропуск мне и папа мог организовать.

— Ах да, конечно. Подожди, а почему ты не с ним? Он знает, что ты тут?

— Не хотела напрягать его своим приездом, у него и так работы много. Да и что мне там делать в этой ложе приближенных? Так хоть никто не докучал, мне досталось место среди каких-то китайцев, я так думаю, что мы для них тоже все на одно лицо.

Чистейшим безумием было думать, что Маша приехала сюда только ради него одного, но из разговора выходило именно так.

— Я очень рад, что ты приехала, — наконец, смог произнести Ярослав. — Когда увидел, не поверил сперва, думал, показалось.

— Не показалось.

Она снова улыбнулась — он почувствовал это. Удивительное дело, разве бывает так? Даже маму с Алинкой так не мог читать, как свою Льдинку.

— Нам с тобой нужно поговорить. Когда я тебя увижу?

На другом конце воцарилось молчание, напряженное и тревожное. Ярослав явно застал Машу врасплох, но лично он не хотел уже прежних отношений. Теперь хотелось завоевать другой трофей — сердце королевы льда.

— Мы с тобой и так разговариваем, — Маша старалась свести все к шутливому тону, но дрожащие нотки выдавали ее волнение.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Ярик, не думаю, что здесь есть о чем разговаривать... Давай не будем...

Эээ, нет, Льдинка, будем, еще как будем. И дрожащий голос тому подтверждение. Не было больше смысла отрицать, что их тянуло друг к другу. И сил противиться этому влечению не было ни у кого из них.

За спиной возникли уже порядком захмелевшие от изрядно выпитого шампанского и ощущения победы ребята, громко выкрикивая и свистя.

— Смелый, кончай трепаться!

— Сейчас, — отмахивался от них Яр, но это слабо помогало. — Да сейчас иду. Две минуты.

— Они от тебя не отстанут. Лучше иди.

— Когда мы увидимся?

— Не знаю.

— Это не ответ, Льдинка.

— Ярослав, тебе что, заняться нечем?

Вот, в ее голосе теперь зазвучали знакомые нотки строгости и недовольства, и он невольно рассмеялся.

— Я свое обещание выполнил, а вот тебе еще нужно получить назад свой талисман.

— Просто отдай его папе, — услышал он в ответ предостерегающий тон.

— Нет, только при личной встрече с хозяйкой.

— Ярик!

— Произнеси это еще раз, — улыбнулся он. Ему невероятно нравилось, как это звучало в ее исполнении. Невероятно тепло и как-то непринужденно лично.

— Иди ты, — не то, что он ожидал, но не будь то его Льдинка, которая все еще старалась обжигать холодом. Ярослав лишь громко рассмеялся в ответ. Это сражение ему нравилось куда больше, и отступать он не намерен.

— Жду встречу.

— Больше не буду тебя задерживать. И еще раз с победой. Ты сегодня сотворил чудо для миллионов.

— Иначе и быть не могло, с такими-то талисманами.

От их разговора на душе остались теплые ощущения. И желание встретиться еще только больше укрепилось. А еще вновь ощутить вкус ее губ и легкость ее тела под своими руками.

Потом позвонила мама, которая вопреки своему убеждению не смотреть трансляции игр сына, в этот раз пристально следила, переживала и теперь радовалась его победе. Но что-то в ее голосе настораживало. Какая-то грусть и недосказанность.

— Все хорошо? — в который раз допытывался Ярослав.

— Просто разница во времени, у нас ночь, устала, — отвечала она, словно заезженная пластинка.

Что ж, может и так. Домой приедет, разберется.

А вот Алинкин голос ему совершенно не понравился.

— Алин, что у вас случилось?

— Ярослав, потом приедешь, мы поговорим. А пока у тебя победа, братик! Ты так мечтал об этом.

— Алин! — пришлось даже прикрикнуть, и это сработало.

— Папу увезли в больницу, — осевшим голосом произнесла она после недолгого молчания, так как собиралась с силами сказать брату новость о том, про кого тот и слушать не желал. — Ему требуется срочная операция на сердце. Собираем деньги.

Ярослав стиснул зубы, пальцы сильно сжали трубку. Былая эйфория мигом улетучилась, стоило лишь услышать эту весть. Любое упоминание об отце болью отдавалось в душе — слишком сильно еще болела рана от его ухода. Ярослав думал, что отстранившись, ему станет легче: вроде как теперь они друг другу чужие люди. Но на деле выходило все иначе.

— Ярослав, мне пора бежать, — оборвала его горестные мысли сестра.

— Куда, у вас ночь ведь на дворе...

— Я сейчас в больнице. Мы ждем результаты обследования. Прости, мы не хотели портить тебе твой праздник, — добавила она потом виновато, зная, какие отношения были между братом и отцом.

— А что же эта его?

— Ярослав, — с нескрываемым укором отозвалась Алина.

— Ладно уж, беги.

Ярослав еще долго смотрел на лежащий в ладони телефон, крутя его меж пальцев. Долго собирался с силами, пытаясь унять ноющую боль в груди. Где-то на заднем фоне все еще ликовала команда, но для него все это отошло на второй план. Перед глазами замелькали картинки из детства, их тогда еще счастливая семья, его первые шаги на льду, его первые занятия в школе. Школа хоккея как целое событие. И все это время отец был рядом с ним. До того рокового дня, когда объявил, что уходит. После этого Яр сам воздвиг между ними стену, которую не мог и не хотел пробить сам. А потом все это сменилось воспоминанием одной единственной ночи. Той самой, что он провел в семье Маши. Сколько тепла, сколько любви они готовы были дать ему, по сути, чужому человеку... У них было чему поучиться.

Пальцы быстро стучали по экрану, и спустя пару минут пришло оповещение: «Перевод на сумму 500 000 рублей осуществлен».

А спустя еще пять минут пришло сообщение от Алины: «Спасибо».

Глава 17. Без тебя я бы не смог

Глава 17. Без тебя я бы не смог

Москва встретила холодной ветреной погодой. Чудесная сказка закончилась, нужно было возвращаться к реальности. Маша не стала дожидаться официальной церемонии закрытия Олимпиады, уехала домой одна, пока папа оставался как один из представителей команды. А ей теперь предстояла долгая реабилитационная работа, многочасовые тренировки — все ради того, чтобы вернуться и доказать, что с пропуском Олимпиады ее жизнь не закончилась. Поежившись от подхватившего тяжелый шарф порыва ветра, Маша плотнее закуталась в воротник куртки, натянула теплые варежки и огляделась по сторонам.

Дома! Такое ощущение, будто из яркого кино вернулась в обыденную действительность. Словно и не было тех нескольких дней переживаний. Словно и не было того волнующего разговора. Льдинка. Придумал же прозвище. Вроде бы и холодное, но как все же тепло оно у него звучало. Льдинка... Маша сама не заметила, как губы растянулись в мечтательной улыбке. Ну вот что с ним делать? Вбил себе что-то в голову и шел напролом, упрямец.

Нет уж, хватит думать об этом Смелякове. И так все ее мысли постоянно возвращались к нему. Слишком много чести. И вообще, не об этом думать сейчас нужно было, а о предстоящей работе, если она хотела вернуться в спорт и взять еще не одну высоту. Предстоящий чемпионат мира она пропустит по той же самой причине, что и Олимпиаду, — из-за травмы. На днях ей должны будут снять фиксирующие повязки, наложенные вместо гипса, однако София Марковна отказывалась разрешать ей начать тренировки, так как считала это преждевременным и слишком рискованным. Да она и сама понимала, что добиться хоть какого-нибудь дельного результата сейчас просто не смогла бы, так как травма все еще давала о себе знать.

И все же как приятно возвращаться домой. Пусть и не с соревнований, но окунуться в тепло родных улыбок и объятий — это дорогого стоило. Маша любила эти тесные семейные посиделки, когда все собирались в большом загородном доме кого-нибудь из дедушек с разговорами за накрытым столом. Вот и сейчас она сидела на утепленной зимней веранде, укрытая пледом, с чашкой ароматнейшего чая в руках, рядом с мамой, мечтательно, как в детстве, глядя на яркие звезды на небе.

— Ты сегодня какая-то тихая, дочь. Расстроилась, что не смогла выступить?

— Нет. Вовсе нет. Наверно, я уже смогла успокоиться.

— Тогда что же тебя тревожит?

— Не знаю, как это объяснить, — Маша придвинулась ближе и положила голову на материнское плечо, ощущая тепло ее объятий.

— Ну а ты попробайся. Выскажи все, что накопилось, вдруг и сама решение в своих словах найдешь. Это как-то связано с тем парнем? Ярославом?

— Мама! — Маша встрепенулась и с укором посмотрела на нее. — Ну вот с чего ты взяла?

— Хочешь сказать, ты просто так поехала в чужую страну аккурат на игры сборной по хоккею, да?

— Я ездила своих поддержать, — упрямо продолжила отрицать она.

— Только что-то тебя все больше на трибунах во время хоккейных матчей показывали.

— Да ладно? — предательский румянец теплом разлился по щекам.

— Ой, глупышка ты моя, — мама крепче прижала ее к себе, и Маша была только рада, что лицо теперь спряталось от ее пытливого взора. Мама, казалось, понимала куда лучше ее самой, что с ней творилось.

— Mam, у него моя Пулька, — протянула Маша.

— Даже так? И что же Ярослав?

— Сказал, что нам нужно увидеться и поговорить.

— А ты, конечно же, боишься.

— И ничего я не боюсь, — тут же вскинулась девушка. — Я не знаю, о чем разговаривать. Он сделал из моего появления на матче какие-то свои выводы и теперь...

— Хочет выяснить, так ли это на самом деле, — мама продолжила вслух то, о чем Маша предпочла умолчать.

— Глупости какие, — буркнула Маша. Ну не признаваться же в том, что ей и самой казалось, что так. О каких отношениях между ними можно было вообще говорить, когда он в вечных разъездах по континенту, она по всему миру. Им и пересечься-то некогда будет. Такие отношения изначально обречены на крах.

— Ну, глупости, не глупости, но, по-моему, он разумно поступает. Лучше все сразу выяснить, чтобы потом не страдать от недосказанностей. Уж поверь мне, дорогая, мы с папой этот урок уже прошли, и он нам ох как дорого обошелся.

Когда мама ушла в дом, Маша еще осталась сидеть под пледом, поджав под себя здоровую ногу, осмысливая небольшой, но такой важный разговор. Сказать по правде, она очень боялась встречи с Ярославом. Боялась своей реакции на него, так как не знала, чего ожидать от себя.

На следующий день после возвращения Маше предстоял визит к доктору, к ее радости, должны были снять «тиски». Первые шаги без повязок и гипса были хоть и трудными, но волшебными. Хотелось парить, танцевать, и только осознание, что это вредно для еще неокрепших связок и мышц, останавливало. Маша даже в шутку сравнила себя со знаменитой сказочной Русалочкой, которая радовалась первым своим шагам невзирая на острую боль.

После долгой беседы с лечащим врачом о дальнейшем восстановлении, Маша вышла в коридор и выдохнула. Да, работы предстояло много. Но уже сейчас ее тревожила периодически ноющая боль в колене. Возможно это были последствия операции — не хотелось думать, что так будет всегда и это перечеркнет все ее планы на спортивное будущее.

В большом воодушевлении она, чуть прихрамывая и иногда морщась от ноющей боли в ноге, последовала вниз, предвкушая, как вскоре начнет свои тренировки. Хотя ей было и страшно, но в то же время душа рвалась на лед. Но улыбка и хорошее настроение тут же исчезли, едва только Маша увидела одинокую фигуру, отрешенно сидевшую на скамье у окна, закрыв руками опущенную голову.

— Ярослав? — произнесла она неуверенно, все еще сомневаясь в правильности своего решения подойти. — Ты разве не должен только сегодня вернуться со сборной?

Ярослав словно очнулся и непонимающе уставился на нее. Узнавание медленно отразилось в его глазах, и лед в них приобрел теплый оттенок.

— У меня отец в реанимации здесь. Спасибо Станиславу Игоревичу, он помог его в эту больницу на операцию определить.

Маша осторожно опустилась рядом с ним и совершенно неосознанным жестом взяла за руку. Это было впервые за все время их знакомства, но теперь казалось таким естественным, таким правильным. Этот смелый задира сейчас нуждался в поддержке как никогда, и она отчетливо это осознавала.

— Что-то серьезное?

— Сердце. Ему стало плохо после трансляции матча. Перенервничал. Сердце не выдержало, старые болячки дали о себе знать.

Маша понимающе кивнула. Между ними снова воцарилось неловкое молчание.

— Почему ты здесь, возле выхода? Словно ищешь предлог сбежать.

Ну вот, получилось, будто снова хотела его уколоть. Только Ярослав совсем не разозлился, напротив, он только сжал ее ладонь крепче, словно боясь ее исчезновения.

— У нас с отцом в последние годы были плохие отношения. Точнее, их вообще не было.

— Я знаю, — прошептала Маша, подбадривая его. — Папа мне рассказывал. Но все

равно сейчас ты здесь... Так отчего же не поднимешься?

— Там наверху мама. Его новая жена. Они день и ночь дежурят у палаты. А я... — Он тяжело вздохнул и устало провел рукой по волосам. — Наверно, это кажется совсем эгоистично с моей стороны: отец меня выучил, продвинул в спорте, а я — такой неблагодарный — даже знать с ним не хотел, даже в палату к нему не поднялся ни разу. Зазнался.

— Но ведь у тебя была какая-то причина, — Маша участливо смотрела на этого нового открывшегося ей Ярослава. Совершенно потерянный, сокрушенный, это был не тот олимпийский чемпион, который несколько дней назад радовался под прицелами фото и видеокамер со всего мира, а потом пытался выбить у нее обещание встретиться. Сейчас перед ней сидел Ярослав, которого не знал, быть может, даже он сам.

Он поднял к ней озадаченный взгляд.

— Мои родители развелись, когда мне было семь. Сестре и того меньше. Он встретил другую женщину. Они и сейчас вместе, у них полноценная семья, дети...

— А ты не смог ему простить, — Маша даже не спрашивала, а просто констатировала.

— Я не мог простить ему слез матери и ее попытки поднять нас с сестрой, несмотря на то, что он платил за наши секции, обучение, одежду... Наверно, мне не хватало его самого.

— Ты был ребенком, а каждый ребенок хочет иметь и маму, и папу.

— Знаешь, я долго не мог объяснить себе, почему у одних детей есть все, а у других даже крохи нет. Почему его новые дети растут в полноценной семье, а мы должны довольствоваться редкими встречами. Почему они видят каждый день счастливые лица родителей, в то время как мы с сестрой как могли заполняли разбившийся мир матери. Ведь это же несправедливо.

— Есть дети, которые и этого не знают, — тихим, едва слышимым шепотом произнесла Маша. Слова давались ей тяжело, так как старые детские воспоминания откуда-то встрепенулись, поднялись белым пеплом. Ей вспомнилась та маленькая Маша, что осталась совершенно одна в огромном чужом мире, без поддержки родных, тех, кто был проводником во взрослую жизнь. Вспомнилось то отчаяние, когда новые родители отказались от нее и ей пришлось вновь вернуться в холодный и чужой детский дом. А потом как луч света среди тьмы появилась мама... Мама Эля. — Ты должен быть благодарен своей маме за то, что она свою нерастраченную любовь как могла отдавала вам.

Их молчание не могло разбить даже беспокойное движение вокруг. Люди сновали туда-сюда, куда-то спеша, рассматривая на ходу какие-то бумаги или пытаясь куда-то позвониться. Суэта, самая обычная для любой больницы, но их она не тревожила, наоборот, даже больше сближала.

— Теперь я знаю, в кого ты такая, — мягко улыбнулся Яр, и Маше показалось, что он с огромным трудом подавил в себе желание дотронуться до нее. И неожиданно поймала себя на мысли, что сама ждала этого прикосновения, а теперь даже расстроилась.

— Такая? В кого же?

— Ты так похожа на свою маму... С ней невероятно легко. И с тобой так же. С тобой я чувствую себя настоящим. Не нужно притворяться, быть лучше, что-то доказывать.

Маша смущенно опустила глаза, посмотрела на их сцепленные руки, а потом сделала то, чего не ожидала от себя — просто прижалась поближе и положила поверх его плеча голову. Ярослав не отстранился, не дернулся, словно этот жест был самым привычным для него на свете. Маша не видела, но готова была поклясться, что ощутила теплое дыхание его поверх

своей макушки. Поцеловал?

— Я приемный ребенок в семье, — тихо констатировала она.

— Что? — Взгляд, полный удивления, обратился к ней, смущая и вгоняя в краску.

— Меня удочерили. Взяли из детского дома. И твои слова о том, что я похожа на маму... Поверь, они для меня дороже всего на свете.

Они оба пораженно молчали, осознавая ту степень откровения, с которой доверились друг другу несколько минут назад. Ни один из них еще не был столь открыт с кем-либо посторонним. Никому больше они не озвучивали свои переживания. И эта сокровенность тянула их друг к другу, ломая предубеждения и предвзятость. Они никуда не спешили, просто сидели вдвоем. Тихо обдумывая услышанное. И заново открывая для себя друг друга.

— Маш, что ты здесь делала сегодня? — Ей показалось, или в его голосе слышалось волнение?

— Мне сегодня сняли повязки и гипс, — она демонстративно вытянула ногу вперед, для наглядности повертев стопой.

— Это хорошо. Только не переусердствуй. Тебе сейчас вредны нагрузки. Даже долгие прогулки.

— Я постараюсь.

Черт возьми, ей была так приятна его забота. Маша зажмурилась и выдохнула, постаравшись собраться с мыслями. Чувствовать его рядом с собой, иметь возможность вот так просто прикоснуться, прижаться, положить голову на его крепкое плечо и разговаривать обо всем, что волновало, что было важно... Ей это нравилось. Как он сказал? Не нужно притворяться, быть нужным, что-то доказывать? Быть настоящим! Да, с ним она тоже ощущала себя настоящей. С ним ей не хотелось соответствовать заданным маркам, держать планку, чтобы заслужить одобрение или симпатию. Рядом с ним она просто позволяла себе расслабиться и действовать так, как хотелось душе.

— Маш, — тихо позвал Ярослав, но ладонь его при этом крепче сжала ее руку, словно ища поддержки.

— Ммм, — отозвалась она, не желая разрушить хрупкое единение меж ними.

— Можно я попрошу тебя об одолжении?

— Можно, — ее губы тронула легкая улыбка.

— Я хочу, чтобы ты была там со мной.

Маша почувствовала, как сильно теперь его рука сжимала ее ладонь — Ярослав очень нервничал.

— Где?

— В отделении реабилитации.

Они оба, не стовариваясь, повернулись друг к другу, и Маша едва не задохнулась от той мольбы, что читалась в его глазах. Как же ему сейчас было трудно принять верное решение и остаться в ладу с самим собой. В этот самый момент этот бесстрашный игрок, которого все без исключения звали Смелым, боролся со своими страхами, решаясь сделать ответственный шаг. Но он и был смелым. Он наконец-то рискнул встретиться с теми демонами, что с детства терзали его израненную душу, и если ему нужна поддержка... она обязательно ему поможет. Кому как не ей знать, как важно, когда в тебя верят. Она тепло улыбнулась ему, и Ярослав понял все без слов.

Хоть Смеляков и переживал, его шаги были уверенными и твердыми. Он крепко держал Машу за руку, но все же постоянно оглядывался на нее, ища поддержки. И каждый раз она

гладила большим пальцем его ладонь, подбадривая, и мягко улыбалась. Она рядом.

В холле возле палаты на скамейках напротив друг друга сидели две женщины. Они не разговаривали, даже не смотрели друг на друга, но Маша сразу же поняла, кем они были: мама Ярослава и новая жена его отца. Едва только молодые люди вошли в холл, они обе повернулись к ним. Ярослав запнулся и сбавил шаг. Сомневался. Маша крепче сжала его ладонь, прижалась всем телом к его руке и свободной рукой прикоснулась к его плечу, желая успокоить, но напряжение никуда не пропало, напротив, он весь подобрался, словно задеревенел.

— Все хорошо? — тихо спросила Маша, не на шутку перепугавшись за него.

— Да. Да. — Ярослав свободной рукой накрыл ее пальцы, легко гладившие тонкий свитер на плече. — Да. Все в порядке.

Его мама поднялась со своего места, торопливо подошла к ним и, заключив сына в объятия, заплакала. Присутствовать при этом Маше было крайне неловко, и она, осторожно освободив руку, отошла в сторону, чтобы не мешать. Нога сильно заныла — должно быть, Ярик был прав, ей нужно было отдыхать, поэтому девушка опустила на свободное место, где еще недавно сидела его мама. Не вслушиваясь в тихую беседу сына и матери, она украдкой смотрела на ту женщину, ради которой Смеляков-старший ушел из первой семьи. Самая обычная женщина, не красотка модельной внешности, не сказать, что в большом достатке выросла и продолжала жить. Ярослав, конечно, был к ней предвзят, учитывая тот факт, что даже его мама сносила присутствие разлучницы в одном коридоре. Что ж, время рассудит, решила она про себя.

Когда Ярик подошел в сопровождении мамы, женщина напротив поднялась.

— Ярослав, — начала она и замолчала, не решаясь продолжить. Ярослав же молчал, как-то отрешенно глядя на нее. Она была ему не интересна, Маша поняла это по его пустому равнодушному взгляду. Так смотрят на любого незнакомого прохожего. Женщина собралась с духом и тихо произнесла лишь одно. — Спасибо. То, что ты сделал... Этого хватит и на операцию, и на дальнейшее лечение. Мы обязательно все вернем...

— Я не для вас это сделал, — холодно оборвал он ее, равнодушно наблюдая, как она осаживается, и давая понять, что ее благодарность ему ни к чему и знать ее он по-прежнему не желал. Но то, что он не озвучил, Маша поняла без слов: его поступок был сделан именно для отца. Потому что все еще любил его.

— Нас еще не пускают к нему, — сокрушенно произнесла мама. — Пока так сидим здесь и ждем новостей.

В полном молчании Ярослав опустился на скамейку рядом с Машей. Понурый задумчивый, и ей так захотелось протянуть руку, поделиться своей силой с ним. Пальцы нерешительно дотронулись до его холодной ладони. Переживал. Ярик чуть повернул голову к ней, и глаза его потеплели.

— Ты никуда не торопишься? — А взгляд так и молил: «не оставляй».

— Нет. — Осознавала ли она, как тонко, как участливо прозвучало это, с какой нежностью? Но от Ярослава эти интонации не укрылись, и он по-прежнему крепко сжимал ее тонкие пальчики ладонью, словно только ее поддержка и держала его в относительном спокойствии.

Потом Ярослав отвезет ее домой, и вся их дорога пройдет в полном задумчивом молчании. И лишь возле ее подъезда он словно очнется, протянет ее руку к своим губам и нежно поцелует дрожащие пальцы.

— Спасибо тебе. Без тебя я бы не смог...

Глава 18. Так что же изменилось?

Глава 18. Так что же изменилось?

Дверь подъезда уже давно закрылась, а Ярослав все еще смотрел вслед ушедшей Маше. Он и сам не мог понять, что же произошло в этот день, но это без сомнения перевернуло его мир и ощущения. Когда он озвучил ей свое желание встретиться, предполагал совершенно иное: свидание, прогулка — да что угодно, чтобы пообщаться и понять, что же между ними происходит, к такой встрече он бы подготовился.

Но мы предполагаем, а судьба располагает — вот уж поистине верно. К появлению Маши в больнице он не был готов. А чего и вовсе не ожидал, так ее участия, поддержки и той доверительности, с которой она поведала ему о себе, своей семье. Его Лыдинка-колючка оказалась совершенно не такой, какой пыталась быть с ним на протяжении всего их знакомства. Ярослав улыбнулся собственным мыслям, когда в очередной раз вспомнил сегодняшний день. Он никак не мог решиться подняться наверх, хотя и знал, что должен был сделать это. Мама не давила на него, предоставив свободу выбора, а он этот выбор никак не мог сделать. В нем продолжали бороться чувство долга и обида. Хотя... Кого он обманывал? Едва только узнал о случившемся, сразу же собрался обратно в Москву, даже оставил триумфальное шествие в рядах команды на церемонии закрытия. Ему тогда это казалось совершенно неважным. Важно было успеть домой, увидеть отца. Потому что боялся худшего. После звонка Алины перевел деньги не раздумывая. Все, что накопил на первоначальный взнос на собственную квартиру, без тени сомнения пустил на лечение отца, хоть даже и не знал, какая сумма требовалась. А эта женщина — его новая жена — еще что-то там твердила о возврате долга... Да ему все равно было, что она там подумала. Что и как хотела вернуть... Ему отца хотелось вернуть. Своего отца. Как подумал, что больше никогда его не увидит, сразу в голове что-то переключилось. Столько всего промелькнуло перед глазами.

В пустую темную квартиру вернулся в совершеннейшем опустошении. Но, вопреки собственным ожиданиям, хотелось сесть и обдумать в одиночестве все произошедшее за день. Звук входящего сообщения на телефоне заставил его горестно вздохнуть — мама.

«Девушка, с которой ты сегодня был, — это она?» — далее ссылка на статью об отъезде сборной и фотография с тем самым поцелуем. Ярослав буквально завис, разглядывая их с Машей. Легкий поцелуй, но сколько в себе тайл! Губы вновь стало покалывать от воскресших ощущений теплого прикосновения, вновь захотелось прижать ее к себе и не отпускать, ощущать ее рядом с собой, чтобы упиваться этим блаженством.

«Мам, к чему этот вопрос?»

Нужно было знать его маму — она тут же перезвонила. Однако из двух щекотливых тяжелых тем выбрала все же самую нежеланную.

— Я знаю, как тяжело тебе далось это решение, — начала она осторожно, — но все же ты молодец. Я тобой горжусь, сынок.

— Мам, не надо.

— Не знаю, изменит ли это отношения между вами или нет, но, без преувеличения, твоя помощь очень помогла отцу. Ему сделали серьезную операцию на сердце, теперь предстоит долгий курс реабилитации. А еще лекарства... Мы не смогли сразу набрать нужную сумму. Времени было мало, а операция требовалась прямо вот-вот.

— Почему мне сразу не сказала по телефону? — разозлился Яр, понимая, что счет был на минуты, а мать так и не решилась сказать ему лично, попросить о помощи.

— Не смогла. Знала, какие у вас отношения и...

— Вы уж из меня совсем монстра не делайте, — обреченно выдохнул Яр, прикрыв глаза руками и понимая, что все это время выглядел именно так. Неблагодарным эгоистом. — Да какими бы они ни были, ты должна была мне сообщить. А если бы и Алинка мне не рассказала? Если бы не успели?

В тишине он явственно расслышал тихие всхлипывания. Плакала. Мама плакала, признавая свою ошибку. Но и он тоже как никогда отчетливо видел свою вину перед отцом. За все эти годы. Они многое задолжали друг другу, и если бы они не успели, уже никогда не смогли бы наверстать упущенного.

— Как он?

— Еще пока не пришел в себя. Первые три дня самые важные, ему требуется постоянное наблюдение.

— Все будет хорошо, мам.

— Конечно же будет, — снова всхлинула она, а Ярославу подумалось, были ли еще живы ее прежние чувства к отцу или это просто умело сохраненные хорошие отношения. — Он ведь всю игру за тебя болел. Переживал. Даже скорую не хотел вызывать, чтобы досмотреть, увидеть твою победу. Нисколько не сомневался в этом.

Ярослав промолчал. Каждое слово нещадно било по стыду и самолюбию.

— Ты мне так и не сказал. Та девочка... — Яр даже был благодарен, что мама сменила тему, пусть выбрала другую, не менее трудную для него.

— Мама, ее зовут Маша. И да, это та самая девочка, с которой ты видела меня на фото. Да, она приезжала поддержать меня на игры. Да, именно она была сегодня со мной, хоть я ужасно этого не заслуживаю, но за что ей очень благодарен. Пожалуй, это все, что можно рассказать о наших с ней натянутых отношениях.

Ярослав поставил телефон на громкий режим, открыл галерею и нашел сохраненное фото с рекламной сессии. «Хорошая фотография», — подумалось ему. Их поцелуй. Не первый, но уже не такой холодный. И даже не украденный. Как же различались два их поцелуя. Тот первый был дерзким, неожиданным, и хоть Маша была почти спиной к камере, вся ее поза, предельная собранность и натянутость говорили, насколько неожиданно для нее все произошедшее. И ту звонкую пощечину Яр все еще помнил. Даже усмехнулся сейчас, когда проворачивал в памяти все эти события. Так что же изменилось? Какого дьявола его так тянуло к ней и так хотелось повторения второго поцелуя, более сдержанного, но такого теплого?

— У вас с ней все серьезно? — вернул его в действительность голос мамы.

— Мама, — раздосадовано простонал он. Ох уж эта родительская опека и любопытство.

— Ты ни разу не говорил нам о ней. А потом мы видим ваши фотографии, статьи. Вы вдвоем в аэропорту, не стесняясь нацеленных на вас камер, она приезжает к тебе на игры. И в довершении ко всему вместе с тобой появляется в больнице. Да она руку твою просто не отпускала, держала так крепко, подбадривала. Я ведь знаю, что ты с самого утра был в больнице, только не поднимался...

— Давай закроем эту тему. Потому что нечего тут обсуждать. Не-че-го. От слова «ничего».

— Скажи мне только одно. Без нее ты бы поднялся в реанимацию?

Ярослав молчал. Сегодня он все уже сказал Маше: «Без тебя я бы не смог». Признался не ей — самому себе. Его появление в дверях больницы уже было сродни поступку, но

сделать шаг дальше не хватало смелости. Он уже готов был броситься прочь, когда рядом с ним возникла Льдинка. Вот уж, поистине, за столь короткое время она стала его ангелом-хранителем, сумевшим помочь преодолеть собственную нерешительность. Когда он смотрел на нее, невольно вспоминалась та теплая новогодняя ночь в чужой незнакомой семье, в которой он ощутил себя дома, впервые за долгое время. Как же ему этого не хватало. И тем удивительнее было услышать от Маши, что эта семья была ей не родной. Люди, сумевшие взять чужого ребенка, полюбить и щедро одарить своей любовью, сумевшие подарить чувство единения и веры в себя и в людей! А он? Что сделал он сам ради того, чтобы и в его семье поселилась любовь и доверие? Быть может, настало время сделать первый шаг к этому, а не прятаться в темноте своих детских обид в ожидании солнца? Его солнце уже рядом — его маленькая Льдинка, с появлением которой все привычные вещи вдруг стали совершенно иными. Пусть это будет слишком эгоистично с его стороны, пусть покажется слабостью, но он хотел чувствовать ее рядом с собой, когда придет к отцу. В ее присутствии он черпал некую энергию, дававшую уверенность в своих действиях. Попросил несмело, а она согласилась. Молча провела с ним долгие часы пустого ожидания, удерживая его руку, словно понимала, насколько тяжело и все-таки важно для него было находиться здесь. Не задавала никаких вопросов ни в больнице, ни в машине по пути домой. Маша вела себя предельно тактично, даже как-то слишком тихо, хотя, возможно, это он сам слишком ушел в свои тяжелые раздумья, а она из вежливости не решалась потревожить его. Но что-то происходило и с ней самой — ну не могло же ему показаться. И ее дрожащие пальцы под его губами самое верное тому подтверждение.

— Без нее я бы вообще ушел, мам.

Ночь выдалась бессонной. Все какие-то мысли, воспоминания тревожили. Ярослав до самого утра глотал горький кофе, хотя душа требовала чего-то намного крепче. Нет, так дело не пойдет, решил он, нужно было заканчивать с самобичеванием. Холодный бодрящий душ привел мысли в порядок, после чего очередная доза крепкого кофе показалась даже приятней, не такой горькой. Оставался лишь один способ занять себя и не дать воспоминаниям и совести свести себя с ума. Упорные тренировки целый день, спортзал, массаж, потом снова тренировка на льду. Работа помогала забыть. Но снова возвращался вечер, а за ним и отчаяние. Бессмысленно промотавшись по городу, Яр позвонил матери, чтобы услышать, что пока все стабильно, но отец уже пришел в себя, хотя по большей части времени все еще спал из-за действия обезболивающих препаратов. Ужасно хотелось позвонить Льдинке и хоть ненадолго услышать ее голос, забыть в их шуточных перепалках, а может и просто поделиться тем, что беспокоило. Но на часах было уже начало одиннадцатого — не самое лучшее время для излияния своих тревог. Что ж, тогда снова физический труд, чтобы дома свалиться от усталости и забыться крепким сном.

Один единственный работавший прожектор неярко освещал только лишь пустую арену, оставляя трибуны в темноте. Ярослав не стал переодеваться, просто сел на свободное место в первом ряду, положив рядом с собой вещи и не спеша сменить ботинки на коньки. В столь позднее время никто его не потревожит, да и он никому не помешает. На лед он не торопился, просто сидел и предавался пустым мыслям, словно уходя в пустоту небытия. Самое ужасное состояние, когда невозможно ничего сделать и приходилось только ждать. Смеляков огляделся по сторонам. Может, зря он сюда приехал, зря позволял унынию взять над собой верх? Зря терял время, вместо того, чтобы постараться отдохнуть и подготовиться к важным официальным мероприятиям, которые должны были последовать после

возвращения сборной домой? Вопросы, снова одни вопросы, на которые он не мог дать сам себе ответов.

Негромко хлопнула дверь, и Яр невольно напрягся. Он сидел далеко от освещенного прохода, и разглядеть его в этой темноте вряд ли можно было. Зато ему было очень хорошо видно и проход, и позднего гостя. Эхо разносило по залу неспешные шаги. И лишь только у самого бортика все затихло. Ярослав, затаив дыхание, наблюдал. Маленькая хрупкая фигурка робко стояла у самой кромки льда, но никак не решалась на последующий шаг: то ли отступить, то ли взойти. Казалось, она боролась сама с собой, не решаясь принять важное для себя решение. Черная грациозная пантера с белыми коньками в безвольно опущенных руках. Только вот медлительность ее была совсем не от предвкушения танца, а, наоборот, от нерешительности.

Оставаться и дальше на своем месте стало просто невозможно. Ярослав осторожно поднялся. Несколько тихих шагов — и он уже стоял вплотную, имея возможность дотянуться и окунуться в аромат легкого цветочного аромата.

— Ах, — Маша от неожиданности отпрыгнула в сторону, напрягшись, но едва разглядела нарушителя своего спокойствия, выдохнула. — Боже, как ты меня напугал. Никогда больше так не делай.

Прежний Смеляков бы обязательно взял это на вооружение, но теперь... теперь ему хотелось крепко прижать к себе эту девочку и успокоить, дать понять, что с ним ей ничего не должно быть страшно.

— Извини, — только и смог произнести он виновато. — Я думал, ты меня слышала. Уже так поздно, что ты здесь делаешь? Тебе же нельзя еще на лед, слишком рано.

— Сама не знаю, — с печальной улыбкой ответила она, рассеянно указывая на свои коньки. — Думала, немного потренируюсь... Хотя бы просто встану на коньки. Но...

— Но? — спросил Яр, видя, как колеблется Маша.

— Боюсь, — прошептала она. — Представляешь, боюсь. После этой травмы... Смотрела на выступления девочек на Олимпиаде, и понимала, что больше не смогу так.

— Глупости какие, — Ярослав даже нахмурился, сердясь за эти речи. — Бережная вон после какой травмы вернулась.

— У Бережной вон какой партнер был рядом. А я даже на лед боюсь встать.

— Я рядом. — Яр протянул ей руку, и пока Маша решалась, он терпеливо держал протянутую ладонь и смотрел ей прямо в глаза. Возьмет или нет, согласится ли на его поддержку? И не сдержал улыбку, когда холодные от волнения пальцы коснулись его ладони.

Глава 19. Кто такая лабэндка?

— Ну же, давай. Не бойся.

Маша вновь ощутила себя маленькой девочкой, которую впервые в жизни привели на каток и поставили на лед. Ей было и страшно, и волнительно. Казалось бы, чемпионка — но после сложной операции и пропущенного сезона наверстать упущенное будет очень трудно. Ярослав ждал ее на льду, протягивая руку.

— Трусиска! — смеялся он с вызовом, и в этот раз она не могла оставить этот выпад без ответа. И ничего не трусиска! Вот еще! Смело ступив на лед, оттолкнулась и выпорхнула на середину арены, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Ну как? — Ярослав тут же оказался рядом, даже немного пригнулся, чтобы видеть ее лицо.

— Нормально.

— Ну смотри. Если будет болеть, не терпи, сразу же уходи со льда. Не хватало только осложнений. Хотя я бы тебе вообще запретил некоторое время выходить кататься. Рановато еще после снятия гипса.

— Ярик, я не маленькая, травмы для меня не впервые.

— Не сломай себя, — серьезно проговорил он, хмурясь, и Маша невольно улыбнулась. Ей даже захотелось приблизиться к нему и разгладить пальцами эти складки, залегшие меж бровями и вновь увидеть прежнего задиру, ставшего за недолгое время ей очень близким.

— Не дождешься! — дерзко улыбнулась Маша и бросилась прочь.

Она любила скорость, любила ощущение встречного ветра, мелькание ярких огней. Любила лед в конце концов. Лед был ее жизнью. Без него она уже и не мыслила себя. Как же она соскучилась по этим ощущениям! Страх отступил, стоило только сделать первый круг. А со вторым появился азарт, скорость.

— Помедленней, — услышала она рядом с собой голос Ярослава. Он сопровождал ее все это время, и Маше была приятна такая его поддержка и забота. Мог ведь просто остаться в стороне и наблюдать. — Ты так себя загоняешь только.

Но разве она рисковала? Вся ее жизнь была риском, чередой бесконечных тренировок и травм ради дня триумфа, а потом снова риск, работа до изнурения. Маша с упоением раскатывалась на льду, избегая прыжков и сложных элементов. Она словно заново знакомилась со льдом, но при этом завоевывала его, приручала. И все это время Ярик был с ней. Не пытался задеть ее, самоутвердиться, подтрунить — нет, все это куда-то пропало вместе с прежним Смеляковым. Нынешний был иной. Он раскрылся пред ней с той неожиданной стороны, когда прежние беспечность и наглость уступали место силе характера и прятавшемуся до этих пор благородству и щедрости души. Маша еще не достаточно хорошо знала этого парня, но с каждым днем ее тянуло к нему все сильнее, с каждым днем она открывала для себя в нем что-то новое, притягательное. Ей нравилась эта его забота о ней, нравилось его присутствие рядом. Она, словно кошка, нежилась в его внимании, и ужасно хотелось его прикосновений.

Первое падение подействовало на нее отрезвляюще. Задумалась, засмотрелась, отвлеклась, за что и поплатилась. Но Маша не торопилась подниматься.

— Ты как? — Ярослав тут же оказался рядом, сел прямо перед ней на колени, и Маша просто задохнулась, едва только посмотрела на него и окунулась в полное тревоги и заботы взгляд. — Говорил же, поосторожней.

— Ярик! — только и смогла выдавить она из себя, зажмурившись от внезапно охватившей ее радости. И от того, что снова могла твердо стоять на льду, и от присутствия Ярослава рядом. А потом просто легла на лед, распластав руки в стороны. — Я вернулась. Ты даже не представляешь, какой же это кайф.

— Ну отчего же, — фыркнул он тут же, устраиваясь на льду рядом с ней. Оба в молчании смотрели куда-то вверх, каждый думал о своем, вот только не подозревали, что мысли эти все время были рядом друг с другом, друг о друге. Странное дело, им даже молчать было комфортно друг с другом.

Маша и не заметила сама, как ее ладонь оказалась в руке Ярослава. Непринужденный жест, значивший слишком многое, слишком личное. Ей было хорошо с ним. Подумать только, она и он! Вместе, на льду, почти что ночью, когда никто не мог их потревожить. Наверно и Ярослав не верил во все происходящее, так как в его взгляде, обращенном сейчас

к ней, читалось изумление.

— Вечером завтра, на этом же месте. Придешь?

Маша улыбнулась. Какой знакомый вопрос. Только сейчас она, не раздумывая, ответила:

— Приду.

Ярослав снова подвез ее до дома, и в этот раз Маша могла поклясться, что видела в его глазах борьбу с желанием поцеловать на прощание, но даже если б он проиграл своему «я», она сама не была к этому готова. В последнее время в их отношениях все слишком стремительно менялось, и это ее пугало. Ей нужно было время, чтобы разобраться в самой себе, понять, нужно ли все это ей.

На другой и последующие два дня они неизменно виделись. Ярослав приезжал к ней на лед, уставший после своих тренировок, но с поразительно позитивным настроением. И в эти минуты больше не было никого. Только он и она, даже музыка им не мешала. И уж тут Яр не смог отказать себе в удовольствии подразнить ее, вызывая на шуточную дуэль. Смеляков нарочно провоцировал, и, надо отдать должное самой Маше, она соглашалась на его правила игры, хитро сощурился глаза и предостерегающе улыбаясь, мол, не стоило списывать ее со счетов. Они разгонялись и неслись наперегонки, потом делали робкие попытки подрезать друг друга. Маша оказывалась ловчее. Ее миниатюрность и профессиональные навыки позволяли совершать немислимые кульбиты прямо на ходу, а сам Ярослав при этом казался неповоротливым тюленем на суше. Зато в вопросе скорости перевес был на его стороне.

— Слушай, а кто такая лабэндка? — поинтересовалась Маша, когда они сидели на лавке, вытянув уставшие ноги вперед и не имея сил даже переобуться.

— Что? — брови Ярослава взметнулись вверх от столь неожиданного вопроса.

— Лабэндка. Ты меня так назвал при нашей первой встрече.

Ярослав откинулся назад и рассмеялся, звонко и заразительно, так, что даже Маша поддалась этому веселью.

— Мой дед по материнской линии был наполовину поляком, поэтому в их семье часто присутствовали всякие такие словечки... Ну производные и обрусевшие. Уж я не знаю, что это обозначает на самом деле, но моя бабушка всегда так называла танцовщиц и балерин.

— О! — вновь рассмеялась Маша. — Значит, я должна воспринимать это как комплимент! Хотя в твоём исполнении звучало как ругательство.

— Ну ты недалеко от истины. Для дедов моих лабэндка — это вертихвостка и прожигательница жизни.

— Ну, спасибо! — шутливо насупилась Маша.

— Не злись, Лыдинка. — Яр взял ее руку в свою и поднес к губам. — Я беру свои слова обратно. Теперь-то я знаю, какой титанический труд это ваше фигурное катание.

— Лыдинка, — мечтательно улыбнулась Маша, вновь услышав знакомое обращение. — Вроде бы и холодное слово... А у тебя так тепло получается. Почему?

Ярослав только лишь пожал плечами, опустив их руки, но не разжимая ладоней, и их пальцы были все еще переплетены.

— Как ты пришла в спорт? — сменил он щекотливую тему.

— Да совершенно неожиданно для себя. И для всех, — Маша не могла не рассмеяться, вспомнив, как заявила семье о своем решении стать фигуристкой. — Увидела выступление на каком-то ледовом шоу-спектакле, и дома заявила, что стану такой же чемпионкой. Взрослые головами покивали, подумали, что вскоре ребенок передумает. А ребенок не

передумал. А потом была школа фигурного катания. Знаешь, я как сейчас помню, как мы с мамой шли на первое занятие. Было тепло. И впервые каток показался мне местом, где создается волшебство. Это потом были первые неумелые попытки прыжков, вращений, преодоление себя. Забавно вспомнить, смотришь свои видеозаписи и видишь на первых кадрах черепаху на льду. А тогда по ощущениям это было полетом, вихрем. А если повезло поймать момент, когда на катке почти никого не было, можно было разогнаться до скорости света. Ну, так тогда казалось. А выступления! По телевизору каждое выступление фигуристов мне казалось просто фантастикой в плане мастерства и зрелищности. То, что они делали... Это же волшебство какое-то. Хотя я и сейчас думаю так же. И я старалась, мне нужно было встать с ними на одну ступень, а то и на одну выше. У меня всегда была цель, и я к ней долго и упорно шла.

— А почему одиночное катание?

— Потому что ужасно боюсь поддержек, — призналась она. — Так как я с детства была очень миниатюрной, меня попробовали поставить в пару, но при первой же отработке вертикальной поддержки мой партнер меня не удержал. Падать было не высоко, но очень больно. С тех самых пор я подсознательно боюсь. Не доверяю. Тренер пробовала поменять партнера, но и с новым я не смогла преодолеть свой страх. Так что одиночное катание. Хотя я до сих пор смотрю на парное катание как на прекрасную сказку. В этом есть что-то нереальное. Не просто танец, а взаимопонимание, синхронность, доверие.

— Удивительно. Моя история банальна: папа был детским тренером, поэтому даже и вопросов не было, куда же девать меня, чтобы укротить всю мою неумную энергию. — Ярослав натянуто улыбнулся, затронув болезненные воспоминания. Он чуть наклонился вперед, чтобы лучше видеть собеседницу. — Теперь, немного зная о твоей семье, мне еще удивительнее слушать тебя. Тебе повезло. Не каждому детдомовцу в жизни дается такой шанс.

— Знаешь, я с детства все время стараюсь, куда-то стремлюсь, ищу себе какие-то высокие цели, чтобы доказать... Мне всего-то восемнадцать... А я так устала. Устала доказывать... Устала задавать планку, чтобы мною гордились... И ведь знаю, что меня и без этого любят. Мама — она мой самый лучший друг, вместе с Аней, конечно же, а папа... Он задал такую планку в стандарте мужчин, что, боюсь, не каждому под силу будет ее взять. Они моя семья. Они взяли меня к себе, когда я была никем, простой сиротой. Уже тогда любили. А я все им что-то доказываю...

Маша всхлипнула, не стесняясь своих эмоций. Впервые в жизни она была так откровенна в своих переживаниях, и впервые делилась ими с кем-то посторонним. Она подняла голову вверх и задумчиво смотрела в потолок, а мысли ее при этом уже были далеко отсюда. Перед глазами стали мелькать события жизни, семья... Какая-то теплая грусть охватила ее, вводя в ностальгические воспоминания.

— А ты знаешь, я попробую.

— Что?

— Взять эту планку. — Под ее непонимающим взглядом Ярослав дотянулся ладонью до ее щеки и мягко провел вниз к шее. — Знаешь, мне предложили контракт в НХЛ. Вопрос, в принципе, уже решенный... Поехали со мной?

— Что? — пораженно прошептала Маша. — Зачем?

— Я тебя люблю.

И пока она осознавала смысл сказанного, Ярослав склонился к ней, притянул к себе и

завладел ее губами, мягко и нежно доказывая правдивость своих слов.

Глава 20. Отношения строят люди, все остальное просто ерунда

Это был совершенно иной поцелуй, не такой, как прежде. Не было в нем ни холодности, ни отчужденности. Поцелуй, в котором теперь чувствовалось тепло и нерешительность, боязнь сделать решительный шаг, но было понимание необратимости. Их тянуло друг к другу, это было очевидно, это чувствовалось на подсознательном уровне.

— Ярик, ты слишком торопишь события, — с досадой прошептала она, прижавшись лбом к его виску, нежно обхватив ладонями его лицо, а Яр только крепче прижал ее к себе, не желая разрывать их близость и в тайне боясь, что Маша ускользнет, испугается. — Ты же меня совсем не знаешь.

— Мне кажется, мы знакомы целую вечность. Так легко мне еще никогда не было ни с кем. Долго думать не привык, так уж воспитан. Решение принимаю тщательно, взвесив все возможности. Льдинка...

— Ярик, — прервала она его, закрыв пальцами губы, — у тебя работа, мечта. А как же моя мечта? Я еще не готова ставить точку в своей спортивной карьере. Ты же сам понимаешь, как много значит для нас, спортсменов, карьера. Я стремилась к этому всю свою жизнь. Да, я не попала на олимпийские игры, но могу еще побороться за иные награды. И оставлять все это вот так... Ты ставишь меня перед нелегким выбором.

— Тебе не обязательно оставлять спорт. Многие тренируются за границей.

— Но это означает, что я должна найти нового тренера. Это же предательство! Я не могу так поступить с Софией Марковной, понимаешь! После всего того, чего я добилась благодаря ей. Она же мне как вторая мама.

— Маша, это все вопрос возможности. Это все решаемо. Было бы желание. Ты... Ты бы поехала со мной?

Впервые в своей жизни Маша не знала, что делать, что ответить. В ее глазах читалось замешательство.

— Я не готова ответить тебе, — прошептала она, опустив глаза.

Ярослав тепло улыбнулся ей в ответ и притянул к себе. Его губы чувственно осыпали поцелуями лицо, и Маше хотелось плакать от щемящей жалости к себе. Она не могла ему противиться, не могла противиться своим чувствам к нему, но и предавать свою мечту — смысл своей жизни — просто не имела права.

— Но ты же и сама понимаешь, что не отказала мне, — его теплое дыхание опалило ухо, заставив тело пылать от жара.

— Ярик, — Маше удалось, наконец, снять с себя колдовское оцепенение и вырваться из его рук, отойти, чтобы сохранить между ними небольшое расстояние. — Не надо так. Какие отношения нас ждут? Ты в разъездах, я тоже. Редкие моменты встреч. Тебе самому это вскоре надоест. Есть ли шанс у таких отношений?

— Шанс есть всегда, поверь мне. Даже в самых безнадежных случаях. Отношения строят люди, все остальное просто ерунда. Есть мы, есть притяжение между нами.

Он тоже поднялся со своего места и подошел ближе, но остановился в полшаге, не рискуя преодолевать столь короткое расстояние, что разделяло их, чтобы ненароком не оттолкнуть свою Льдинку.

— Я тебя люблю, Маш. — Вот так, без лишних пафосных слов. Только по делу, но прямо. Ярослав не любил ходить вокруг да около, когда нужно было говорить — нужно было говорить. Когда говорило сердце — нужно обязательно говорить.

Маша лишь потупила голову, старательно избегая встречи взглядами. Ярослав и сам понимал, что это признание было словно гром среди ясного неба. Сам от себя такого не ожидал, но все же не жалел о сделанном. Импульсивно? Да, но вся его жизнь такая. Он привык. Да и чувствам своим он доверял. То, что творилось в душе, когда думал о ней или находился рядом, можно было сравнить разве что только с глотком свежего воздуха среди душущей повседневности. С ней было не просто тепло и уютно, в ней было все, чего он был лишен долгие годы: ощущение семьи и любви, поддержки и веры.

— Ты и сама видишь: то, что между нами происходит, уже не просто симпатия. Скажи мне, если это не так. Ну?

А в ответ молчание и все тот же потупленный взгляд. Не умела она врать, Яр читал все ее эмоции, все ее чувства. Подошел ближе, обнял и крепко прижал к себе, втягивая носом тонких сладкий запах, исходивший от нее. Не отпустит! Пусть его Льдинка еще сомневается, но он-то был уверен в себе! Подождет чуть-чуть, ведь сам понимал, что такое карьера. А долгие разлуки... Он выдержит. Сейчас прекрасно развиты технологии, чтобы общаться в любой момент, даже находясь в разных точках мира.

— Скажи мне, если тебе неприятны мои прикосновения. — Он обхватил ладонями ее лицо и поднял к себе. — Скажи, если тебе неприятно все это...

Его губы прошлись по виску, спустились к щеке и остановились на мягких девичьих губах. Какая же она сладкая! Ему хотелось пить ее, разделять с ней одно дыхание на двоих. С ума сходил от этой проклятой недоступной близости.

— Мы не в силах этому противиться, — сдавленно прошептал он, прежде чем его губы заставили ее ответить на новый поцелуй. И, черт возьми, она с не меньшим желанием отвечала ему, держась руками за его плечи, словно боясь потерять опору от охвативших ее ощущений.

Ее поцелуев становилось чертовски мало. Хотелось большего, но Ярослав прекрасно понимал, что пора остановить себя. Еще слишком рано. Отношения между ними еще слишком хрупки, чтобы ломать их одним неосторожным словом или действием. Происходившее с ними было глубже и значимее, чем было когда-либо с ним до этого. Наваждение. Но приятное и желаемое. Нет, нужно было держать себя, чтобы не оттолкнуть от себя Машу, не дать ее страхам одержать верх и заставить отступить.

С трудом заставив себя оторваться от пьянящих губ, Ярослав не удержался и в последний раз коснулся их легким поцелуем. Он жадно ловил мгновения открывшейся ему чувственности, когда Маша, еще не придя в себя, стояла в его объятиях, с обращенным к нему лицом, но глаза ее были блаженно прикрыты, а яркий румянец предательски выдавал смятение и негу. Как же она прекрасна! Истинное искушение для него.

Приглашающим жестом Ярослав протянул руку, приглашая Машу за собой на лед.

— Давай, Льдинка, покатайся еще со мной.

В эти моменты он не задумывался больше ни о чем. Для него была важна лишь действительность и эта озорная девчонка, что дразнилась на льду, заставляя его гоняться за ней по всей арене. Им было хорошо вдвоем как никогда. Двое, только он и она. И лед, что объединил такие непохожие виды спорта.

От острого зрения нападающего не укроется движение неподалеку, и Ярослав периодически ловил себя на мысли, что в зале кроме них есть кто-то еще, но приглушенный свет трибун не торопился выдавать свои тайны. Эта неизвестность стала нервировать, поэтому нужно было закругляться и расходиться по домам, хотя расставаться с Машей

ужасно не хотелось. И как подтверждение присутствия таинственного зрителя уже у выхода из зала они слышали позади себя мужской голос:

— Ребят, подождите!

Они оба обернулись. В стоявшем в проходе возле первых рядов Ярослав с удивлением узнал известного фигуриста Николая Мартусова, олимпийского чемпиона, давно уже оставившего спортивную карьеру и ныне организатора красочных театрализованных выступлений на льду с участием звезд спорта и шоу-бизнеса. Его постановки обсуждались и на телевидении, и в интернете, да и вряд ли можно было бы найти человека, кто ни разу в жизни не слышал о его послеспортивной деятельности. Тем удивительнее был сейчас его внезапный интерес к ним с Машей.

— Я невольно стал свидетелем вашей раскатки. Смотрите, у меня к вам предложение. В рамках благотворительной акции я организовываю показательную программу на телеканале, в нем выступают пары: известный фигурист и звезда какой-то другой сферы. Таких программ за последние годы вышло уже много, думаю, вы их видели. Я бы хотел пригласить и вас в качестве пары.

— Ну, это явно не ко мне, — развел руками Ярослав, — Боюсь, вряд ли смогу принять участие, мне через неделю предстоит вместе с командой выездной матч. Да и шоу эти мне не по душе. Не стоит рассчитывать на меня.

— Одно выступление, Ярослав, — не отступался Николай. — Тренировки много времени не займут. У нас многие актеры вон с нуля начали кататься и за месяц небывалые результаты показывали. А вопрос с тренером я решу.

— Простите, не могу, — покачал головой Ярослав, — не имею права подводить команду. И так слишком много отсутствовал.

Глава 21. Ты смогла

— Нервничаешь? — легкое прикосновение к плечу заставило Ярослава немного отвлечься.

— Есть немного.

Нет, он до сих пор не мог поверить, что согласился на эту авантюру. Приводил тысячи доводов против, но все же один единственный довод «за» пересилил — это возможность побыть еще с Машей. К тому же мысль о том, что кто-то другой, а не он, будет касаться ее, приводила в бешенство. Боже правый, да он никогда не замечал за собой подобных эмоций, но сейчас понимал, что это была чистейшей воды ревность.

Уж какими правдами-неправдами удалось уговорить тренера, но все сложилось просто идеально: и согласие, и домашняя игра команды на запланированный промежуток тренировки и выступления, и даже «окно» в графике Маши. У них было всего три дня, точнее ночи, чтобы отработать вместе с Мартусовым заготовленную для их пары программу, и они практически безвылазно разучивали, привыкали друг к другу, притирались. Однако теперь уроки азов фигурного катания проходили намного приятнее, в отличие от самого первого раза, с которого и началось их знакомство. Особенно ему нравились совместные падения, когда можно было без зазрения совести сгребать в охапку веселящуюся Машу и обниматься с ней у всех на глазах. Ярослав внимательно слушал, пытаясь понять суть простых для профессионалов вещей и движений, а затем повторял, повторял, падал и снова повторял, пока навык не доводился до автоматизма. И помощь Маши была просто неоценимой в такие минуты. А он... он просто любовался ею, глядя, как заливисто она хохочет над его неуклюжими попытками выполнить новую связку и нелепыми

приземлениями, и как светятся счастьем ее глаза, когда у них все получается. Это ли не лучшая награда за риск, на который он пошел. Ради нее.

«Ребят, давайте попробуем верхнюю поддержку? На поднятых руках. Будет очень эффектно», — София Марковна, также присутствовавшая на репетиции, долго изучала их катание и предложила эту комбинацию.

«Нет», — категорично произнес Ярослав тогда, помня откровения Лыдинки о своей неудаче в попытках парного катания. Он не хотел подвергать ее риску и заставлять вновь возвращаться к своим страхам.

«Да», — ответила Маша уже чуть позже, обдумав его отказ, уверенно глядя ему в глаза с полной собранностью. Ее страхи так никуда и не ушли, но, черт возьми, она делала это ради него. Тем самым она делала шаг к нему навстречу, показывая, как сильно ему доверяла. И Ярославу очень хотелось уверить ее, что с ним ей не стоило бояться, он ни за что не причинит ей вреда.

Но ничего у них не получалось. Легкие элементы проходили на ура, парные вращения вышколены до автоматизма, Маша даже освоила элементы вращений, но ее страх никак не давал ей раскрыться, позволить партнеру поднять высоко и отдаться короткому триумфу полета надо льдом. В самый последний момент Маша обрывала попытку верхней поддержки, и Ярослав видел, как колотило ее в такие моменты. Ему хотелось прижать ее к себе, успокоить, но эта чертова дистанция...

Видя, что верхние поддержки не идут, выход нашла София Марковна, рискнувшая исправить свою оплошность и предложить им на замену тодес. И пусть легкостью новый элемент не отличался, но в нем была исключена высота, которую так боялась Маша, а крепкие руки партнера вселяли уверенность, что он-то точно никогда не позволит ей выскользнуть из его рук. Программа претерпела незначительное изменение, но в результате была отработана просто до идеала. Только Маша и Ярослав потом втихаря еще упрямо пытались отрепетировать сложную не поддававшуюся поддержку, но все так же тщетно.

«Отпусти свои страхи, — просил Ярослав на последней вчерашней репетиции, держа Машу за руку и глядя прямо в глубину ее глаз. — Я тебя не отпущу. Никогда. Верь мне, просто доверься».

«Не могу. И хотела бы, но не могу. Этот страх сильнее меня».

Оторвавшись от изучения программ своих соперников, Ярослав обернулся и встретился с самой теплой, самой милой из всех улыбок. Маша заботливо расправила ворот его рубашки, приглаживая и так идеально выглаженную и великолепно сидевшую по плечам ткань, после чего взяла его за руку.

— Да ты и сама нервничаешь, — легонько щелкнул ее свободной рукой по носу, отчего она зарделась. — У меня для тебя что-то есть.

Видя, как ее глаза удивленно распахнулись, Яр лишь усмехнулся.

— Пулька! — радости в голосе Маши не было предела, едва только талисман оказался в ее руках. — Я про нее и забыла, пока соревнований не было. Вот видишь, что я тебе говорила, она, действительно, приносит удачу.

— Пусть и сегодня постарается для нас. Держи.

— Оставь пока ее у себя, мне некуда спрятать.

Стоять и ждать своей очереди было ужасно тяжело. Особенно когда номера других участников были перед глазами. Программы были разными, как и уровень пар. Кто-то показывал уверенное катание на коньках, а кто-то выдавал такие немыслимые кульбиты, что

волнение стремительно уходило в верхние виражи. Нужно было собраться и не думать ни о ком и ни о чем другом. У них с Машей была своя программа, и если верить Софии Марковне, которая не пропустила ни одной из тренировок, номер их был наполнен своими непередаваемыми эмоциями, которым не возможно было не поверить.

Вышли на лед вместе, держась за руки. Это успокаивало. Им обоим было важно чувствовать друг друга, настроиться, поделиться уверенностью. Странно, за эти несколько дней они стали еще ближе друг другу, и не было ничего более правильного как идти вот так рука об руку. У них получалось очень слаженно, даже как будто профессионально, не было скованности в движениях и пауз между связками. По видеозаписям с тренировок Ярослав мог оценить всю красоту и эмоциональность номера, и сейчас хотелось донести все это и до зрителей. Маша — сама нежность, и сейчас не стесняясь выражала ее на льду, выражая через прикосновения, легкий наклон или поворот головы, взмах руки или стремительное падение в его руки. Если бы только все могли видеть ее взгляд... Хотя нет, этот взгляд он не хотел делить ни с кем — он был только для него.

Они готовили совершенно иную программу для этого дня. Легкую, зажигательную, немного озорную. Но произошедший вчера разговор что-то изменил в них обоих.

«Подписал контракт на следующий сезон».

«Уезжаешь?»

«Да, как только этот сезон доиграю. — И в ответ лишь тягостное молчание да потупленный, спрятанный взгляд. — Мое предложение все еще в силе».

«Мой ответ все еще тот же».

«Приедешь?»

«Это нечестный вопрос... Я буду приезжать».

«Я буду ждать».

Редкие встречи урывками в Москве вскоре и вовсе сойдут на нет. Все, что им останется — это лишь разговоры по видеосвязи в недолгие моменты отдыха или между тренировками. Между ними останется лишь недосказанность. Они вдвоем выбрали красивую и очень эмоциональную песню «Я не могу сказать тебе». Просто услышали ее по дороге домой после одной из вечерних встреч, но в этот раз поняли, что ставить номер будут только под нее. Именно сейчас слова по-другому зазвучали для них. И пусть им пришлось в спешном порядке перекраивать свой номер, пусть они провели едва ли не сутки на льду в тренировке, пусть все тело болело от невыносимой напряженности и от падений, но этот номер они покажут. Этот номер станет их признанием друг другу.

Ярослав сегодня видел перед собой другую Машу: раскрепощенную, свободную, притягательную. Сегодня он стал частью ее мира, разделил с ней ее страсть и понимал, что просто не имел права подвести ее, подорвать веру в него. Ему нравилась ее кошачья грация. Нравились ее прикосновения. Нравилось держать в своих объятиях, кружить на руках по льду. Он смотрел на нее и не мог понять, когда же разрушилась та ледяная стена, что разделяла их, и эта Лыдинка стала так дорога ему. Когда она смотрела на него так, как сейчас, глазами, полными огня и чувственности, его кровь закипала от желания. Ему было мало, чертовски мало этих крох времени, этих маленьких встреч и урывочных разговоров по телефону. Ему было мало возможности просто прикоснуться. Ему было мало ее сдержанных поцелуев приветствия. Он хотел сломать все те ледяные остатки, что еще не давали им быть вместе. Сломать все те предрассудки, что невидимым барьером давили на Машу. Ему хотелось видеть ее такой же раскрепощенной и счастливой не только в стихии льда, но и в

жизни, в их отношениях.

Черт, да он только ради нее согласился на всю эту авантюру. Ради нее выучил все эти немислимые вращения, поддержки. Его сердце замирало, когда она доверчиво вверяла себя в его руки, хоть боялась до ужаса. Но он не позволит себе уронить ее — как бы не так! Она как хрупкий цветок, который хотелось оберегать. Сжимать ее в своих объятьях, пусть даже ненадолго, чтобы потом отпустить, — сущее счастье и наказание. Желать и останавливать себя.

«Если я уйду, то не навсегда.»

Ты мне только верь — это я прошу тебя».

Ярослав протянул Маше руку, глядя ей в глаза. Самое настоящее сумасшествие. Десятки неудач, но сегодня он готов был попробовать еще раз. Поймет ли его? Решится ли? Чуть заметно кивнул. И в глазах ее увидел решимость. Приблизилась, не сводя с него взгляда, в котором читалось «ДА». Поняла. Ее руки на его плечах, ищущие поддержки... Сегодня все было иначе. Сегодня она поверила. В него. В себя. В них. Сегодня у них все получилось. И хоть от волнения сковывало мышцы, но свою Льдинку он удержит. Она была сильно напряжена, легкая дрожь предательски пронзила ее тело, но Маша справилась. Высокая поддержка над головой на прямых руках с вращением на льду — Ярослав и сам боялся, но никак не мог сплеховать. И у них все получилось. Это была ее огромная победа над собой.

Музыка утихла, а он все еще крепко прижимал к себе едва дышавшую Льдинку. Она улыбалась, он чувствовал это.

— У нас получилось, — тихо прошептала она ему, уткнувшись носом в шею, обнимая его в ответ, и, черт возьми, поцеловала. Жар ее губ опалил обнаженный участок кожи.

— Ты смогла. — Он поднял к себе ее лицо и осторожно поцеловал, помня о направленных на них камерах и стараясь сделать этот поцелуй незаметным и незначимым. — Ох, и прилетит же нам за этот полет!

Девушка рассмеялась и легонько толкнула его в плечо. Самая красивая женщина — счастливая женщина, и прекраснее Маши сейчас никого не было. Лед они покинули все так же — рука об руку. И теперь бы дожидаться того момента, когда они останутся наедине... Чтобы спросить и услышать то, что хотелось.

Глава 22. Время решать

Глава 22. Время решать

Оказаться в незнакомом городе в чужой стране уже не было каким-то экстраординарным делом для Маши, однако в этот раз она ужасно нервничала. Задержка рейса, а затем его перенос на позднее время заставили изрядно поволноваться, но все же она еще успевала. Благо, что смогла еще до вылета зарезервировать себе номер в гостинице, куда сразу же и направилась, покинув аэропорт. Оставила вещи, даже хватило времени быстро принять душ, переоделась и в последний момент решила добавить косметики на лицо. Сегодня предстояла важная и очень желанная встреча, и Маше хотелось выглядеть прекрасно и свежо, несмотря на усталость от долгого перелета. Чуть акцента на глаза, немного румян на скулы, чтобы скрыть бледность, и помада на обкусанные от переживаний губы. Потом еще долго пыталась совладать с непослушными волосами, не желавшими никак ложиться по плечам ровными прядями, отчего пришлось их заколоть на затылке в небрежный пучок. Первая встреча за последние полгода. Долгожданная встреча. Заветный билет волнительно лежал в ладони, обещая, что совсем скоро она сможет, наконец, увидеть свой «номер семнадцать», и сердце волнительно забилось в груди.

Едва ли не первой Маша влетела в постепенно заполнявшийся зал с трибунами и заняла свое место. Ярослав еще не знал, что она приехала — не было возможности сообщить, и оставалось надеяться, что это не станет неприятной неожиданностью для него. Им даже не удавалось в последнюю неделю толком пообщаться. Тренировки отнимали у Ярика много времени, а когда у него образовывалось «окно», разница в часовых поясах не позволяла им увидеться. Оставались лишь редкие переписки в мессенджере, трогательные и шуточные, от которых сердце наполнялось теплом и тоской. Она безумно скучала по нему, с каждым днем все больше понимала, что находиться вдали друг от друга становилось все невыносимее, и этот чертов выбор уже встал перед ней непреодолимым рубежом. Пришло время принять верное для себя решение, и именно для этого она приехала сегодня сюда.

Мучительные долгие минуты ожидания, складывавшиеся в часы, и вот уже команды появились на льду, а Маша жадно выискивала среди незнакомых лиц самое родное. Он не изменился, но все же можно было с уверенностью сказать, что за это время стал увереннее, статнее, в нем уже чувствовалась неограниченная мужская мощь. И Маше вдруг стало страшно: какие еще перемены произошли с ним за такое немалое время? Не стало ли слишком поздно что-то менять в их отношениях? Всю игру она не спускала с него глаз, а мысли были лишь только о последних днях, проведенных вместе.

«Ты смогла!» — эти слова до сих пор звучали в воспоминаниях, теплом разливаясь по крови. Его похвала была даже выше всяких слов тренера. В тот день она смогла не только преодолеть свой давний детский страх поддержки, но и по-настоящему открылась перед Ярославом. Это был акт полного доверия ему. Это было ее признанием, выражением своих чувств. Все то, что не могла сказать словами, сказала в танце. Именно во время выступления вдруг пришло осознание, что вскоре им предстоит расставание и смогут ли они в дальнейшем видаться так же часто, как в последние дни, не мог бы сказать ни один из них. После выступления долго гуляли по ночному городу, держась за руки, не в силах расстаться. И Маше тогда казалось, что Ярослав был слишком задумчив, словно не мог решиться на что-то. Им было так хорошо наедине друг с другом, что единственным желанием было остановить мгновения, отнять их у вечности и присвоить себе. С сожалением смотрели на часы, говоря себе: «Давай еще немножечко побудем вместе». И так много раз, а время безбожно отсчитывало часы, приближая момент расставания.

«Домой?» — спросил, наконец, Яр, печально глядя на нее, а Маша вдруг осознала, что если бы он предложил вот прямо сейчас поехать к нему... она бы не отказала ему. Но он промолчал, хотя казалось, что он ведет борьбу с самим собой — сказать или оставить все так, как есть и не торопить события. И все же выбрал последнее.

«Домой», — согласилась она не без сожаления. Быть может она еще когда-нибудь ему скажет спасибо за такую сдержанность, но в тот момент ее буквально раздирало от противоречий. Ей хотелось большего в их и так не простых отношениях, хотелось забыться в его руках, ощутить вкус его поцелуев, почувствовать жар тела, отдаться пусть даже на один вечер или ночь, но с другой стороны здравый смысл шептал, что так не должно быть, что это не правильно, одна ночь ничего не даст, лишь только все усложнит.

Только расстаться оказалось тяжелее, чем оба предполагали. Всю дорогу Ярослав не выпускал ее руку, тепло, но крепко удерживая тонкие пальчики в своей мужественной мозолистой ладони, а Маша заморожено рассматривала его руки, отмечая про себя, что ей безумно нравилось именно такое сочетание в мужчине: часы с кожаным ремешком на запястье, широкая ладонь и длинные пальцы. Почему-то подумалось даже, что на таких

пальцах отлично смотрелось бы кольцо. Завораживающее зрелище. Волнующее. Почему-то при одном взгляде на эти руки, уверенно державшие руль, мысли рисовали лишь одну картину: они же на ее теле, мягко скользят и ласкают... И о чем она только думала в тот момент? Стыдоба! Ей бы стоило открыться, хоть намекнуть на ему о тех чувствах к нему, что теплились в груди, а она лишь молчала и впитывала каждую черточку его лица, каждый его жест, интонацию голоса. Было страшно, что волшебство тех чувств, что захватили их обоих во время выступления исчезнет после решительного шага, а вместо этого останется горечь сожаления.

— Мне пора, — тихо проговорила она, пытаясь утаить грусть. Время неумолимо приближало утро, а расставаться становилось тяжелее с каждым проведенным вместе мгновением.

— Маша, — едва различимый оклик заставил ее вновь обернуться. И вот уже его губы властно легли на ее, заставляя отвечать на голодный поцелуй, заставляя забыть об этом чертовом времени, неподходящем месте, обо всем на свете, даже предстоявшей разлуке, давая понять лишь одно — важно только то, что было меж ними сейчас. Только он и она. Либо «да», либо «нет». И Маша своими поцелуями отвечала ему «да», накрывая дрожащими руками его запястья, в то время как его руки удерживали ее лицо, не давая возможности отстраниться. Мурашки по коже и дикий жар на губах — вот, пожалуй, и все, что она помнила об их первом серьезном поцелуе. А еще желание касаться, удержаться в плену рук, потому что ничего больше вокруг них не существовало. Главное стало заключаться лишь только в них двоих. И Маше ужасно хотелось этих прикосновений, пробирающих до глубины души своей нежностью и осторожностью. Это был совсем другой Ярик. Это был ЕЕ Ярик такой, каким даже он сам себя еще не знал — она поняла это по его тихой растерянной улыбке, когда он все же смог заставить себя отстраниться. Но не разомкнуть объятий. Маша не смогла сдержаться, чтобы не потрогать кончиками пальцев его губы — настоящий ли он пред ней сейчас, не снилось ли ей все это. Не снилось — он легонько куснул ее в ответ, и дерзкая улыбка тут же изменила его лицо, вернув прежнего шалопая и задиру.

— Это была плохая идея с моей стороны. Но извиняться не буду. Беги, уже совсем поздно.

Маша улыбнулась тогда в ответ. Ну как противиться такому искусителю? Она быстро притянула к себе его голову и оставила короткий поцелуй на прощание.

— Рискуешь вообще домой не попасть, — нехотя пробормотал он ей в губы, вызвав ее смех.

И она вынуждена была убежать, хоть чертовски хотелось остаться.

Потом долго не могла уснуть, вспоминая прошедший день, все пытаясь сопоставить их выступление и расставание в его машине. Очень хотелось верить, что все произошедшее не было наваждением одного дня.

Их разлука затянулась слишком долго — до поздней осени. Долгие разговоры по телефону и видеосвязи между сборами, играми и соревнованиями — и полное отсутствие возможности хоть на день вырваться друг к другу. Маша даже не сумела проводить Ярослава в другую страну — сама была на выступлениях. Оказалось, это было тяжелее, чем она думала: титанический труд на льду днем, и безумная тоска ночью. И даже родные стены и окружение любимой семьи не спасали. Ей вообще ничего не хотелось, все казалось тусклым и ненужным. Несколько раз даже срывалась по пустякам, но вовремя сумела взять себя в руки, хотя на результатах ее страдания от неопределенности все же сказались: на последних

соревнованиях она не сумела пробиться даже в пятерку лидеров. София Марковна, конечно же, все замечала, только вот повлиять и исправить ничего не могла. Маша была подавлена. Да и последняя беседа с Ярославом вышла непродолжительной, но какой-то скомканной, напряженной, а после нее еще долго оставалось неприятное ощущение пустоты и обреченности. Все шло к логическому завершению их так и не начавшихся отношений. Впервые Маша позволила себе плакать от обиды на обстоятельства. Неужели это все?

С первой же возможностью она, никому ничего не успев сказать, бросилась в другую страну, наспех покидав в дорожную сумку самые необходимые вещи, благо, для спортсменов такой багаж был привычным. Только по прибытии она позвонила родителям, чтобы предупредить. Ох, и наслушалась же от них! Но кто не делает ошибок в молодости? Даже они не были исключением. Хотя мама, как и всегда, была на ее стороне: «Бояться следует недосказанности, а не страданий от отказа — это все переживется, а вот счастье свое можно упустить и больше его не найти». Мама, как никто другой, могла поддержать ее. И словом, и заботой. И даже одобрением на, казалось бы, совершенно безумные вещи, такие как сейчас.

Финальная сирена вернула ее в действительность, заставив вздрогнуть от неожиданности. Маша подняла голову и перевела взгляд на табло. 2:1, увы, не в пользу команды Ярослава. Как она вообще смотрела матч, если совершенно ничего не помнила?

Зрители постепенно покидали зал, трибуны стремительно пустели, только Маша все еще продолжала сидеть. Стоило тоже выйти, чтобы отыскать холл, где она смогла бы встретиться с Ярославом, но ей было страшно. Как он воспримет ее появление? Нужно было собраться, и не такие страхи приходилось побеждать.

Но едва только она вышла в холл, как ее окружила группа молодых людей.

— Excuse me, you're a famous figure skater Soboleva, aren't you? — слышалось со всех сторон. — Can I have a photo with you? Can I have your autograph?*

Пока профессионально улыбалась на камеру, раздавала автографы и отвечала на вопросы неизвестно откуда налетевших репортеров, едва не пропустила команду. Только волноваться ей теперь предстояло по иному поводу, потому как прямо на нее стремительно и уверенно шел Ярослав. Сосредоточенный и хмурый, с большой сумкой на плече, он смотрел только на нее, словно никого вокруг них и не было, и у Маши сердце зашло от его взгляда исподлобья.

--

*Пер.: Простите, вы ведь известная фигуристка Соболева, не так ли? Можно фото с Вами? Можно Ваш автограф?

Глава 23. И чтоб больше никаких Переверзевых рядом!

Глава 23. И чтоб больше никаких Переверзевых рядом!

У него начались галлюцинации, не иначе — стоило только мельком взглянуть на огромный монитор, ему вновь померещилась Льдинка. Он думал о ней постоянно, то доводя себя до бессмысленной ревности к ее работе, к тем, кого видел рядом с ней в тех или иных выпусках новостей, то останавливая себя в шаге от необдуманного решения бросить все к чертовой матери и вернуться. Иногда и вовсе позволял себе отдаться в волю новых эмоций и сердито рычать на всех от одиночества. Да еще эта адаптация, будь она неладна. Вливание в новый клуб проходило тяжело, языковой барьер, несмотря на годный разговорный английский, все равно влиял и на рабочие моменты, и на общение с тренерами, членами команды. Было адски тяжело, но жаловаться не в привычке Ярослава, да и физические нагрузки помогали немного отрешиться от груза собственных мыслей. Только вот игра все

равно никак не шла, и тренер уже с сомнением присматривался к нему, явно подумывая, не зря ли вообще выбрали этого русского парня в команду. Сегодняшний тур ничем не отличался от многих других: не было результата, не было отдачи и характера. Потерян какой-то стимул, и прежняя мечта уже не казалась такой важной.

А потом он увидел ЕЕ. И глазам своим не поверил. Дежа-вю какое-то. Наваждение. Не камера несколько раз выбирала из тысячи болельщиков задумчивую девушку, отрешенно смотревшую прямо на лед, подперев кулачками подбородок. Льдинка. Откуда, черт возьми, она тут взялась? А внутренний голос, едва ли не мурча от удовольствия, говорил: «К тебе прилетела». От неожиданной радости даже открылось второе дыхание, как тогда, на Олимпиаде. И пусть сравнять счет и перевести в свою пользу не удалось, но единственная шайба, забитая в ворота соперника, была именно его.

Как покидал лед, как торопился в раздевалку, наспех принимал душ, а потом еще слушал тренеров, украдкой поглядывая на часы, мысленно прикидывая, не успеет ли Маша уйти за это время, Ярослав и сам уже не помнил. В памяти остались лишь стремительно пронесившиеся мимо стены коридора. Он нашел ее в холле спорткомплекса, окруженную какими-то людьми, сменяющими друг друга рядом с ней. Не сразу догадался, что это любопытные зеваки, которые распознали в девушке известную спортсменку и теперь просили чуточку внимания, а Маша, наученная годами выступлений, терпеливо улыбалась, спокойно воспринимая всю эту шумиху вокруг, хотя и невооруженным взглядом была видна ее растерянность. Боже, какие-то чужие люди находились рядом с ней. Но не он. Досада и раздражение вновь охватили его. Они не виделись слишком долго, и ждать даже пару минут, когда же на него обратят внимание, он был не готов. Маша принадлежала только ему, и пусть хоть кто-то попробует преградить ему дорогу или, спаси его боже, попытается его отвлечь...

— Идем, — только и смог произнести Ярослав, когда подошел к Маше вплотную. Взял ее руку в свою и потянул за собой, нисколько не беспокоясь о том, как вообще это выглядело со стороны. Ему было все равно! Разве им нужны сторонние свидетели? Это мгновение — приветствия после долгой разлуки — они должны были разделить только лишь друг с другом.

Маша без лишних вопросов следовала за ним, крепко сжимая его ладонь, сжимавшую словно в тисках, ее ладошку. И лишь только оба оказались в тесном пространстве затонированного автомобиля, Ярослав сорвался. Пальцы тут же потянулись к нежному лицу, залитому смущенным румянцем, заскользили к вискам, дальше к затылку, притягивая к себе. Промедление, словно смерти подобно. Он уже и забыл, каковы на вкус эти манящие губы, как смело отвечают они его ласкам. Упоительно. Даже дыхание срывалось. Пальцы путались в высоко собранных волосах, и это безумно раздражало. Его вообще раздражало все, что не давало насладиться друг другом. Раздражала эта тесная машина, раздражала одежда, раздражало несуразность места их встречи... Раздражала эта заколка, что стягивала темные волосы, которые хотелось пропускать прядь за прядью меж пальцев, с ней было куда как проще — снять и откинуть в сторону. Остановить бы мгновение! И целовать свою Льдинку вечно, пока сама не запросила бы пощады, и тогда бы он ей уступил... чтобы лишь чуть перевести дух. Чувственная и нежная, такая податливая, его девочка.

— Я скучала, — выдохнула Маша, прикрыв глаза, но когда он все же немного отстранился, чтобы совладать с собой, задержала его руки, прося остаться.

— Я тоже, моя хорошая. — Погладил ее по щеке, а самого едва ли не колотило от

сдерживаемого желания. — Если я приглашу тебя сейчас к себе...

— Я не откажусь. — Слова ее звучали уверенно, но глаза говорили еще красноречивее.

С трудом заставил себя отпустить ее, но всю дорогу держал за руку, крепко переплетая их пальцы. Говорить о чем-либо просто не было сил — в такой момент молчание говорило само за себя. За квартал до дома Ярославу попался на глаза яркий павильон, напомнив вдруг о важной вещи, которую на родине не позволил бы себе забыть ни один нормальный мужчина. Яр извинился и, оставив Машу одну в машине, скрылся за дверьми маленького магазинчика, чтобы потом выйти из него с букетом прекрасных красных роз.

— Прости, я не был готов к твоему приезду. — Он распахнул дверь с ее стороны и протянул цветы, и пока Маша смущенно прятала улыбку в нежных бутонах, занял свое место.

— Тебе не за что извиняться. Ммм, первые твои цветы! — мечтательно протянула она, переводя взгляд на него.

Ярослав тепло улыбнулся в ответ, взял ее ладонь, молча поднес к себе и прижался губами. А ведь действительно, первые — прежние их отношения не подразумевали подобных знаков внимания. Просто цветы, а у нее вон как глаза сияли. Но все равно почему-то молчала, а ему от этого становилось тревожно. Что заставило ее прилететь так внезапно в чужую страну и искать встречи с ним?

— Прости, я знаю, что появилась сегодня, как снег на голову... — затараторила она, едва они остановились у его дома, и устремила пустой взгляд на подаренные цветы, нарочно избегая встречаться взглядами.

— У тебя, наверняка, есть какая-то веская причина.

— Я скучала, — едва слышно прошептала она, словно сама боялась этих слов. — Ужасно скучала.

Черт, черт, черт... Вокруг словно весь мир взорвался от ее признания. Нет, это еще не слова о каких-то сильных чувствах, но сейчас они значили для него намного больше. Ярослав вышел из машины и направился к ней, все так же в напряженном молчании открыл дверь машины и подал ей руку. Дернул на себя слишком сильно, не рассчитал, будто торопя, но тут же прижал к себе, укрывая в своих объятиях. Какая же она все же маленькая по сравнению с ним. Особенно в этих кроссовках — только до плеча ему и доставала. Хрупкая, но такая сильная красота. Видел, какие технически сложные номера делала на льду, и всегда восхищался, как у таких вот маленьких девчонок сил на все это хватало.

— Идем. — Понимал, что произнес это слишком сухо, но боялся сорваться. Напряжение в нем было похоже на бомбу замедленного действия — хватило бы одного неловкого прикосновения, чтобы все полетело к чертям собачьим.

— Ярик...

— Тсс, молчи.

Едва прикрыл за собой дверь своей небольшой квартиры и обернулся, как вся его сдержанность просто разбилась от прямого пронизывающего взгляда, будто огромная стеклянная витрина от камня, неосторожно брошенного в самое сердце. Один шаг, одно движение, и цветы оказались на полу. Слова сейчас были бы просто лишними. Притянул к себе и сжал в крепких объятиях, проводя руками по плавным изгибам плеч, спины. Пожалуй, его объятия были чересчур сильными, так как ощутил порывистый выдох на шее, а до слуха донесся едва уловимый стон. Но когда поднял к себе ее лицо, растерялся от той чувственности, что затаилась в ее чуть прикрытых глазах и тронула заманчиво приоткрытые губы. Он потянулся к ее губам, и Маша ответила ему невероятной лаской, нежным и

дразнящим касанием языка, легко скользила, словно проверяя его на выдержку. Сама не выдержала в итоге, закинула руки ему на шею и поцеловала по-настоящему, горячо трепетно, сводя его с ума. Его Лыдинка. И не холодная вовсе, а горячая, даже обжигающая. Как же ему ее не хватало. Как же сам скучал. Губы нетерпеливо терзали ее, но сопротивления не встречали никакого. Она отвечала ему с не меньшим желанием, притягивая к себе, спускаясь горячей ладонью по груди вниз.

— Скажи еще раз... — пробормотал ей в губы, оторвавшись от них лишь только на мгновение.

— Что?

— Почему ты приехала?

— Я тебя люблю, — выдохнула она, глядя на его губы, и прижалась ладонями к груди.

Чтоб ему провалиться! Признание ударило под дых, да так, что в глазах потемнело. Он с осторожностью поднял ее лицо к себе, внимательно вглядываясь в ее глаза и ища в них хоть малейшее опровержение только что сказанному.

— Повтори, — вместо слов вырвался лишь только хрип.

— Люблю тебя. Соскучилась. Не могу больше...

Этого было достаточно, чтобы все планки снесло разом. Верхняя одежда была рывком сброшена на пол, кое-как скинута и обувь, которая теперь осталась где-то в углу там же, где и цветы. Целовал бы ее вечность, удерживал в своих руках, упиваясь ощущением ее трепета и вкусом поцелуев. Надоело ждать. Подхватил на руки и понес в спальню, бережно опустил на постель, даже не дав возможности оглядеться по сторонам, и устроился рядом. Долго смотрел на нее так, словно не веря во все происходившее, гладил шелковистую кожу, плавно спускаясь к вороту ее джемпера. Нет, так не годится. Лишнее вон. И решил, наконец, на то, о чем мечтал весь этот вечер: расстегнул застегивание и расправил по плечам ее длинные волосы, мягкие и блестящие. Его сладкая девочка. Казалось, он даже во сне ощущал ее запах, ее вкус, настолько она въелась ему в память. И не было возможности сопротивляться тем чувствам, что вызывала она в нем. До слабости, до дикости, до нежности. Ему хотелось касаться ее, запоминать и вновь открывать для себя каждый сантиметр ее тела. Он, как голодный зверь, попал в капкан ее чувственности — ловушка захлопнулась, и ему уже никогда не вырваться, если только выгрызть себя, оставляя вместо ее облика боль утраты.

Его девочка. Такая волнующая и прекрасная, дрожала в его руках, выгибалась навстречу его прикосновениям и поцелуям. Ему нравилось ощущать, как она теряет рассудок от его ласк, как забывается и прикидается к нему, отдается без остатка. Глаза закрыты, на губах застыл громкий беспомощный крик, и не было ее прекрасней на свете. Его девочка. Сладкая, нежная, любимая.

— Никуда тебя больше не отпущу, слышишь? — звук собственного голоса походил на хрип. Не было больше той дерзкой девчонки, что сводила его с ума своей холодностью и язвительностью, в тот момент она уже не принадлежала себе, об этом явственно говорили ее глаза. В этот момент она принадлежала ему. А он сам? Когда он потерял себя перед нею? Когда эта девочка успела стать его душой, мыслями, надеждами? Ему хотелось обладать ею, просто невероятно хотелось, смести, наконец, тот последний эмоциональный барьер, что еще стоял меж ними. Руки скользили по коже, повторяя плавные изгибы, и вот уже последний рубеж был пройден. Решительный выпад, и осознание обожгло от понимания... Неужели так бывает?

Сходил с ума, и возродился одновременно. Хотел быть только с ней. Чтобы так всегда:

сплетенные пальцы, хриплые стоны, разметавшиеся по подушке волосы, тихий шепот и снова стоны... И крышесносное ощущение наслаждения, когда мир блекнет и остаются только двое. Когда ритм сбивается, рвется дыхание, когда глаза смотрят и умоляют о чем-то, крича при этом о любви.

— Почему ты не сказала? — Маша попыталась спрятаться, уткнувшись носом в шею, но Ярослав проявил настойчивость, приподняв ее лицо к себе. Он хотел услышать ее ответ и при этом видеть выражение ее глаз.

— Что не сказала?

— Маша, ты сама знаешь о чем я. Почему не сказала, что для тебя это в первый раз?

— Разве это что-то изменило бы?

— Изменило бы? — Ярослав приподнялся на локте и с удивлением посмотрел на нее. — А ты как думаешь? Я был бы осторожнее...

— Ярик! — простонала Маша с улыбкой, накрывая пальцами его губы. — Ярик, просто помолчи.

Он шутливо насупился, но когда Маша легонько коснулась в поцелуе кончика его носа, сдался и рассмеялся, завалившись на спину и сгребая ее в охапку следом за собой.

— Ярик.

— М? — тихо отозвался он, прижимая ее к себе и прикрыв глаза.

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, моя Льдинка.

Ее первое признание. Такое чертовски желанное. И такое теплое, волнующее. Не отпустит он ее больше никогда. Все, что угодно, сделает, лишь бы была с ним рядом.

Спящая любимая женщина поистине удивительное зрелище. Безмятежная, нежная, такая уютная и родная. Своя. Домашняя. И в его объятиях, словно они были чем-то самым привычным на свете для нее. Так легко и непринужденно закинула ножку на него, что с трудом удалось подавить в себе желание разбудить ее поцелуями, ласками и вновь повторить прошедшую ночь, только уже в размеренном темпе, наслаждаясь ощущениями и эмоциями.

Ярослав с улыбкой смотрел на свою девочку — прикрытые веки задрожали, выдавая первые признаки пробуждения. Маша перевернулась на спину, крепко зажмурилась и сладко потянулась, открывая его взору упругую грудь.

— Доброе утро, Льдинка.

— Доброе. — Одеяло было стыдливо натянуто до подбородка, а все еще сонные глаза уже взирали на него. Руки потянулись к глазам... И тут она, наконец-то заметила. Удивленно посмотрела сначала на руки, потом на него. Безмятный палец правой руки поблескивал белой полоской с нежно-голубым аквамарином в россыпи бриллиантов. Маша резко села на постели, придерживая одной рукой одеяло на груди, и ошарашено изучала новое украшение на руке. Да, вчера его там еще не было. Ярослав, словно довольный кот, улыбался, лежа рядом с ней и приподнявшись на локте.

— Ярик... Что это? — с придыханием в голосе спросила она. Смешная, милая, еще не отошедшая ото сна, но уже разбуженная неожиданным подарком и встревожившей ее мыслью.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Ярослав и сам не знал, какую реакцию стоило ожидать: кинется ли она ему на шею в радостным «Да!», или сдержанно ответит согласием, может, просто рассудительно откажет, объяснив причину. Но только не ожидал, что она закроется от него ладонями и уткнется в

колени, спрячется. А ему так хотелось видеть ее эмоции, потому как все утро ужасно нервничал, пока старался тихо и незаметно встать ночью с постели, найти кольцо и надеть его на ее пальчик, при этом умудрившись не разбудить, а потом ожидая, когда же она проснется и увидит его подарок. Вчера вечером он не решился сделать этого. Осознание того, что оказался ее первым мужчиной, что-то перевернуло в нем, и он решил не подвергать ее таким потрясениям в один день, а просто отложить этот разговор. Но только до следующего дня, так как Машин приезд и проведенная вместе ночь только укрепили его в мысли: без нее он больше не сможет, так она прочно вошла в его жизнь, заняла место в сердце, растопив там лед отрешенности и укоренившихся обид, подарила тепло любви, показала пример истинной семьи и отношений. Она стала для него откровением. И если он потеряет ее, то ни за что в жизни себе этого не простит.

— Маша, — тихо позвал он ее, присаживаясь рядом и прижавшись губами к ее плечу, боясь спугнуть. Но она не отвечала, и он начинал нервничать. Уткнулся носом в ее шею, а рукой привлек к себе.

— Это очень неожиданно для меня... Но ты снова заставляешь меня делать выбор.

— Я не хочу, чтобы ты делала выбор. Я готов немного подождать. Мы можем повременить с датой свадьбы. Бросать спорт я тебя не прошу, так как понимаю, что для тебя значит катание. Просто я хочу, чтобы ты знала: то, что происходит между нами, очень важно для меня.

Маша мучительно обдумывала его предложение, не решаясь сразу ответить ни согласием, ни отказом. Она напряженно смотрела на кольцо, медленно поглаживая камень.

— Он напоминает твои глаза. Как лед на Байкале, — наконец произнесла она задумчиво.

— А мне напоминает тебя. Маленькая хрупкая льдинка в твердой огранке. На прошлой неделе я был у твоих родителей.

— Они мне ничего не говорили, — Маша резко подняла голову и обернулась.

— Я попросил. Думал увидеть тебя, но ты уехала на сборы. Мое предложение... — Ярослав улыбнулся той самой своей озорной улыбкой, от которой у Маши табунами по коже бегали довольные мурашки. — В общем, они все знают. Я просил руки у твоего отца.

— Ярик, — расплылась она сама в улыбке, — да ты, оказывается, такой старомодный.

— Еще какой! — подыграл он ей. — И поэтому хочу самую что ни на есть старомодную по современным меркам крепкую семью, двух, а может и больше детишек, собаку или кошку, а лучше сразу их двоих. Хочу уютную и тихую семейную свадьбу без всякого пафоса. Я тебя люблю, Льдинка. Очень люблю. Ты станешь моей женой?

Маша счастливо бросилась ему на шею, повалив на простыни и нежно целуя.

— Я не понял, это да или нет? — нахмурился Ярослав, уворачиваясь от ее губ, но крепче прижимая к себе, чтобы, не дай бог, не ускользнула.

— Да! — сладко выдохнула она ему в губы, прикрыв от счастья глаза.

«Да!» Какое простое короткое слово, но сколь емкое. Сколько смысла и сколько обещаний в нем было!

— Только ты не думай, что это эмоции от прошедшей ночи... или от того, что ты у меня первый мужчина...

— Маш, — пришлось прервать ее глупую болтовню поцелуем, — просто помолчи. И чтоб больше никаких Переверзевых рядом, поняла?

Эпилог

Эпилог.

Теперь копилочку самых счастливых дней пополнил и этот. Волнительный, но такой теплый и многообещающий. Когда рядом все самые родные и любимые люди, объединенные одним словом — семья.

Маша с детства любила разглядывать свадебные фотографии родителей. Мама была просто невероятной. Рядом с папой, таким мужественным, решительным, порой даже серьезным и слишком волевым, она смотрелась по-настоящему нежной и сказочно красивой. Глядя на запечатленную на фотографиях идиллию, она с Аней всегда пыталась представить себе, как будут проходить их собственные свадьбы, какие образы они выберут. Вкусы у сестер с годами не поменялись, так как дух бунтарства был им все же не присущ, а вот привитый мамой утонченный вкус всегда помогал быть на высоте. Однако, пожалуй, самый важный совет от мамы она получила за несколько дней до самого волнительного дня в своей жизни — перед свадьбой.

— Ты прекрасна, девочка моя, — Аня ощутила теплое прикосновение сзади и обернулась. Мама легким движением расправляла фату по ее открытым плечам, при этом руки у нее дрожали от волнения. Так же, как и у самой Маши. — Как быстро ты стала взрослой. Даже не верится. Кажется, еще недавно вы бегали по комнатам, и вся квартира была наполнена вашими громкими криками и возгласами.

— И ты никогда не делала поблажек никому из нас, хотя я и не родная.

— Не говори так больше никогда, — всерьез нахмурилась мама, в который раз разозлившись на такие нелепые слова. — Для нас вы все равны. Ты, Аня, Андрей. Да, не мы с папой дали тебе жизнь, но поверь, наша любовь от этого не меньше и она всегда будет с тобой. Что бы ни случилось.

— Я знаю, — ее руки накрыли мамины. За годы, проведенные с ними, она ни разу в этом не усомнилась. — И очень вам с папой за это благодарна. Вы для меня самый лучший пример.

— Пример, это, конечно, хорошо, — улыбнулась мама в ответ и вздохнула. — У меня такой пример появился в жизни слишком поздно. Мои родители, к сожалению, не были образцом для подражания, скорее уж показателем, какой не должны быть отношения в семье между любящими людьми. Но когда я познакомилась с семьей папы, поняла, что же такое настоящий дом — это то место, где тебя любят, ждут и принимают таким, какой ты есть на самом деле, без прикрас. Идеальных примеров можно найти множество. Но я хочу, чтобы ты запомнила одно: не старайся слепо следовать идеалу, создавай себя и свою судьбу по собственному внутреннему убеждению, прислушиваясь к своему сердцу.

— Мамочка моя, — совершенно расчувствовавшись, Маша обняла маму, напрочь позабыв и про великолепное платье, и про макияж, и про укладку. — Вы с папой самый лучший подарок в моей жизни. Без вас ничего этого у меня бы не было. И даже Ярика.

— Это вы с Аней выбрали друг друга, а мы просто не посмели вас разлучить, — развела руками мама, тепло улыбаясь при этом. Да, там в детском доме, где волею разных судеб их с Машей пути сошлись, они стали друг другу опорой и поддержкой. Два запуганных ребенка, оставшихся без родителей. Они сразу же сдружились и не расставались ни на минуту. А когда Аню все же нашли родители и забрали из детского дома, Маша чувствовала себя так, словно мир вокруг нее померк. И стало невыносимо одиноко. Разве мог маленький ребенок знать, что такое одиночество? Она знала. Этот страх был уже давно побежден, но иногда ей казалось, что он все еще жив и затаился где-то в глубине души, напоминая о себе в

тревожных снах-воспоминаниях.

— Ну что, готова? — В комнате появилась Аня, нарушив доверительную беседу. — Жених уже приехал.

Маша ощутила волнительную дрожь в коленках, то ли от счастья, то ли от страха, но уверенно кивнула. Готова!

— Машка! — сестра радостно обняла ее, а потом спохватилась, боясь помять красивый наряд. Они вдвоем смотрелись в зеркало, держась за руки. Две сестры, родные не по крови, но по душам. — Какая ты у меня красивая сегодня! А помнишь, как мы с тобой в тюль обматывались, изображая свадебную моду?

— Помню. — Невеста впервые за это утро искренне и беззаботно рассмеялась. — Нам тогда знатно от бабушки влетело. А мама из них нам потом все равно сшила платья. Сколько нам тогда было? Лет восемь?

Мама смеялась вместе с ними и ласково заключила в свои объятия, поцеловав каждую из дочерей. И только сейчас Маша начала осознавать, что вскоре им предстоит разлука. Она уедет вместе с Ярославом, и в родительском доме теперь будет не частой гостьей. Было тяжело представить, как теперь обойтись без теплых маминых объятий, без ее улыбки и верных слов поддержки.

— Ну что ты, девочка моя? — Лишь когда мамина рука коснулась щеки, Маша поняла, что плакала.

— Это от эмоций. Ничего страшного. Я тебя так сильно люблю, мамочка. Всех вас. Очень люблю.

Мама умела одним жестом сказать то, что не выразили бы и сотни слов. Ее любящие объятия рассказали, как сильна материнская любовь.

— Все, все, слезы долой, а то мы сейчас теми еще красотками будем с красными глазами и распухшими носами, — улыбнулась мама сквозь слезы. Она мягко поцеловала дочь в лоб и опустила фату, заботливо расправляя тонкую вуаль по плечам. — Ну что, пора?

В комнату вошел папа, чтобы, как полагалось, вывести невесту навстречу будущему мужу.

— Красавица моя, — улыбнулся он ей, подставляя локоть для поддержки. — Эх, вроде еще недавно сам нетерпеливо за дверью маялся в ожидании появления вашей мамы. Нервничал, жуть прям! А сейчас вот по другую сторону баррикад оказался и нарочно оттягиваю время, нервируя жениха.

Мечтам о тихой скромной свадьбе сбыться было не суждено — слишком большая была семья у Маши. Клан, как прозвал их Ярослав. Теперь он сам стал его неотъемлемой частью. И, кажется, ему самому это нравилось.

— Ты счастлива? — Пока Ярослав отвлекся, чтобы уделить внимание своим родственникам, Маша подошла к родителям. Мама обняла ее и прижала к себе, прямо как в детстве, а папа обнял их обеих разом.

— Да, — выдохнула Маша, не сводя влюбленных глаз с мужа.

— Не будешь ни о чем жалеть?

Жалеть?

Это решение далось ей очень нелегко. Маша ужасно переживала, даже срывалась порой. Сделать выбор было трудно. Разве можно было так просто оставить дело, которым жила и дышала с детства, отдавая всю себя без остатка? Хотелось достичь новых высот, так как силы и желание бороться никуда не пропали. Она готовилась к соревнованиям, пожалуй,

даже так, как еще никогда раньше. Глядя на своих юных соперниц, осваивала новые элементы, усложняла программу, и это давало положительные результаты. Только вот то, что с легкостью получалось у пятнадцатилетних фигуристок, ей уже давалось с большим усилием. Ее время уходило, и старые травмы все чаще стали напоминать о себе. Она много говорила с Софией Марковной о дальнейшей карьере, но обе прекрасно понимали, что рано или поздно настанет день, когда все же придется оставить спорт. И лучшим решением будет сделать это на гребне успеха, не дожидаясь, когда придется с сожалением смотреть, как от соревнования к соревнованию падают баллы, на спортивном небосклоне зажигаются новые звездочки фигурного катания. Последнее выступление пришлось на чемпионат мира, где только благодаря чистому выступлению и освоенному усложненному каскаду она смогла достойно занять второе место, уступив золото своей же юной соотечественнице. Это серебро стало для нее дороже золота, так как Маша ощутила предел своих возможностей. Дальше будет только труднее. С каждым годом уровень юниоров только крепчал, да и молодые тренеры теперь работали совершенно иначе со своими подопечными, повышая и требования, и уровень подготовки. Конкуренция росла даже не на мировом уровне, а внутри национальной команды. Этим серебром Маша поставила точку в отношениях со спортом. Никогда бы не подумала, что будет так больно. До слез. Еще долго следила за новостями в мире фигурного катания, просто по привычке, а самой казалось, что она смотрела вслед уходившему поезду своих надежд. Нужно было учиться жить безо льда.

Только расстаться так просто с делом всей своей жизни ей так просто и не позволили бы. Николай Мартусов, тот самый, что сумел уговорить их с Ярославом принять участие в постановочном шоу в качестве пары, выразил категорическое желание видеть Машу в своих последующих шоу и спектаклях на льду. Отказать его настойчивости не было возможности, а это значило, что еще некоторое время ей придется разрываться на две страны, но при этом Маша все же могла вновь порхать на льду, испытывать себя на прочность...

В самое трудное для нее время рядом была семья. И рядом был Ярослав, который всего на пару дней специально вырвался к ней. В эти дни они долго говорили, думали... больше их ничто уже не разделяло. И впервые за долгое время они определились с датой свадьбы. Впервые за все время с момента ухода из спорта Маша почувствовала легкость и счастье. Жизнь многогранна. Счастье живет в мелочах, стоит только оглянуться.

Будет ли она жалеть?

— Не буду, мама. Не буду.

Сказала и сама улыбнулась своему счастью, все еще боясь поверить в его реальность. И счастье улыбнулось ей в ответ, сияя голубыми, как байкальский лед, глазами.

В самый разгар вечера многие гости, кто был лично знаком с Ярославом, напряженно притихли, едва в дверях появился новый гость. Так как в это время новоиспеченные супруги были ближе к сцене, кружась в медленном танце, они не сразу обратили внимание на него. Первой увидела в дверях незнакомца Маша. И по тому, насколько он был похож на ее мужа, сразу же поняла — это был отец Ярослава. Он пришел на свадьбу сына, но нерешительно замялся в дверях, словно не зная, как ему быть дальше. И у Маши закралось подозрение, что Яр мог не знать о намерении отца прийти на торжество. Ярослав, почувствовав неладное, растерянно остановился, развернулся и, увидев отца, застыл. Его тело было напряжено до предела, Маша ощутила, как окаменели его мышцы под рубашкой. Атмосфера вокруг заметно накалялась. Боже, только бы сейчас не было скандала. После того, как Александр Михайлович выписался из больницы, Яр так больше и не нашел в себе силы на

возобновление общения. Говорил, что не мог, что ему нужно время все принять.

Маша перевела взволнованный взгляд на мужа. Знать бы, что сейчас происходило с ним? Какую борьбу вел он с самим собой?

Но вот Ярослав отпустил ее руку и сделал первый медленный шаг вперед. А затем уверенно направился к дверям, не сводя напряженного взгляда с отца. Подошел к нему вплотную и остановился. Они долго смотрели друг на друга, Маше показалось, целую вечность; краем глаза она уловила движение — это мать и сестра Яра поднялись со своего места и застыли в волнении. И тут произошло то, что меньше всего ожидал кто-либо: Ярослав сделал последний шаг навстречу и крепко обнял своего отца. Маша сама не заметила, что все это время стояла, затаив дыхание, боясь чего-то страшного. Лишь только осознав, что произошло сейчас, она растерянно выдохнула. Сквозь наворачнувшиеся слезы смотрела она на двух мужчин, тесно сжимавших друг друга в объятьях, на их дрожавшие руки и эмоциональные похлопывания по плечу и спине и тихо говорящих друг другу что-то важное. Не сразу Маша заметила в руках Александра Михайловича знакомый конверт. Пригласительное письмо. Она лично делала заказ по заранее согласованным спискам, чтобы потом разослать гостям, но среди них не было для Смелякова-старшего. Значит, Ярослав сам лично направил приглашение отцу. В этот важный для себя день ее муж нашел в себе силы простить отца, отпустить свои старые обиды и начать все с начала. Маша была безумно рада и горда за них.

Ярослав, поддерживая отца рукой за спиной, подвел его к своей жене. Глаза у обоих подозрительно блестели и были красными, но на это обстоятельство не стоило обращать чье-либо внимание — это было то, что касалось только их двоих. Ведь иногда и мужчины могут плакать.

— Я ведь вас так и не познакомил. — На лице Ярослава появилась виноватая улыбка. — Папа, это моя Маша. Это о ней говорила мама. В тот день в больнице со мной была она.

Он явно хотел сказать что-то большее, но решил ограничиться этими скудными словами, но, казалось, его отец понял все и так. Мужчина протянул ей замысловатый красивый букет из белых и розовых роз и осторожно подался вперед, чтобы оставить на щеке легкий поздравительный поцелуй и украдкой прошептал:

— Спасибо тебе большое, девочка.

— Мне? — удивилась Маша. — За что?

— Ты знаешь, за что.

Что ж, оттепель в их отношениях уже наметилась, с радостью подумала Маша, глядя на мужа, провожавшего своего отца к столику, за которым сидели его мама и сестра. Новая жена Александра Михайловича также была приглашена вместе с ним, но деликатно отказалась сопровождать его на вечер, хоть здоровье его все еще требовало чьего-то стороннего присмотра, благоразумно рассудив, что на этом празднике ее присутствие было бы совершенно некстати. Не без радости Маша отметила про себя, с каким теплом общался Смеляков-старший со своей первой семьей.

— Теперь вся семья в сборе? — мягко спросила она вернувшегося к ней Ярика, нежно глядя его щеку.

— О, теперь клан стал еще больше, — улыбнулся он ей в ответ, и так тепло стало от его искрящихся глаз. — Но, думаю, стоит еще поработать над его увеличением... думаю, на две-три персоны. Как думаешь?

— Хм, надо подумать, — шутливо изобразив задумчивость, ответила Маша. Теперь

перед ней была дилемма иного характера: немного продлить возможность поработать или...
А ведь Ярик уговорит ее! Как пить дать, уговорит. Так, что даже отказать не будет желания.

Больше книг на сайте - Knigoed.net